

ДЕСЯТЬ ЛЕТ

ПОСЛЕ

„ОДНОГО ДНЯ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА“

ЖОРЕС А. МЕДВЕДЕВ

Macmillan

ДЕСЯТЬ ЛЕТ
после
«ОДНОГО ДНЯ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА»

Zhores A. Medvedev

**TEN YEARS
AFTER IVAN DENISOVICH**

**Macmillan
1973**

Ж. А. Медведев

**Десять лет
после
„Одного дня Ивана Денисовича“**

Macmillan
1973

© Zh. A. Medvedev 1973

All rights reserved. No part of this publication
may be reproduced or transmitted, in any form or
by any means without permission.

SBN: 333 154509

First published 1973 by
MACMILLAN LONDON LTD
London and Basingstoke

Associated companies in Durban Melbourne
Johannesburg and Madras

Printed in Germany by Fremdsprachendruckerei
Dr. Peter Belej, 8 München 13, Hess-Strasse 74-76

СОДЕРЖАНИЕ

1. Предисловие	7
2. «Новый мир», «Литературное чудо» и партия	12
3. Выдвижение «Одного дня» на Ленинскую премию	22
4. Комитет по Ленинским премиям перед выбором	32
5. В круге первом	41
6. Конфискация «Круга первого» и литературного архива	49
7. Известные и неизвестные обстоятельства конфискации	58
8. А. И. Солженицын и П. Л. Капица	63
9. Что делать с непослушными талантами?	67
10. Обращение к Четвертому Съезду писателей	80
11. «Раковый корпус» в самиздате и в «Новом мире»	84
12. «Черный рынок» для русской литературы	88
13. Кто получает доходы на литературном «черном рынке»	98
14. Начало открытой кампании против А. И. Солженицына	104
15. Публикация «Ракового корпуса» и «Круга первого» за рубежом, осенью 1968 г.	109
16. Лжесолженицын и «Солженицер»	112
17. Исключение Солженицына из Союза советских писателей	116
18. Алиби по одному из обвинений	126
19. Разгон редакционной коллегии «Нового мира»	136
20. Трудное лето 1970 года	145
21. Нобелевская премия по литературе	151
22. Где будет вручена Нобелевская премия?	160
23. Преследование друзей и новая волна критики	167
24. Новый роман — «Август Четырнадцатого»	177
25. Кончина Александра Трифоновича Твардовского	185
26. «Литературная газета» начинает международную кампанию	194
27. Несостоявшаяся Нобелевская церемония в Москве	201
28. Кто заказывает и кто исполняет музыку	208
29. Нобелевская лекция	217
30. Десять лет	222

ПРЕДИСЛОВИЕ

В науке уже давно стало традицией издание особых сборников работ, посвященных юбилею того или иного ученого, сделавшего фундаментальный вклад в развитие или решение какой-либо проблемы. По-видимому, эта традиция возникла в Германии и поэтому на всех языках принято немецкое название для такого рода сборников — «Фестшрифт». Такие сборники обычно издаются друзьями, коллегами и учениками, рассказывающими о событиях жизни и о личных достоинствах юбиляра, разъясняющих суть его научных достижений и публикующих собственные работы, связанные с идеями, выдвинутыми учителем. Во время юбилея изданную книгу вручают юбиляру как подарок.

В прошлые годы мне пришлось участвовать в создании такого «Фестшрифта», посвященного 80-летнему юбилею со дня рождения профессора Фрица Верзара, выдающегося специалиста в области изучения старения. Этот сборник, в создании которого приняли участие около 30 ученых из разных стран, был вручен проф. Верзару в 1966 г. во время Международного конгресса геронтологов в Вене. Я надеюсь, что смогу участвовать и в создании «Фестшрифта» к 90-летию проф. Верзара.

Настоящая книга также является «Фестшрифтом» по случаю юбилея. Но это не юбилей жизни человека, а юбилей публикации определенной работы. Такого рода юбилеи также принято отмечать в области науки, если речь идет о публикации, изменившей наши представления в той или иной области знания. Работа, 10-летнему юбилею публикации которой посвящен настоящий очерк, имела несомненно выдающееся значение не только для развития литературы, но и общественной мысли, и это значение не было ограничено пределами нашей страны.

Хотя в центре событий очерка стоят два человека, которых я считаю своими друзьями: А. И. Солженицын и А. Т. Твардовский, но автор не видит свою задачу ограниченной изложением личной судьбы этих людей. Автор стремился дать картину некоторых общественных явлений минувшего десятилетия.

Никто из упоминаемых в очерке людей не знал о подготовке этой работы до ее полного завершения.

1. СОЛИДАРНОСТЬ

Летом 1964 г., имея отпуск за два года, я вместе с женой и сыновьями прекрасно отдыхал на Черном море в Крыму. За это время я почти отвык от газет, и, возвращаясь 29 августа через Москву домой в Обнинск, перед посадкой на электричку на Киевском вокзале решил узнать, что же происходит в мире. Было уже поздно, и в газетных киосках продавалась лишь «Сельская жизнь», которую москвичи покупают неохотно. Развернув в вагоне газету, я сразу увидел большую, почти в пол-полосы статью Президента Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук М. А. Ольшевского «Против дезинформации и клеветы». Было очевидно, что этот наиболее верный последователь и ставленник Т. Д. Лысенко вновь использует центральную печать как дубинку против генетиков. Читая статью, я нашел в ней и абзацы, посвященные лично мне. Обрушившись с резкими нападками на мою, нигде не изданную, но широко циркулировавшую с 1962 г. рукопись книги по истории генетической дискуссии в СССР, Ольшевский объявил, что излагаемый в этой «объемистой рукописи» материал представляет собой грубую политическую спекуляцию, лишен фактической основы, и что Медведев должен предстать перед судом за распространение клеветы.

Рукопись, о которой шла речь в статье Ольшевского, была уже достаточно хорошо известна в научных кругах. За два года циркуляции в самиздате ее прочитали тысячи людей. Многие коллеги в устной и в письменной форме сообщали автору новые факты, подробности, детали событий, высказывали всяческую поддержку завершению этой работы. За два года я получил множество писем от ученых, писателей, от ряда старых большевиков. Во всех этих письмах выражалась полная солидарность с изложенной в рукописи критикой Т. Д. Лысенко и его последователей и

разоблачением тех незаконных методов, которыми эта группа псевдоученых расправлялась со своими научными противниками. Статья Ольшанского в «Сельской жизни» меня поэтому не очень напугала. Что ж, суд так суд. На суде десятки ученых, которые, как я знал, решительно поддерживали мою работу, смогут выступить на стороне защиты и доказать правильность изложенных в рукописи фактов. Я не сомневался, что в ближайшие дни получу десятки писем от генетиков, биологов и от других ученых, от прежних своих корреспондентов, в которых будет предложено необходимое содействие и выражена решимость не уступать грубой демагогии. Прошла неделя, но ни писем, ни даже телефонных звонков не было. Безоговорочная поддержка Т. Д. Лысенко на всех Пленумах ЦК КПСС в 1964 г. и сведения о создании особой комиссии для реорганизации в биологических и сельскохозяйственных учреждениях изменили атмосферу и сделали людей более осторожными. Обнинский горком КПСС дал указание дирекции института собрать специальное заседание парткома для обсуждения моих действий. На статью Ольшанского откликнулся только «Голос Америки», сообщив о какой-то небольшой заметке по этому поводу в газете «Нью-Йорк Таймс».

5-го сентября я обнаружил в домашнем почтовом ящике первое письмо. Адрес был написан мелким, но четким и выразительным почерком. Обратный адрес на конверте не был указан, но, судя по штампу, письмо было отправлено из Рязани 2 сентября. В Рязани у меня не было знакомых. Поднявшись домой и распечатав конверт, я прежде всего взглянул на подпись. Первое, что почувствовал, были удивление и радость: Солженицын. Прочитал письмо, затем прочитал еще раз, а потом снова много раз возвращался к нему.

Рязань 2. 9. 64.

Многоуважаемый Жорес Александрович!

Этим летом я прочел Ваши «Очерки».

За много лет буквально не помню книги, которая так бы меня захватила и взволновала, как эта Ваша. Ее искренность, убедительность, про-

стота, верность построения и верно выбранный тон — выше всяких похвал. О современности ее нечего и говорить.

Я знаю, что и многих читателей она очень волнует, хотя бы они были далеки от биологии. Никто не может остаться безразличным к ее дальнейшей судьбе.

28 августа, накануне подлой статьи Ольшанского, я предполагал проехать Обнинск и хотел наудачу зайти к Вам. Но пришлось ехать по другой дороге, и в Обнинск я не попал.

В эту ответственную для Вас минуту мне хочется крепко пожать Вашу руку, выразить гордость за Вас, за Вашу любовь к истине и к отечественной науке. Ваша книга состоит из одних неопровержимостей, и тот суд, который приемчиками старого времени накликает Ольшанский, будь он широкий и гласный — на его же голову и обрушится.

Желаю Вам здоровья, бодрости, мужества!

Не теряю надежды с Вами познакомиться.

г. Рязань, 23

I-й Касимовский пер. 12, кв. 3

Инициалов около фамилии нет, но то, что это письмо от Александра Исаевича Солженицына, автора удивившей и потрясшей весь мир книги «Один день Ивана Денисовича», в этом не было никакого сомнения. Письмо это так и осталось единственным полученным мною письменным откликом на статью Ольшанского. Но и одно это письмо было достаточной поддержкой, чтобы не терять веру в силу солидарности.

2. «НОВЫЙ МИР», «ЛИТЕРАТУРНОЕ ЧУДО» И ПАРТИЯ

Об А. И. Солженицыне к сентябрю 1964 г. я знал очень много, хотя не встречал его еще в то время ни разу. Но к его судьбе, к его произведениям и ко всем связанным с их публикацией обстоятельствам у меня был особый, не только общий, но и личный интерес, заставлявший внимательно следить за всеми событиями, окружавшими появление в «Новом мире» повести и рассказов этого писателя.

Его повесть пробила на какой-то срок барьер на пути действительно реалистической литературы, раскрывавшей преступления сталинского прошлого. Этим событием закреплялся демократический процесс. Появилась надежда, что вслед за этой работой найдут дорогу в печать и другие произведения, публицистические, исторические, научные, не стремящиеся забыть о пережитом. Повесть воспринималась поэтому не только как новый этап в развитии советской литературы, но и как сдвиг во всех аспектах интеллектуальной жизни нашего общества. Успех А. Солженицына создавал и у других авторов не изданных по политическим мотивам произведений, и у меня в том числе, большие надежды.

По существу именно благодаря рукописи очерков по истории генетической дискуссии я узнал о повести Солженицына задолго до ее публикации в «Новом мире». Летом 1962 г. друзья ознакомили с первым вариантом моей работы сотрудников «Комсомольской правды». В этой газете рукопись нашла сильную поддержку, и отдел науки редакции заказал мне статью о перспективах советской генетики. Статья была написана в соавторстве с ленинградским генетиком В. С. Кирпичниковым. Чтобы обеспечить публикацию статьи, в редакции решили познакомить с основной работой известных ученых и писателей. Пока я был

в отпуске, в редакции, не спросив согласия автора, отпечатали на машинке несколько экземпляров книги и стали знакомить с нею многих ученых, с одновременной просьбой подписать письмо в редакцию о необходимости поднять вопрос о судьбе советской генетики. Когда я вернулся из отпуска, энтузиазм редакции уже кончился. 11 июля 1962 г. Экспериментальное хозяйство Т. Д. Лысенко «Горки Ленинские» посетил весь состав Президиума ЦК КПСС во главе с Н. С. Хрущевым, и 12 июля сообщение об этом было опубликовано во всех газетах, включая «Комсомольскую правду». Была опубликована и речь Н. С. Хрущева с полной поддержкой всех начинаний Т. Д. Лысенко. Я попытался собрать распространенные «Комсомольской правдой» экземпляры книги, но это оказалось невозможным, рукопись подверглась спонтанному размножению.

Статью «Перспективы советской генетики» я отнес в «Новый мир», в отдел публицистики. Там в первый раз я услышал о повести из лагерной жизни неизвестного рязанского автора. Повесть эта, необыкновенная по своим литературным достоинствам, была, по словам сотрудника «Нового мира», у Н. С. Хрущева, и мне поэтому было бы лучше не затруднять положение «Нового мира» рассмотрением вопросов, которые могли вызвать раздражение партийного лидера. Во всем, что касалось Т. Д. Лысенко и «мичуринской биологии», Хрущев был неумолим и только на днях он единоличным решением приказал закрыть старейший в стране учебный центр — Московскую сельскохозяйственную академию им. К. А. Тимирязева из-за несогласия с научными позициями ученых академии. (Этот акт послужил вскоре причиной моего увольнения из академии и переезда в г. Обнинск.) Я взял статью из «Нового мира», но ее вскоре принял ленинградский журнал «Нева» и опубликовал в 3-м номере за 1963 г.

Известие о повести, описывающей жизнь в лагере, меня очень заинтересовало. Писатель В. А. Каверин, с которым я тогда познакомился, повесть эту прочел и считал выдающимся и необыкновенным произведением. Он сказал мне и о мнении Корнея Чуковского, который назвал эту повесть «литературным чудом».

Но напасть на следы рукописи мне не удалось. В октябре я узнал, что на самом «верху» принято решение о публикации повести и она выйдет в ноябре в 11-ом номере журнала. С этого времени я внимательно следил за выходом номера по каталогам Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. В фонды этой библиотеки книги поступают из числа обязательных экземпляров т. н. «разноски», то есть первых 30—40 копий тиража, разносимых в ответственные учреждения Москвы. Основной тираж любой книги выходит на 2—3 недели позже. Числа 9 или 10 ноября я уже читал в библиотеке повесть А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», читал ее весь день, три раза подряд. Не было в моей жизни случая, когда бы я подряд несколько раз добровольно читал одно и то же произведение.

Через неделю о повести Солженицына говорили все, а об авторе и об истории публикации этой необыкновенной вещи рассказывалось множество легенд. В дальнейшем, когда я ближе познакомился с редакцией «Нового мира» и с А. Т. Твардовским (там был поднят и в течение года обсуждался вопрос о публикации в сокращенном виде моих очерков по истории генетической дискуссии), я несколько раз слышал от Твардовского рассказы о некоторых событиях, предшествовавших публикации повести А. И. Солженицына. Сопоставляя эти рассказы с тем, что стало известно мне и от других сотрудников «Нового мира», я могу изложить здесь вкратце эту историю, с полной ответственностью за достоверность приводимых фактов.

Повесть была написана А. И. Солженицыным в период между 1956 и 1958 гг., но до конца 1961 г. автор не пытался ее публиковать, считая это совершенно безнадежным. Автор не решался и на то, чтобы ознакомиться с повестью литературные круги Москвы даже в частном порядке. Однако после XXII-го съезда КПСС, открыто осудившего преступления Сталина, ситуация резко изменилась. На XX съезде КПСС в 1956 г. также были приведены материалы о многих преступлениях Сталина, но это было сделано в форме «закрытой», никогда не публиковавшейся речи Н. С. Хрущева. На XXII съезде члены Президиума ЦК

КПСС и другие ведущие ораторы рассказали страшные подробности о сталинских репрессиях, о незаконных массовых казнях советских граждан, о господстве произвола и насилия. Эти речи публиковались в советских газетах, что свидетельствовало о том, что руководство партии решило раскрыть народу полную правду об ошибках и преступлениях прошлого. В новой обстановке, возникшей после этого съезда, А. И. Солженицын решил предложить свою повесть для публикации. Он с большим вниманием отнесся к выступлению на съезде А. Т. Твардовского, призвавшего писателей правдиво отразить темные стороны «культы личности». По просьбе Солженицына Л. Копелев отнес рукопись повести в конце декабря 1961 г. в «Новый мир», передав ее сотруднице отдела прозы. Рукопись не имела еще того названия, которое сейчас известно всему миру, а была озаглавлена просто «Щ-854», номером, который, как следует по тексту, носил на груди, на спине и на шапке главный герой повести Иван Денисович Шухов. Автор повести также не был указан, Копелев сказал только, что он живет в Рязани. Рукопись имела необычный для редакции вид, она была напечатана плотно, через один интервал, почти без полей и на обеих сторонах листа, автор либо сэкономил бумагу, либо считал, что чем меньше бумаги, тем легче сохранять произведения.

Несмотря на непрофессиональный способ машинописной перепечатки рукопись была прочитана в отделе прозы с большим интересом. Первым ее читателем в редакции была Анна Самойловна Берзер. По ее просьбе личная секретарша Твардовского быстро перепечатала рукопись, после чего А. С. Берзер передала рукопись А. Т. Твардовскому с рекомендацией обратиться на нее внимание. Твардовский взял рукопись домой и начал читать ее поздно вечером, уже в постели, но был так взволнован, что встал, оделся и дочитывал ее уже за письменным столом почти до утра. На следующий день в редакции он попросил срочно связать его с Копелевым, узнать имя и адрес автора и срочно вызвать его в Москву. На нескольких совещаниях у Твардовского было решено просить в ЦК КПСС разрешения на публикацию повести. О том, что одного

только решения редакции будет недостаточно, чтобы повесть прошла через цензуру, в этом никто из работников редакции не сомневался. Как раз незадолго перед этим журнал опубликовал роман Ю. Бондарева «Тишина», в котором была описана сцена квартирного обыска и ареста по клеветническому доносу. Эту сцену удалось сохранить с большим трудом, а потом из-за нее было много упреков.

Автор повести «Щ-854», приехавший по приглашению Твардовского, произвел в редакции «Нового мира» очень хорошее впечатление. При коллективном обсуждении повести было высказано мнение о том, что название следует заменить. Новый заголовок подбирали совместно, и окончательный, всем понравившийся, — «Один день Ивана Денисовича» — был предложен А. Т. Твардовским.

Прежде чем обращаться в ЦК КПСС, А. Т. Твардовский решил получить рецензии на повесть от ведущих литераторов Москвы. Экземпляры рукописи были направлены К. Чуковскому, С. Маршаку, А. Каверину, литературному критику В. Лакшину и ряду других литераторов. Отзывы были очень хорошими.

После широкого рецензирования А. Т. Твардовский и его заместитель А. Г. Дементьев составили письмо Первому Секретарю ЦК КПСС. Ссылаясь на единодушное мнение членов редколлегии и ведущих литераторов ССП, «Новый мир» просил Н. С. Хрущева рассмотреть вопрос об издании повести.

Твардовский был хорошо знаком с Н. С. Хрущевым и неоднократно с ним встречался. Однако он решил отказать от персонального вручения письма, а направить его через аппарат Первого Секретаря. Письмо «Нового мира» вместе с экземпляром «Одного дня» было передано помощнику Н. С. Хрущева В. С. Лебедеву, который отвечал за вопросы культуры. Как личный помощник Хрущева Лебедев был в известной степени независим от сектора литературы Идеологической Комиссии ЦК КПСС, который возглавлял Д. Поликарпов, человек крайне консервативных, сталинских взглядов.

Лебедев отнесся к повести А. И. Солженицына с огромным интересом и принял все меры к тому, чтобы

Рязань
2.9.64.

Многоуважаемый Борис Александрович!

Этим летом я прочел Ваши "Очерки".

За много лет буквально не помню книги, которая так бы меня захватила и взволновала, как эта Ваша. Ее искренность, убедительность, простота и верность построения и верно выбранный тон - были всяких похвал. О современности ее ничего и говорить.

Я знаю, что и многих читателей она очень волнует, хотя бы они были далеки от биологии. Никто не может остаться безразличным к ее дальнейшей судьбе.

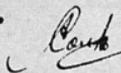
28 августа, накануне подлой статьи Ольманского, я предполагал проехать Обнинск и хотел наудачу зайти к Вам. Но пришлось ехать по другой дороге, и в Обнинск я не попал.

В эту ответственную для Вас минуту мне хочется крепко пожать Вашу руку, выразить гордость за Вас, за Вашу любовь к истине и к отечественной науке. Ваша книга состоит из одних неопровержимостей, и тот суд, который приемчиками старого времени накликает Ольманский, будь он широкий и гласный - на его же голову и обрушится.

Желаю Вам здоровья, бодрости, мужества!

Не теряю надежды с Вами познакомиться.

Солженицын.

г.Рязань, 23
I-й Касимовский пер. 12, кв.3

обеспечить положительное отношение к повести со стороны Н. С. Хрущева.

Н. С. Хрущеву повесть «Один день» была прочитана В. С. Лебедевым в период летнего отпуска, который Хрущев проводил в Пицунде на берегу Черного моря. Это было в конце августа или в начале сентября. Хрущев позвал А. И. Микояна, отдохавшего неподалеку, и, похвалив повесть, попросил прочитать ее. Микоян также высказал одобрение. После этого вопрос о публикации повести был включен в повестку заседаний Президиума ЦК КПСС. «Новый мир» получил указание отпечатать 20 экземпляров с грифом «верстка» для членов Президиума ЦК КПСС, что и было быстро сделано. (Кроме этого, Твардовский заказал 5 экз. для редакции, один из которых подарил автору повести.) Главные редакторы и их заместители по существующим правилам обладают правом заказывать в типографиях и первичные наборы (гранки) и печатать верстку в нескольких экземплярах (конечный текст с указанием страниц). Для печатания версток разрешения цензуры не требуется. Цензор сам читает не рукопись, а типографскую верстку и дает разрешение «в печать», после чего типография может печатать основной тираж.

Мне приходилось слышать различные гипотезы о том, почему Н. С. Хрущев, которому понравилась повесть Солженицына, не дал личной директивы о публикации этой работы. Все эти гипотезы основываются на непонимании тех серьезных ограничений власти Первого Секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР, которые реально существуют и очень строго соблюдаются, особенно по отношению к различного рода публикациям. Главлит (цензура) как организация в значительной степени секретная и межведомственная действует на основании инструкций, утвержденных Президиумом ЦК КПСС, Советом Министров СССР и КГБ. Если Главлит на основании имеющихся у него инструкций запрещает какую-либо публикацию, то изменить решение Главлита можно лишь в результате постановления Президиума ЦК КПСС или Секретариата ЦК КПСС. Личного указания Н. С. Хрущева для изменения цензурного запрета

недостаточно (если речь идет о принципиальной публикации). Равным образом личное указание Хрущева не является обязательным для цензора, который стал бы рассматривать вопрос о публикации «Одного дня». Ведь и при наличии любых решений высших инстанций на верстке повести все равно должна была стоять подпись цензора, без которой типография не приняла бы ее для печатания. Инструкции о печати — это основа основ, и они соблюдаются значительно строже, чем Конституция СССР, особенно в той ее части, где говорится о свободе печати, соблюдении тайны переписки, свободе демонстраций и о других правах. В некоторых странах глава исполнительной власти, например, президент страны, не имеет полномочий для того, чтобы *запретить* органам печати публикацию того или иного материала. В СССР правом *запретить* публикацию руководитель государства обладает и может использовать его даже после того как публикация одобрена Главлитом. Для этого в канцелярию Первого Секретаря и в аппарат Председателя Совета Министров СССР направляются на контроль сигнальные обязательные экземпляры всех изданий. Но правом непосредственного распоряжения о публикациях, минуя цензуру, глава исполнительной власти в СССР не обладает, равно как он не может единолично издавать законы, указы и декреты, или объявлять о состоянии войны.

На первом заседании Президиума ЦК КПСС, в повестку которого был включен и вопрос о разрешении публикации в «Новом мире» повести Солженицына, решение не было принято. Некоторые члены Президиума сообщили, что они не успели прочитать повесть. Другие высказали осторожные замечания о том, что следовало бы не показывать в столь отрицательном виде работников охраны лагеря, «они ведь исполняли свой долг». Вопрос о повести был перенесен на следующее заседание, на котором по предложению Н. С. Хрущева, поддержанному А. И. Микояном, единогласно было принято положительное решение.

О том, как происходило это заседание, существует несколько версий, однако они мало достоверны. В повестку дня заседания Президиума ЦК КПСС вклю-

чается множество разнообразных вопросов, публикация повести не могла быть среди них главным, а тем более единственным. Поэтому ни легенды об обширной дискуссии по этому вопросу, со столкновением различных точек зрения, ни слухи о полном молчании, которое Н. С. Хрущев объявил «знаком согласия», не могут быть достоверными. У каждого члена Президиума несомненно был подготовленный аппаратом ЦК проект решения, который и был утвержден. Решение ЦК КПСС через аппарат ЦК поступило и в редакцию «Нового мира». Одинадцатый номер журнала, в котором с 8-ой до 74-ой страницы печаталась повесть Солженицына, получил необходимые визы «в печать». С издательством «Известий», в которое входит и редакция «Нового мира», А. Т. Твардовский договорился об увеличении тиража на 40 тысяч экземпляров. Кроме того, 2 500 экземпляров журнала были заказаны для открывавшегося в ноябре расширенного Пленума ЦК КПСС, посвященного перестройке управления промышленностью и сельским хозяйством страны, самой радикальной реформе, предложенной Н. С. Хрущевым.

Пленум ЦК КПСС открылся 19 ноября 1962 года. А. Т. Твардовский как член ЦК КПСС тоже был в Кремлевском дворце съездов. Впоследствии он с удовлетворением рассказывал, — куда ни посмотришь, у всех в руках голубенькая книжка «Нового мира».

Рецензии на повесть «Один день Ивана Денисовича» появились очень быстро во всех центральных газетах. И во всех рецензиях повести давалась высокая, восторженная оценка. Менее чем через неделю после появления повести в газете «Правда» (23 ноября 1962 г.) была помещена статья «Во имя правды, во имя жизни», в которой, в частности, говорилось . . .

« . . . В нашу литературу пришел писатель, наделенный редким талантом . . . Повесть А. Солженицына порой напоминает толстовскую художественную силу в изображении народного характера . . .

. . . Но почему же не только горе сжимает сердце при чтении этой замечательной повести, но и свет проникает в душу? Это от глубокой чело-

вечности, оттого, что люди оставались людьми и в обстановке глумления . . .»

Автором этой статьи был весьма консервативный и конъюнктурный литературный критик В. Ермилов, участник многих погромных кампаний сталинских времен. Если человек с подобной репутацией напечатал теперь восторженный отзыв об «Одном дне Ивана Денисовича», значит, в литературе произошел действительный перелом.

Через несколько дней ТАСС разослал по всем газетам статью с биографическими данными Солженицына. Эта статья — «Имя, новое в нашей литературе» — была опубликована 28 ноября 1962 г. в «Московской правде», в «Советской России» и во многих республиканских и областных газетах. В статье можно было прочитать следующее:

« . . . Александр Исаевич Солженицын родился в Кисловодске в 1918 г. Потеряв отца, с ранних лет воспитывался матерью. Детство и юность провел в Ростове-на-Дону. Там окончил среднюю школу, а в 1941 г. физико-математический факультет Университета.

В 1941 г. призван в Советскую Армию рядовым. В 1942 г. по окончании артиллерийского училища назначен командиром артиллерийской батареи и в этой должности непрерывно находится на фронте до февраля 1945 г. Награжден двумя орденами. В феврале 1945 г., уже на территории Восточной Пруссии, в звании капитана Солженицын был арестован по необоснованному политическому обвинению и приговорен к 8 годам. Отбыл их полностью, а затем был направлен в ссылку, из которой возвратился в 1956 году. В 1957 г. полностью реабилитирован за отсутствием состава преступления. Сейчас он работает преподавателем математики и физики в школе».

Оценил талант Солженицына и Союз писателей СССР. Не дождавшись от скромного автора, работавшего тогда учителем физики в рязанской школе, заявления о приеме в члены Союза писателей, Правле-

ние ССП приняло А. И. Солженицына в члены Союза писателей по собственной инициативе. На последние уроки, которые А. И. Солженицын проводил заканчивая вторую четверть, Агенство печати «Новости» командировало в Рязань своего специального корреспондента.

3. ВЫДВИЖЕНИЕ «ОДНОГО ДНЯ» НА ЛЕНИНСКУЮ ПРЕМИЮ

Следует сразу подчеркнуть, что немедленный успех повести А. И. Солженицына и та самоотверженная помощь, которая была оказана автору редакцией лучшего в СССР литературного журнала, объясняются прежде всего не необычной темой, а действительно выдающейся художественной ценностью произведения. В литературно-критических статьях конца 1962 и 1963 г. аналогия между прозой Солженицына и прозой Достоевского и Толстого проводилась неоднократно и не выглядела как преувеличение. В январе 1963 г. в I-ом номере «Нового мира» были опубликованы два больших рассказа А. Солженицына: «Случай на станции Кречетовка» и «Матренин двор». Свообразием литературного стиля, оригинальностью языка, глубиной психологического анализа и социальной насыщенностью эти рассказы показывали, что «Один день» — это несомненно не первое произведение неожиданно открывшегося писателя. Можно было полагать, что его литературный архив содержит немалое число уже готовых произведений.

Тема незаконных репрессий, хотя и в ином плане, уже поднималась ранее в советской литературе после XX-го съезда КПСС. В прекрасном романе В. Д. Дундичева «Не хлебом единым» лучшие в литературном и в социальном смысле страницы описывают арест главного героя и «военный суд» над ним — яркий образец бессмысленного произвола. Коснулись темы незаконных репрессий Ю. Бондарев в романе «Тишина» и А. Т. Твардовский в поэме «За далью даль». Уже перед самым появлением повести Солженицына в газете «Известия» (6 ноября 1962 г.) были напечатаны лагерные рассказы Г. Шелеста о невинно осужденных, томившихся в страшных лагерях на Колыме. (Иногда главную роль в положительном решении судьбы по-

вести «Один день» приписывают А. Аджубею, редактору газеты «Известия» и зятю Н. С. Хрущева. По этим рассказам, Аджубей и его жена Рада Никитична повлияли на Н. С. Хрущева. Однако это совершенно не так. Аджубей в действительности завидовал находке Твардовского и постарался перехватить инициативу в открытии новой темы срочной публикацией рассказов Шелеста, крайне слабых в литературном отношении. Шелест жил в Чите, и его рассказы, написанные в 1960—61 гг., уже за год перед этими событиями были отвергнуты «Новым миром» как слабые и надуманные. Когда Аджубей узнал о подписании «Одного дня» в печать, он распорядился принять тексты рассказов Шелеста по телеграфу. Лишь бы опередить Твардовского. Влияние Аджубея или Рады Никитичны на Хрущева нельзя переоценивать. Биологи и генетики неоднократно пытались передать непосредственно Хрущеву различные документы и статьи, касающиеся Т. Д. Лысенко и положения в генетике. Несколько раз к этому пробовали привлечь и Раду Никитичну, биолога по образованию, и Аджубея, но они всегда отказывались это сделать из боязни вызвать неудовольствие Хрущева.

Хотя одобрение повести «Один день Ивана Денисовича» Президиумом ЦК КПСС повлияло, конечно, на литературную критику, было очевидно, что в основном литературные критики и авторы рецензий были искренними в своем восхищении и формой, и содержанием повести. В конце декабря 1962 г. произошла встреча руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства. Речь Председателя Иделогической Комиссии и Секретаря ЦК КПСС Л. Ф. Ильичева на этой встрече была опубликована 22 декабря в газете «Правда» (и в других газетах). В этой речи было много совершенно несправедливых упреков художникам и скульпторам (за абстрактную живопись, «чуждую народу»). Однако, касаясь литературы, Ильичев сказал:

«... С одобрения ЦК КПСС в последнее время опубликованы сильные в художественном и в политическом смысле произведения, в которых

правдиво и смело разоблачается произвол, допускаясь в период культа личности. Достаточно назвать повесть А. Солженицына „Один день Ивана Денисовича”».

В центральных и в провинциальных газетах, в литературных и общественных журналах и даже в научных филологических журналах в 1963 г. появилось очень много статей о повести Солженицына и о его рассказах. Обзор всей этой критики не входит в нашу задачу. Достаточно указать лишь на ряд заголовков: «Так было, так не будет» (Н. Кружков, «Огонек» № 49, 1962), «Герой — жизнь — правда» (В. Бушин, «Подъем» № 5, стр. 112—121, 1963), «Насущный хлеб правды» («Нева» № 3, стр. 180—185, 1963), «Человек побеждает» (Н. Губко, «Звезда» № 3, стр. 213—215, 1963) и т. д.

В общем потоке положительной критики были и отдельные недовольные голоса, однако они сразу получали энергичный отпор. Эти тенденции хорошо видны по прекрасной статье В. Я. Лакшина «Иван Денисович, его друзья и недруги», опубликованной в «Новом мире» (№ I, 1964, стр. 223—245).

Огромный интерес проявлялся в литературных кругах и среди широких слоев интеллигенции к личности А. И. Солженицына. Мы уже упоминали, что Агентство печати «Новости» командировало в конце 1962 г. своего специального корреспондента в Рязань для подготовки очерка о Солженицыне. Этот очерк (Виктор Буханов. «У Солженицына в Рязани») появился в еженедельнике «Литературная Россия» от 25 января 1963 года. Сам по себе очерк был мало интересным. Солженицын отказался от разговоров о своей жизни, о литературных замыслах и об уже готовых работах. Буханов в основном расспрашивал других, но и они очень мало знали о Солженицыне. Но читателей очерка Буханова взволновал один раздел, названный слишком откровенно «СОЛЖЕНИЦЫН БОЛЕН». Чем болен Солженицын оставалось неясным, но Буханов сообщал, что несколько лет назад Солженицын был при смерти. В настоящее время он периодически проводит повторные курсы лечения чрезвычайно сильным лекарством,

приковывающим его к постели на месяц. После этого очерка стали распространяться различные слухи, одни говорили, что у Солженицына рак, другие считали, что у него туберкулез. Некоторые уверяли, что дни его сочтены. Все это вызывало большое беспокойство.

Повесть «Один день» не только способствовала широкому обсуждению в печати проблемы незаконных репрессий. Она подняла вопрос и об откровенной правде, необходимой для литературы. Читатель получил наглядное представление о настоящем реализме, о настоящем мастерстве, и это создало эталон, уровень, до которого следовало поднимать социальную художественную литературу. Солженицын только приоткрыл один небольшой фрагмент картины нашего прошлого, но думающие люди хотели увидеть всю панораму. Круг читателей повести был огромным. Весь дополнительный тираж «Нового мира» был продан за несколько часов. В январе 1963 г. повесть «Один день» была опубликована отдельным выпуском «Роман-газеты» тиражом в 750 тысяч экземпляров, а может быть и больше, так как «Роман-газета» может допечатывать второй и третий тиражи. В феврале 1963 г. издательство «Советский писатель» также выпустило повесть отдельной книгой с тиражом 100 000 экземпляров. И все эти издания расходились немедленно.

Уже с декабря 1962 г. в редакции журналов и в издательства стали в большом количестве поступать рукописи рассказов, очерков, дневников, повестей и романов о репрессиях, о жизни в сталинских лагерях, в ссылках, на этапах, в тюрьмах, о беззакониях бюрократического аппарата, о судьбе миллионов вернувшихся из плена, о гибели и страданиях сотен тысяч выселенных в годы коллективизации крестьян и о многих других наболевших проблемах. Оказалось, что советские писатели, и не только писатели, много и разнообразно писали все эти годы о пережитом, о судьбе друзей и родных, о терроре, об издевательствах, о жестокости сталинского режима. Но все написанное было спрячено до лучших времен. Повесть Солженицына показала, что лучшие времена настали. Среди этих произведений были слабые, были хорошие, были

прекрасные работы, глубокие по содержанию и отличные по литературной форме.

Однако вся система издательской деятельности под строжайшим контролем цензуры не была приспособлена для публикации таких произведений. Повесть Солженицына вышла в свет в результате решения Президиума ЦК КПСС. Это решение касалось только данной повести, но не снимало существовавших общих ограничений. Для того, чтобы вся советская литература могла быть на том уровне реализма и правды, на котором была повесть А. И. Солженицына, следовало отменить или ослабить цензурные ограничения в области художественной литературы. Это, в частности, хорошо понимал и А. Т. Твардовский, к которому в конце 1962 и в начале 1963 г. поступало много мемуарных и художественных произведений. (Среди них наиболее хорошо известна документальная повесть Евгении Гинзбург «Крутой маршрут».) Твардовский не мог по каждой работе, касающейся лагерей или репрессий, обращаться в ЦК КПСС. Он решил поставить перед ЦК более общую проблему об ослаблении цензурных ограничений. Первая беседа Твардовского с Н. С. Хрущевым на эту тему была весьма обнадеживающей. Твардовский хорошо подготовил аргументы. Главным среди них был тот, что редакторы журналов и издательств — люди несомненно намного более ответственные и опытные, чем цензоры, так как цензура формируется в основном из плохих работников издательств. — Ведь Вы не посадите их на мое место. Но почему же я, член Центрального Комитета партии, писатель и редактор не могу решить вопрос об издании какого-нибудь рассказа или стихотворения. Ведь мы же всей редколлекцией обсуждаем и решаем. А потом никому не известный сотрудник Главлита, к тому же дурак, ничего не понимающий в литературе, перечеркивает все наши решения. —

Н. С. Хрущев очень благосклонно отнесся к предложению об отмене цензуры на художественные произведения. Он даже вспомнил о недавней отмене цензуры на статьи иностранных корреспондентов, аккредитованных в Москве (до 1961 г. все сообщения иностранных корреспондентов из Москвы подвергались

обязательной цензуре, и это вызывало много трудностей в их работе и постоянные конфликты). — Вот отменили мы цензуру для иностранных корреспондентов, — вспомнил Хрущев, — и ничего не случилось. Меньше врать стали. —

А. Т. Твардовский после этого разговора немедленно информировал сектор литературы ЦК КПСС о позиции Н. С. Хрущева и о подготовке вопроса, касающегося цензуры.

В это время Твардовский закончил свою знаменитую поэму «Тёркин на том свете», которая никак бы не могла пройти через цензуру. Да и о самой цензуре в этой поэме было сказано, хоть и в форме сатиры, но достаточно резко.

«Весь в поту, статейки правит,
Водит носом взад-вперед:
То убавит, то прибавит,
То свое словечко вставит,
То чужое зачеркнет,
То его отметит птичкой,
Сам себе и Глав и Лит,
То возьмет его в кавычки,
То опять же оголит.

.
Вот притих, уставясь тупо,
Рот разинул, взгляд потух.
Вдруг навел на строчку лупу,
Избоченясь, как петух.
И последнюю проверку
Применяя, тот же лист
Он читает снизу кверху,
А не только сверху вниз.

.
Попадались к такому в руки
Эта сказка — тут и гроб!

.
Дураков — хоть пруд пруди,
Да таких еще набитых —
Что в системе, что в Сети . . .
— А куда же их, примерно,
При излишестве таком?

— С дураками планомерно
Мы работу здесь ведем.
.
От иных запросишь чуру —
И в отставку не хотят,
Тех, как водится, в цензуру —
На повышенный оклад.
А уж с этой работенки
Дальше некуда спешить . . .»

(Кстати, поэма «Тёркин на том свете» действительно встретила возражения Главлита. А. Т. Твардовский прочитал ее на встрече Н. С. Хрущева с корреспондентами иностранных газет, а затем по указанию Хрущева, согласованному с Секретариатом ЦК КПСС, она была напечатана в газете «Известия» (в 1963 г.).¹⁾

Однако вопрос об отмене или об ограничении цензуры натолкнулся на серьезные трудности. Н. С. Хрущева очень активно настраивали в противоположном направлении. В партийном аппарате было много ответственных работников, не желавших демократических изменений. Много было и людей, повинных в репрессиях, в доносах, в той или иной кампании, начиная от ликвидации кулачества «как класса» и кончая травлей Бориса Пастернака. После XX-го съезда КПСС был несколько обновлен аппарат КГБ, наиболее из-

¹⁾ Публикация поэмы в газете «Известия», а не в литературном журнале была в первую очередь связана со стремлением избежать вмешательства соответствующего отдела в Главлите. Несмотря на одобрение поэмы Н. С. Хрущевым, Главлит все же мог настаивать на изменениях, так как особого решения ЦК КПСС о публикации не было. Материалы, публикуемые газетами, не контролируются «литературным отделом Главлита». Цензор Главлита, находящийся при редакции центральной газеты, специализирован на контроле за сведениями, представляющими государственную или военную тайну. В остальных случаях полную ответственность за публикацию материалов несет главный редактор, являющийся политической фигурой. Уже после «Известий» поэма публиковалась в «Новом мире». Несмотря на то, что текст поэмы был уже обнародован, цензура пыталась на этой стадии изъять цитированный выше отрывок.

вестных исполнителей преступных массовых репрессий уволили в отставку, немногие были даже осуждены. Но в других звеньях государственной и партийной системы не было существенных изменений. Важно, конечно, отметить, что наиболее близкие к Сталину люди — В. Молотов, Л. Каганович, Г. Маленков и некоторые другие — были удалены из руководства партией и страной. Но ответственных работников, которые не желали всей правды о произволе прежних лет, было еще очень много, и они готовили контрнаступление движению за свободу печати. Соответствующим образом готовились и материалы для Н. С. Хрущева. 7 и 8 марта 1963 г. состоялась встреча руководителей партии и правительства с работниками литературы и искусства, и на этой встрече Н. С. Хрущев сделал решительный шаг назад от своей позиции, открывшей в предыдущем году дорогу повести Солженицына. В обширной речи, произнесенной на этой встрече и опубликованной в «Правде» и в «Известиях» и в других газетах 10 марта, Хрущев снова похвалил повесть «Один день Ивана Денисовича», которая «правдиво и с партийных позиций освещает действительность тех лет . . .» Однако Хрущев тут же пожаловался, что в редакции и в журналы начался наплыв рукописей о жизни людей в ссылке, в тюрьмах, в лагерях. — Поверьте, — сказал Хрущев, — это очень опасная тема. На такое «жареное», как на падаль, мухи набросятся, огромные жирные мухи, поползет всякая буржуазная нечисть из-за рубежа. — Поэтому Хрущев рекомендовал остановить этот наплыв, крайне осторожно относиться к публикации «лагерных» произведений, чтобы не принести вред делу партии.

В отношении же современных течений в изобразительном искусстве Н. С. Хрущев выразился еще резче. Говоря о работах талантливого скульптора Эрнста Неизвестного, которые были показаны Хрущеву на Всесоюзной выставке, он заявил:

— В прошлый раз мы видели тошнотворную стряпню Эрнста Неизвестного и возмущались тем, что этот человек, не лишенный, очевидно, задатков, окончивший советское высшее учебное за-

ведение, платит народу такой черной неблагодарностью. —

Сразу после этой речи были наложены строгие запреты на публикацию произведений, разоблачающих произвол и беззакония периода «культы личности». В мартовском номере ленинградского журнала «Нева» (№ 3, 1963) была напечатана первая часть романа Л. Семина «Один на один», рассказывавшего о судьбе советских военнопленных, освобожденных из гитлеровских концлагерей в конце войны и принявших участие в последних сражениях против фашистской Германии. После победы сотни тысяч этих людей были арестованы и направлены в советские лагеря. Начало романа ясно показывало замысел автора. Публикация продолжения была запрещена, роман был оборван до развития главных линий сюжета. Еще больше произведений было остановлено на стадии предварительного редактирования.

Рассказ А. И. Солженицына «Для пользы дела» («Новый мир» № 7, 1963), показывавший произвол современного бюрократического аппарата областного центра, был встречен критически. Зам. главного редактора «Литературной газеты» Ю. Барабаш опубликовал в этой газете 31 августа 1963 г. отрицательную рецензию, объявив этот рассказ «неудачей писателя». «Новый мир» (№ 10, 1963) напечатал, однако, 3 письма читателей, достаточно веско отвечавших на рецензию Барабаша. В одном из этих писем говорилось, что «...Солженицын отстаивает нашу советскую, коммунистическую справедливость, этические нормы морального кодекса, демократические основы нашей жизни».

«Литературная газета» снова поддержала мнение Ю. Барабаша и в специальной редакционной статье (12 декабря 1963 г.) обвинила «Новый мир» в тенденциозном подборе положительных отзывов. «Трудно предположить, — считала «ЛГ», — что редакция «Нового мира» получила только хвалебные письма». В связи с этим обвинением редакция «Нового мира» направила в «Литературную газету» полный отчет об откликах читателей на рассказ «Для пользы дела».

Этот отчет был напечатан в «ЛГ» 26 декабря. По данным отчета, редакция получила 58 писем читателей, из которых только в одном содержалась критика рассказа. Однако публикация этого письма была невозможной из-за применявшихся в нем грубых выражений.

В конце 1963 г., когда началось выдвижение лучших произведений литературы, искусства, науки и техники на Ленинские премии 1964 г., повесть А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» была выдвинута редакцией «Нового мира» на Ленинскую премию по литературе. Это выдвижение было поддержано только Государственным архивом литературы и искусства. Правление Союза писателей СССР, Правление ССП РСФСР, Правление ССП Москвы и другие литературные объединения выдвинули на Ленинскую премию иные работы. Список кандидатов на Ленинские премии был опубликован в «ЛГ» 28 декабря 1963 года.

4. КОМИТЕТ ПО ЛЕНИНСКИМ ПРЕМИЯМ ПЕРЕД ВЫБОРОМ

В начале 1964 г. многие очень внимательно следили за дискуссией вокруг произведений, представленных на Ленинскую премию по литературе. Было очевидно, что у Солженицына нет серьезных конкурентов. Переводя дело на язык науки, можно было сказать, что у других авторов тоже были хорошие исследования, но по уже известным направлениям, посвященные деталям. Работа же Солженицына была подлинным открытием, выдвинувшим новые проблемы и переводившим прежние проблемы на новый уровень. Это было очевидно, и непризнание этого со стороны Комитета по Ленинским премиям было бы лицемерием. Кроме того, критика до сих пор все время выделяла повесть «Один день» как явление выдающееся, руководители партии говорили о ней как о работе, заслуживающей всяческой поддержки. Все это уже нельзя было зачеркнуть.

15 января 1964 г. в газете «Известия» появился очерк В. Палона «Здравствуй, кавторанг». В нем рассказывалось о встрече автора очерка с одним из прототипов повести «Один день», выведенном под именем капитана второго ранга Буйновского. Это был один из наиболее ярких персонажей повести. Чувствовалось, что за этим персонажем стоит реальный человек, и читатель мысленно с болью прощался с ним, когда его уводили в карцер, в холодный каменный мешок. Но вот оказалось, что он все-таки выжил, был реабилитирован, вернулся во флот и работает начальником филиала Военно-исторического музея на крейсере «Аврора» в Ленинграде. Его настоящее имя было Б. В. Бурковский. Он рассказал журналисту и о Солженицыне, с которым провел в одном бараке почти четыре года. «Недавно я прочитал в газетах, — сказал Бурковский, — что повесть Солженицына выдвинута на

соискание Ленинской премии 1964 г. Это взволновало меня . . . Я не литературовед и не возьмусь разбирать повесть . . . Но если бы меня попросили дать ей оценку, я бы сказал: это хорошее, правдивое произведение. Любому, кто читает повесть, ясно, что в лагере, за редким исключением, люди оставались людьми именно потому, что были советскими по душе своей, что они никогда не отождествляли зло, причиненное им, с партией, с нашим строем . . .»

30 января 1964 г. в газете «Правда» под заголовком «Правдивая повесть» появилась прекрасная рецензия об «Одном дне Ивана Денисовича», написанная С. Маршаком. Он высказывал убеждение в том, что эта повесть достойна Ленинской премии.

Поддержка повести двумя центральными газетами не могла быть случайностью. О других произведениях, выдвинутых на премию, писалось мало и без ясной определенности.

Работа Комитета по Ленинским премиям в области литературы и искусства состоит из двух этапов. На первом этапе, на основе анализа широкой критики в печати, из нескольких десятков выдвинутых на Ленинские премии работ проводится отбор пяти-шести наиболее достойных и очевидных кандидатов по каждой премии. Таким образом для заключительного тура в апреле (премии объявляются, как известно, в день рождения В. И. Ленина) оставляются по каждой премии (за прозу, за поэзию, за кинофильм и т. д.) по несколько наиболее важных работ, которые рассматривает Пленум Комитета, в который входит более 100 человек.

19 февраля в газетах появился список отобранных для конечного рассмотрения работ. По разделу прозы из всех представленных произведений были отобраны для заключительного конкурса 6 работ. Уместно привести здесь их список: А. Солженицын «Один день Ивана Денисовича»; О. Гончар «Тронка»; Д. Гранин «Иду на грозу»; Л. Первомайский «Дикий мед»; Г. Серебрякова «Прометей» (трилогия); А. Чаковский «Свет

далекой звезды». Романы «Тронка» и «Иду на грозу» были представлены Правлением Союза писателей СССР, роман «Прометей» Правлением СП РСФСР, а также многими другими организациями. Эта трилогия о жизни Карла Маркса была представлена наибольшим числом организаций, среди которых числилось даже Управление гидрометслужбы центральных областей. Из всех работ, упомянутых в этом списке, большинство моих знакомых читали, кроме «Одного дня», только «Иду на грозу», роман о физиках. Три тома о Карле Марксе под общим названием «Прометей» были совершенно малохудожественными, хотя они казались внушительным сочинением. Проза была низкого качества, сюжеты надуманны, диалоги Карла Маркса воспринимались как пустая беллетристика. Я попробовал как-то прочитать один из томов, но не смог одолеть первой сотни страниц. Письма самого Карла Маркса читать значительно интереснее, они ярче, острее, живее.

11 апреля 1964 г. я увидел в газете «Правда» большую статью на последней странице, озаглавленную «Высокая требовательность». Статья была целиком посвящена обзору писем в редакцию о повести «Один день Ивана Денисовича».

«В нашу редакцию, — сообщала статья, — поступает много писем, посвященных повести А. Солженицына... Есть письма положительные и одобряющие выдвижение повести на Ленинскую премию... И есть письма, в которых столь же определенно высказывается противоположная точка зрения, повести выносятся целиком отрицательная оценка... Объективна третья часть писем, самая большая... авторы которых указывают на существенные недостатки, проявляя высокую требовательность, живейшую заинтересованность в повышении идейно-художественного уровня нашей литературы. Все они приходят к одному выводу: повесть А. Солженицына заслуживает положительной оценки, но ее нельзя отнести к таким выдающимся произведениям, которые достойны Ленинской премии.

Поток таких писем усилился в последнее время в связи с преувеличениями в рецензиях».

А далее газета давала, несомненно, выборочные цитаты из некоторых писем, в основном те места, в которых высказывались сомнения в достоинствах повести и четко говорилось о невозможности присуждения ей Ленинской премии. В этих письмах, авторами которых были рабочие и сотрудники государственных учреждений, отмечался якобы «недостаточно высокий литературный уровень», «упрощенный подход к обрисовке характера советского человека, его духовного мира», «довольно примитивный внутренний мир героя повести», «автор не следует в своем творчестве лучшим традициям русского литературного языка» и т. д. Было приведено и мнение заведующего коммунальным отделом Исполкома Красноярского горсовета В. Голицына, который считал, что «в образе Ивана Денисовича не выражен светлый идеал народного героя».

Было очень стыдно читать все эти примитивные, казенные, глупые формулировки, выдававшиеся «Правдой» за обобщенное мнение советских читателей. Было очевидно, что за этой статьей стоит намерение консервативных кругов подготовить советскую общественность к тому, что Ленинской премии А. И. Солженицын не получит. Это было также средством давления на Комитет по премиям, сессия которого как раз начиналась в эти дни.

Решение Комитета по Ленинским премиям было опубликовано 22 апреля. Премия в области литературы была присуждена роману О. Гончара «Тронка». Судить о нем не могу, так как не читал его ни до, ни после присуждения премии. Не читали его и мои друзья. Более осведомленные в литературных делах знакомые говорили, что книга эта средняя, не представляющая особого интереса.

Поздее от А. Т. Твардовского и от М. И. Ромма я узнал о том, какие меры были приняты для того, чтобы заблокировать в Комитете по Ленинским премиям повесть А. И. Солженицына. Твардовский еще в феврале был уверен в успехе «Одного дня», он сам был членом Комитета по Ленинским премиям, и ему были

известны симпатии многих других членов комитета. Однако в марте настроение где-то «наверху» резко изменилось. Как редактор «Нового мира», представившего «Один день» на премию, Твардовский написал обстоятельную статью, разбиравшую литературные достоинства этого произведения. Но эту статью отказались напечатать в центральных газетах. Твардовский попросил В. С. Лебедева выяснить, что произошло. Но когда Лебедев задал при случае вопрос Н. С. Хрущеву, тот резко ответил: «Не будем этим заниматься, пусть решает Комитет по премиям».

Комитет по Ленинским премиям принимает решения тайным голосованием после обширной дискуссии. При обсуждении «Одного дня» стало очевидным, что большинство творческих работников, входивших в Пленум комитета, стоит за Солженицына. Административные и идеологические лидеры были против. (В составе комитета всегда присутствуют министры культуры и просвещения, секретари ЦК ВЛКСМ, ответственные работники Идеологической комиссии.) При такой ситуации начинать тайное голосование было нельзя. На следующий день председатель комитета Н. С. Тихонов внес предложение — исключить повесть Солженицына из списка для тайного голосования, то есть присоединить ее к тем произведениям, которые были отвергнуты на предварительной стадии в начале февраля. Такой отвод производится *открытым голосованием*. Но это предложение было незаконным, список допущенных к тайному голосованию работ был уже опубликован. А. Т. Твардовский резко возражал. Особенно волновался Михаил Ильич Ромм. — Что делают, что делают, — возмущался он, — выкручивают руки. — Тихонова, однако, поддержала Е. Фурцева, министр культуры. Но убедить большинство комитета не удавалось. Тогда встал Первый Секретарь ЦК ВЛКСМ С. П. Павлов. Он заявил, что Ленинская премия не может быть присуждена Солженицыну по политическим соображениям. По словам Павлова, Солженицын во время войны сдался в плен, а впоследствии был осужден за уголовное преступление и, вопреки слухам, не был реабилитирован до настоящего времени. Мгновенно встал Твардовский. «Это ложь», —

сказал он. — «Вам нужно доказать, что это ложь», — ответил Павлов.

Секретарь ЦК ВЛКСМ является ответственным лицом, заявление которого принимается серьезно. Кроме того, С. П. Павлов считался другом председателя КГБ Семичастного, и ему могла быть доступна информация, о которой не знали другие. Повесть Солженицына была исключена из списка для тайного голосования, но Твардовский и группа деятелей кино все же подняли руки, голосуя против этого решения. В перерыве М. И. Ромм сказал Твардовскому: «Если не Солженицыну, то тогда никому».

Так и получилось. При тайном голосовании Комитет по Ленинским премиям последовательно проголосовал против всех представленных на премию литературных произведений. Была провалена и рекомендованная «экспертной группой» «Тронка». Но на следующий день Н. С. Тихонов снова поставил вопрос о «Тронке» на голосование. Была введена в действие машина давления, чтобы заставить Комитет все же наградить кого-либо премией. Повторное голосование принесло желаемый результат.

Работа Комитета по Ленинским премиям продолжается несколько дней, так как во время сессии Пленума проводятся просмотры кинофильмов, театральных постановок, произведений изобразительного искусства. На следующий день после краткого диспута с Павловым Твардовский связался с Солженицыным, чтобы получить документ о реабилитации. Однако краткая формулировка конечного определения Верховного суда о «прекращении дела за отсутствием состава преступления», которая выдается на руки реабилитированному, не удовлетворила Твардовского. Ему нужно было все «решение» суда полностью с юридической аргументацией. Твардовский обратился с просьбой в Верховный суд СССР и в Прокуратуру СССР, и после беседы с заместителем Главного военного прокурора полковником Тереховым, рассматривавшим в 1957 г. дело Солженицына, Твардовский получил и привез в Комитет по Ленинским премиям полный текст «решения» Верховного суда СССР. На очередном заседании Комитета Александр Трифонович попросил сло-

во для заявления. — В прошлый раз товарищ Павлов утверждал, что военная биография Солженицына не безупречна и что я должен доказать, что это не так, — сказал Твардовский. — В моих руках документ, выданный Верховным судом СССР. Я передаю его секретарю нашего Комитета и прошу его полностью зачитать решение Верховного суда. — И Твардовский протянул бумагу секретарю Комитета по премиям. Секретарь, просмотрев печать и подписи, прочитал весь текст вслух.

**«ВЕРХОВНЫЙ СУД СОЮЗА ССР
ОПРЕДЕЛЕНИЕ № 4н-083/57**

Военная коллегия Верховного суда СССР, в составе: председательствующего полковника юстиции Борисоглебского и членов полковников юстиции Долотцева и Конова рассмотрела в заседании от 6 февраля 1957 г.

ПРОТЕСТ ГЛАВНОГО ВОЕННОГО ПРОКУРОРА
на постановление Особого совещания при НКВД
СССР от 7-го июля 1945 года,
на основании которого по ст. ст. 58-10 ч. 2 и 58-11
УК РСФСР был заключен в ИТЛ сроком на 8 лет

СОЛЖЕНИЦЫН Александр Исаевич, рождения 1918 года, уроженец гор. Кисловодска, с высшим образованием, до ареста являлся командиром батареи, участвовал в боях против немецко-фашистских войск и был награжден орденами: Отечественной войны II степени и Красной Звезды.

Заслушав доклад тов. Конова и заключение зам. Главного военного прокурора полковника юстиции Терехова, полагавшего протест удовлетворить,

установила:

СОЛЖЕНИЦЫНУ вменялось в вину то, что он с 1940 года и до дня ареста среди своих знакомых проводил антисоветскую агитацию и предпринимал меры к созданию антисоветской организации.

В протесте Главный военный прокурор ставит вопрос об отмене в отношении СОЛЖЕНИЦЫНА указанного постановления Особого совещания и прекращении о нем дела за отсутствием состава преступления по следующим основаниям:

из материалов дела видно, что СОЛЖЕНИЦЫН в своем дневнике и в письмах к своему товарищу Виткевичу Н. Д., говоря о правильности марксизма-ленинизма, о прогрессивности социалистической революции в нашей стране и неизбежной победе ее во всем мире, высказывался против культа личности Сталина, писал о художественной и идейной слабости литературных произведений советских авторов, о нереалистичности многих из них, а также о том, что в наших художественных произведениях не объясняется объемно и многосторонне читателю буржуазного мира историческая неизбежность побед советского народа и армии, и что наши произведения художественной литературы не могут противостоять ловко состряпанной буржуазной клевете на нашу страну.

Эти высказывания СОЛЖЕНИЦЫНА не содержат состава преступления.

В процессе проверки жалоб СОЛЖЕНИЦЫНА были допрошены Решетовская, Симонян и Симоньянц, которым СОЛЖЕНИЦЫН якобы высказывал антисоветские измышления. Указанные лица охарактеризовали СОЛЖЕНИЦЫНА как советского патриота и отрицали, что он вел антисоветские разговоры.

Из боевой характеристики на СОЛЖЕНИЦЫНА и отзыва служившего вместе с ним капитана Мельникова видно, что СОЛЖЕНИЦЫН с 1942 года до дня ареста, то есть до февраля 1945 года находился на фронтах Великой Отечественной войны, храбро сражался за Родину, неоднократно проявлял личный героизм и увлекал за собой личный состав подразделения, которым командовал. Подразделение СОЛЖЕНИЦЫНА было лучшим в части по дисциплине и боевым действиям.

Исходя из изложенного, Главный военный прокурор считает, что осуждение СОЛЖЕНИЦЫНА являются неправильным, и в связи с этим ставит вопрос о прекращении о нем дела на основании ст. 4 п. 5 УПК РСФСР.

Рассмотрев материалы дела и дополнительной проверки, соглашаясь с доводами, изложенными в протесте, и принимая во внимание, что в действиях СОЛЖЕНИЦЫНА нет состава преступления и дело о нем подлежит прекращению за отсутствием состава преступления, Военная коллегия Верховного суда СССР

определила:

постановление Особого совещания при НКВД СССР от 7-го июля 1945 года в отношении СОЛЖЕНИЦЫНА Александра Исаевича отменить и дело о нем за отсутствием состава преступления на основании ст. 4 п. 5 УПК РСФСР прекратить».

Секретарь ЦК ВЛКСМ С. П. Павлов молча выслушал документ, встал и произнес в явном смутении: «Я повержен, я приношу извинения».

Однако ранее высказанная Павловым клевета не угасла и в последующие годы проявлялась в разных формах и в разных местах и с многими дополнительными «подробностями».

5. В КРУГЕ ПЕРВОМ

После решения Комитета по Ленинским премиям, необъективность которого была совершенно очевидна, обсуждение «Одного дня» в печати продолжалось, но уже иначе, чем раньше. Было ясно, что в отношении оценки этой повести существуют новые директивы. В «Литературной газете» 12 мая 1964 г. была опубликована большая статья Юрия Барабаша «Руководители, «руководимые» и хозяева жизни», в которой Барабаш резко возражал против тех положений о значении «Одного дня» для развития советской литературы, которые были подробно изложены в статье В. Я. Лакшина «Иван Денисович, его друзья и недруги». 29 мая 1964 г. в статье Вс. Сурганова «Имя существительное» («Литературная Россия») Солженицыну был брошен упрек в неправильном выборе героев своих произведений: «Не на Матрен и Шуховых (Иван Денисович) опиралась и опирается партия в своей борьбе за новую деревню . . .»

4 июня 1964 г. «ЛГ» опубликовала статью «Спор идет», в которой, представив возможность В. Я. Лакшину дать ответ на критику Ю. Барабаша, снабдила письмо Лакшина ответом «От редакции», намного более обширным, чем письмо Лакшина. По мнению редакции, многие читатели и критики убеждены в том, что Солженицын не показал нам того, что «вера в Коммунистическую партию, в Советскую власть никогда не покидала советских людей . . . даже в самых жесточайших условиях бериевского террора . . .»

Статья Лакшина объявлялась «. . . рецидивом демагогической критики, идущей вразрез с задачей сплочения всех сил советской литературы . . .»

Сходные замечания о повести Солженицына и о статье Лакшина были высказаны в очерке Г. Бровмана «Живая жизнь и нормативность» («Москва», № 7,

1964). В заключение этой дискуссии выступил журнал «Коммунист» (№ 12, 1964, статья «Искусство героической эпохи»), также осудивший статью Лакшина об «Одном дне Ивана Денисовича».

Сторонники А. И. Солженицына не были, однако, очень обескуражены решением Комитета по Ленинским премиям. Распределение премий почти всегда в нашей стране зависит от многих политических факторов. «Один день» — это, в конце концов, сравнительно небольшая повесть, первая появившаяся в печати работа писателя. От него теперь ждали большого произведения с широким охватом событий нашей жизни. А. Т. Твардовский, рассказывая летом 1964 г. о планах «Нового мира» на 1965 г., сообщил, что в редакции лежит новый роман А. И. Солженицына. Я услышал об этом сообщении Твардовского по радио, оно не прошло мимо внимания западных корреспондентов. Публикация нового романа Солженицына была в июле и в августе анонсирована и в журнале «Новый мир» в объявлениях о том, какие произведения будут напечатаны в 1965 г. Подписка на журналы начинается в сентябре и, желая привлечь больше подписчиков, многие журналы объявляют произведения популярных авторов, хотя эти произведения еще может быть и не написаны. Заявление Твардовского показывало, что роман Солженицына существует, но тема романа оставалась неясной. И в этот период я получил упомянутое раньше письмо Солженицына. Я, конечно, сразу же на него ответил.

20 сентября я получил еще одно письмо Солженицына, в котором он предлагал встречу в Москве в ноябре, он планировал весь ноябрь провести в столице. Наша встреча состоялась в середине ноября. Я ожидал увидеть больного и мрачного человека, а увидел высокого, полного энергии, жизнерадостного, внешне здорового и очень приветливого собеседника. Он не был похож на собственную фотографию в книжном издании «Одного дня». На этой фотографии он выглядел несколько угрюмым, не очень здоровым, в общем, таким, каким и мог быть человек, пробывший столько лет в заключении.

Из переписки и из беседы выяснилось, что Солженицын знает моего обнинского коллегу, известного генетика Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского. Он познакомился с ним в 1946 г. в большой общей камере Бутырской тюрьмы, в которой они провели вместе около двух месяцев. После освобождения и возвращения из ссылки Солженицын наводил справки о судьбе Тимофеева-Ресовского, но встретиться с ним не смог, Тимофеев-Ресовский работал в то время на Урале. В Обнинск он переехал только весной 1964 г. для руководства отделом генетики.

Естественно, что я спросил у Солженицына о его новом романе и о том, когда он будет опубликован. А. И. сразу помрачнел. По его словам, ситуация после октябрьских событий сильно изменилась, и публикация романа, по-видимому, будет отсрочена. На что он намекал, говоря об изменении ситуации, было ясно.

Смещение Н. С. Хрущева в октябре 1964 г. не было прямо связано с политикой Хрущева по отношению к преступлениям сталинского периода, с его критикой культа личности и его попытками некоторой демократизации. Эти аспекты политики Хрущева лежали в основе его популярности. Однако популярность Хрущева во всех слоях нашего общества к 1964 г. резко снизилась из-за его неумения проводить разумную экономическую политику в промышленности и в сельском хозяйстве и из-за непрерывных непродуманных реорганизаций. Основное недовольство в партийном аппарате страны вызывало проведенное в 1962 г. разделение всех областных комитетов на промышленные и сельскохозяйственные. Это создавало партийное двоевластие и практически вело к разделению партии на две большие фракции. Ошибки Хрущева в руководстве сельским хозяйством повели к серьезным сокращениям сельскохозяйственного производства и вызвали необходимость в закупках продовольствия за границей на крупные суммы валюты и на золото. Было множество и других причин, которые повели к отставке Хрущева. Хрущев, однако, был инициатором т. н. «десталинизации», и было очевидно, что многочисленные противники откровенного разоблачения

преступлений сталинского периода воспользуются смещением Хрущева для того, чтобы остановить процесс демократизации, усилить цензуру печати, осуществить хотя бы частичную реабилитацию Сталина. Эти люди и были в первую очередь недовольны появлением на страницах газет и журналов произведений о лагерях и нарушениях законности, а тем более мемуаров с упоминанием действительных имен исполнителей преступных акций сталинского времени. Влияние этих консервативных элементов при Хрущеве было в значительной степени нейтрализовано. Теперь они получали большие возможности.

При сложившейся ситуации Твардовский не решился ставить вопрос о публикации нового романа Солженицына. Сталин был в этом романе одним из персонажей и отнюдь, конечно, не положительным.

Но Солженицын пообещал в ближайшем будущем показать мне рукопись этого романа.

В январе 1965 г. А. И. разрешил прочитать этот роман нашему общему московскому знакомому и одновременно сообщил мне, что если я хочу, то также могу прочитать рукопись, но без выноса из квартиры, где она находилась. В этот период самиздат уже проявил свои неограниченные возможности. Поэтому по договоренности с «Новым миром» А. И. предпринимал самые строгие меры к тому, чтобы роман не подвергся бесконтрольному распространению. Приехав на квартиру к знакомому около 10 часов утра, я получил от него две папки с аккуратно перепечатанной на машинке рукописью романа, называвшегося «В круге первом». Поздно вечером я позвонил домой в Обнинск жене о том, что остаюсь ночевать в Москве. Оторваться от чтения было невозможно, и я читал всю ночь, иногда прерывая это занятие, чтобы выпить чашку черного кофе. Сейчас этот роман имеет всемирную славу и поэтому нет необходимости давать ему литературные оценки. Становилось ясным трудное положение Твардовского. Как редактор он не мог напечатать этот роман, но как литератор он не мог не понимать, что надолго нельзя скрыть это произведение,

что рано или поздно оно все равно будет раскрыто для русской и мировой литературы.¹

Но дожидаться более благоприятного времени Твардовскому не удалось. В начале 1965 г. Твардовского вызвали к заведующему литературным отделом ЦК КПСС и показали ему там один из последних номеров издающегося в ФРГ антисоветского журнала «Грани». (Этот журнал издается на русском языке эмигрантской организацией, называющей себя «Народно-трудовой союз» (НТС), и примыкает к группе эмигрантских организаций в Западной Германии, объединяющей также журнал «Посев», радиостанции «Свобода» и «Свободная Европа».) В журнале «Грани» были напечатаны «Крохотные рассказы» А. И. Солженицына, серия небольших, в 1—3 страницы лирических рассказов, «стихотворений в прозе».

Беседа в ЦК сводилась примерно к следующему: — Вот смотрите, тов. Твардовский, кого Вы поддерживаете, с кем имеет связь ваш автор, кто заинтересован в его произведениях. —

Публикацией «Крохотных рассказов» Солженицына журнал «Грани» оказал очень плохую услугу писателю. Публикация по терминологии западных издателей была «пиратской», то есть она была сделана без ведома и согласия автора.

«Крохотные рассказы» Солженицына распространялись по рукам уже с полгода, и мне удалось их прочитать еще до встречи с А. И. По мнению многих, они вполне могли быть напечатаны в советских журналах. Как я узнал впоследствии, эти рассказы рассматривались в «Новом мире», но не были приняты, так как не соответствовали литературному направлению журнала. Однако их принял для публикации журнал «Семья и школа», и они были уже направлены в набор. Теперь же, конечно, инициатива «Семьи и школы» теряет свое значение.

¹ Как я узнал вскоре, А. Т. Твардовский принял рукопись романа официально, утвердил его на редколлегии и заключил договор на публикацию, уплатив автору авансовый гонорар. Этим он хотел показать, что редакция серьезно относится к вопросу о публикации.

Среди этих рассказов, по-видимому, только один — «Озеро Сегден» — не прошел бы цензуру Главлита. Сжато, но очень образно он выражал возмущение писателя стремлением крупных сановников, «злых князей», огораживать для своих загородных резиденций и дач обширные и наиболее живописные участки природы. Этот рассказ не одобрил бы и Н. С. Хрущев, очень увлекавшийся строительством живописных «государственных дач» и захвативший под собственные резиденции в Крыму и на Черноморском побережье Кавказа красивейшие участки побережья.

Солженицын узнал о публикации рассказов в «Границах» только со слов Твардовского, рассказавшего и о недовольной реакции в ЦК. Твардовский был огорчен таким оборотом дела. Советские законы считают эмигрантскую печатную сеть связанной с преступными организациями, вроде «НТС». Соответственно этому, любые формы сотрудничества с журналами «Грани» и «Посев» могут относиться к антисоветской деятельности. Простое обнаружение у кого-нибудь экземпляров этих журналов может быть поводом для судебного преследования по статьям 70 и 190-1 Уголовного Кодекса РСФСР. Мы не собираемся обсуждать здесь вопрос о том, насколько практика применения этих статей советского законодательства соответствует правовым гарантиям Декларации прав человека, принятой ООН. Важно отметить лишь то, что эти статьи существуют и являются реальностью, с которой приходится считаться. Эмигрантские журналы в значительной степени из эгоистических, а иногда и из провокационных соображений этого не замечают.

Я не могу отрицать того, что находящиеся на территории ФРГ, Франции или Канады русские эмигрантские организации имеют право издавать свои журналы или газеты. Но если некоторые из этих организаций, как например НТС, включают в свою официальную программу задачу ликвидации существующего в СССР социалистического строя, создание на территории СССР своих ячеек и т. д., то у Советского Правительства есть все основания считать издания этих организаций запрещенными на территории СССР. При такой

ситуации опубликование в «Гранях» или в «Посеве» нелегально вывезенной из СССР рукописи советского писателя ставит этого писателя в крайне трудное положение. В этом случае появляется возможность обвинения автора в связи с преступной организацией. И даже в том случае, когда нельзя довести дело до суда из-за отсутствия объективных доказательств такой связи, то для пропагандных целей и для дискредитации автора факт публикации в антисоветском журнале рукописи, не изданной в СССР, может быть использован в полной мере. В то же время НТС и ее издания создают у своих финансирующих инстанций ложную иллюзию существующих связей с советской интеллигенцией, а, кроме того, получают и прямой доход от продажи изданий и прав на переводы их на другие языки. В СССР журнал «Грани» никакого распространения не имеет и читается, по-видимому, лишь в КГБ и в некоторых отделах Идеологической Комиссии. Я знаю случаи, когда неизвестные агенты подбрасывали в Москве в почтовые ящики отдельные выпуски журналов «Грани» и «Посев», однако эти трусливые действия расценивались «получателями» как провокации.

Лично я не исключаю и того, что в журналы «Грани» и «Посев» из советского самиздата передаются рукописи иногда теми, кто наиболее заинтересован в ликвидации этого самиздата. Благодаря такой практике для любого советского автора, решающего ознакомить определенный круг людей с той или иной работой, не имеющей шансов на цензурное одобрение, главная опасность состоит в том, что эта работа может оказаться опубликованной в антисоветской эмигрантской прессе. И при этом часто с искажениями и различными нежелательными комментариями. Очень многих подобный результат их творческой активности совершенно не устраивает, и они впоследствии начинают либо избегать тем или иным путем самиздатного распространения, либо пытаются обеспечить защиту своих прав путем авторизации зарубежных изданий оформлением «копирайта» в достаточно серьезных издательствах с хорошей репутацией. А это также рискованное и нелегкое дело.

А. Т. Твардовский был очень взволнован и недоволен тем, что столь горячо поддержанный им писатель оказался в числе авторов «Граней». Он обвинял А. И. по крайней мере в серьезной неосторожности. «Крохотные рассказы», по мнению Твардовского, были недостаточным поводом для того, чтобы ради них рисковать многим. Твардовский тогда еще не мог предвидеть, что через несколько лет и его собственная прекрасная поэма «По праву памяти», изъятая из верстки «Нового мира» цензурой, будет опубликована в том же антисоветском эмигрантском журнале, попав в ФРГ неизвестным и таинственным путем. Причем этот пиратский акт эмигрантского журнала послужит долгожданным поводом для того, чтобы принять серьезные меры против самого Твардовского и его литературного окружения.

В начале 1965 г. стали очевидными и новые партийные директивы о произведениях, разоблачающих беззакония сталинского периода, в том числе и непосредственно о повести «Один день Ивана Денисовича».

Эти директивы были изложены в статье Первого Секретаря Московского комитета КПСС Н. Г. Егорычева, опубликованной в журнале «Коммунист» (№ 3, стр. 15, 1965):

«... необходимо выразить претензию, — писал Егорычев, — в адрес той части нашей творческой интеллигенции, которая иногда слишком увлекается описанием произвола периода культа личности, моральных переживаний и физических лишений невинно осужденных людей. Это тяжелые страницы прошлого. И хотя оцениваемый только через эту призму тот или иной период нашей истории дезориентирует советских людей, особенно молодежь, такого рода произведения порой безудержно и незаслуженно захваливаются, а критика их считается недопустимой. Например, кое-кто и до сих пор явно переоценивает безусловно спорное в идейном и художественном отношении произведение А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича».

7.5.65.

Дорогой
Марс Александрович!

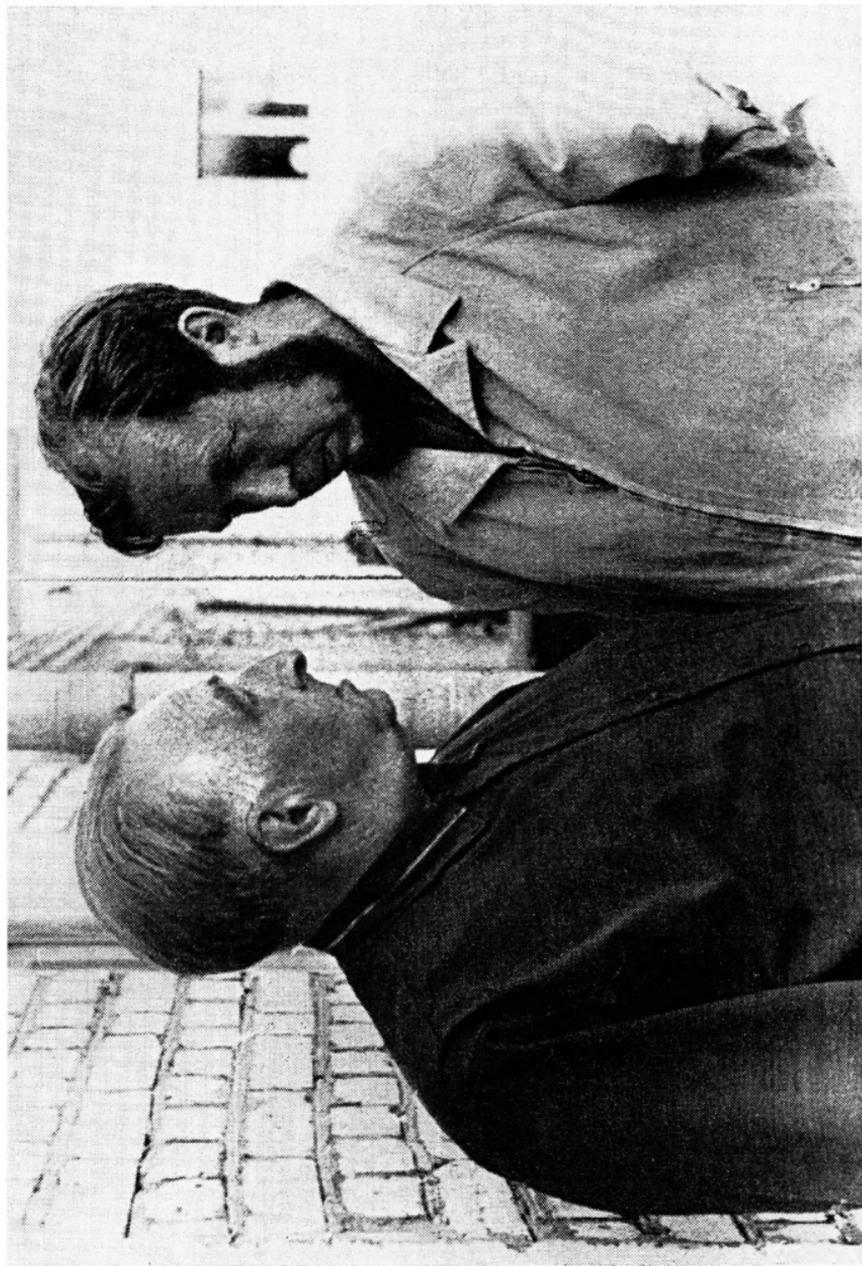
С тех пор, как мы разговаривали с Вами по телефону, наш автоматический маршрут более выяснился, и стало ясно, что нам будет удобно и пригодно заехать в Одессу. Мы предполагаем это сделать в самых последних числах мая (около 30-го). Надеемся, что мы Вас застаем? И Николая Владимировича? Серьезный ему привес. Мы с женой оронтои и замоведсавани высказанным им намерением в отношении ее ратаи.

В Москве на адронной дороге мы, мапранив, не подбивает — но вкере, в магане шани, я вам дуду, и вогда одлзиделно подиваю Ви. Пивлавина.

В "Новом мире" и в эвоэ рас, савсем не подбивал.

Крепко жму руку!

Радз.

А. И. Солженицын и Н. В. Тимофеев-Рессовский
Встреча в Обнинске в мае 1965 г.

6. КОНФИСКАЦИЯ «КРУГА ПЕРВОГО» И ЛИТЕРАТУРНОГО АРХИВА

Весной 1965 г. в связи с попыткой преодоления ряда препятствий в оформлении поездки в Чехословакию на Мемориальный менделевский симпозиум мне довелось беседовать с ответственным сотрудником посольства Чехословакии в Москве. Говоря о непонятных трудностях, возникающих в такого рода делах, мой собеседник неожиданно привел как пример и А. Солженицына . . .

«В Чехословакии он любимый писатель, его называют „русский Фучек“. Популярность его очень велика. Мы в посольстве это чувствуем, так как через посольство направляют Солженицыну много приглашений о посещении нашей страны. Мы передаем их в Союз писателей, в Общество дружбы с ЧССР. Но нам обычно отвечают через МИД, что Солженицын тяжело болен, что у него рак, что он не может далеко выезжать за пределы Рязани. А ведь как жаль, такой талантливый писатель . . .»

Как я узнал вскоре от А. И., ни одно из упоминавшихся приглашений к нему не поступало. Он получил по почте несколько приглашений на приемы в разные посольства, но эти приглашения обычно приходили уже после того, как приемы состоялись.

После отставки Н. С. Хрущева обстановка в биологии резко изменилось к лучшему. Монопольное положение Т. Д. Лысенко в биологии и генетике было подвергнуто в печати резкой критике. В связи с этим А. Солженицын очень энергично поставил перед редакцией «Нового мира» вопрос о целесообразности опубликования моих очерков по истории генетической дискуссии. В редакции мне предложили написать сокращенный журнальный вариант, что я довольно

быстро сделал. После этого очерк прочли один за другим все члены редколлегии. Поскольку в этом очерке вопрос стоял не только о судьбе биологии, но и о репрессиях среди биологов, то я в этот период очень внимательно следил за всеми течениями, старавшимися изменить политику XX и XXII съездов КПСС в оценке преступлений сталинского периода «культы личности». Очень внимательно за этими течениями следил и мой брат Рой, специально изучавший историю и последствия сталинизма и представивший в середине 1964 г. в Госполитиздат и в ЦК КПСС (Ильичеву) первый вариант своей работы на эту тему.

В первые месяцы после Октябрьского Пленума ЦК КПСС 1964 г. вопрос о Сталине открыто не поднимался, однако некоторые научные книги, критиковавшие деятельность Сталина, были задержаны перед самым изданием. В частности, была остановлена Главлитом уже подписанная в печать монография по истории коллективизации сельского хозяйства, подготовленная Институтом истории Академии Наук. В этой монографии подвергалась резкой критике деятельность Сталина в период коллективизации.

В связи с подготовкой празднования 20-летней годовщины победы над фашистской Германией попытки реабилитировать Сталина стали более очевидными. Пока они ограничивались устными выступлениями на различного рода юбилейных докладах и лекциях. Однако это свидетельствовало о том, что на этот счет имеется достаточно определенная директива. В апреле 1965 г., накануне юбилея, стали появляться и прямые восхваления Сталина в печати (статья И. Баграмяна в «Литературной газете» от 17 апреля 1965 г., статья Трояновского в «Советской России» от 20 апреля, статья маршала И. Конева «На Берлин» в «Правде» 19 апреля и ряд других). В то же время в ряде устных докладов по идеологическим вопросам упоминалось о преувеличениях в оценке творчества некоторых писателей и, прежде всего, А. И. Солженицына. Резко ухудшилось отношение к А. И. Солженицыну и в Рязани. В частности, ему постоянно отказывали в улучшении жилищных условий, он продолжал жить там в старом деревянном доме без обычных коммуналь-

ных удобств. Весной 1965 г. А. И. Солженицын решил переехать из Рязани в какой-либо более тихий город, расположенный ближе к Москве. Но при этом нужно было найти работу для жены Солженицына Наталии Алексеевны Решетовской, кандидата химических наук.

Узнав об этом от меня, Н. В. Тимофеев-Ресовский, очень хотевший увидеть своего бывшего «сокамерника» по Бутырской тюрьме, высказал предположение, что наш город Обнинск мог бы оказаться очень удобным местом для Солженицына. И природа вокруг прекрасная, и научных учреждений много, и Москва всего в 100 километрах. Я сообщил А. И. об этой идее как раз тогда, когда он собирался совершить автомобильную поездку по Московской и соседним областям — Тульской, Ярославской, Владимирской, Калужской — именно для изучения возможностей переезда из Рязани. На гонорары от изданий «Одного дня» А. И. купил «Москвич», и на этой машине совершалось длинное путешествие.

10 мая я получил от А. И. письмо, в котором, в частности, говорилось:

«... С тех пор как мы разговаривали с Вами по телефону наш автомобильный маршрут более прояснился, и стало ясно, что нам будет удобно и приятно заехать в Обнинск. Мы предполагаем сделать это в самых последних числах мая (около 30-го). Надеюсь, что мы Вас застанем? И Николая Владимировича? Сердечный ему привет. Мы с женой тронуты и заинтересованы высказанным им намерением в отношении ее работы».

Конечно, и Николай Владимирович, и я в конце мая были на месте и с радостью встретили А. И. и его жену. Встреча двух бывших узников Бутырской тюрьмы носила очень трогательный характер. На следующий день мы гуляли по городу, спустились по парку к реке, к большому городскому пляжу. Место было действительно красивое, мешал людям отдыхать лишь гремевший на всю долину громкоговоритель. Обнинск понравился А. И. и его жене, по-видимому, больше, чем другие подмосковные города. Н. А. Решетов-

ская решила предпринять попытку участия в конкурсе на одну из многих вакантных должностей в нашем институте. Конкурс был только что объявлен для освоения нового радиоизотопного корпуса, и среди вакансий было несколько подходящих для химика.

Вскоре Н. А. Решетовская была почти единогласно избрана старшим научным сотрудником в лабораторию химической дозиметрии. Хотя в анкете было указано, что ее муж А. И. Солженицын, но никто в конкурсной комиссии не обратил на это внимание. Однако, когда возник практический вопрос о переселении в Обнинск, партийное руководство города почему-то сильно забеспокоилось. Судя по всему, перспектива переезда известного писателя в Калужскую область обсуждалась даже в Калужском обкоме КПСС и не вызвала там энтузиазма. На директора института стали оказывать давление, и он затягивал окончательное решение. Как раз в то время А. И. пригласил для беседы Секретарь ЦК КПСС по идеологическим вопросам П. Демичев. Это приглашение было результатом встречи П. Н. Демичева с А. Т. Твардовским. Демичев высказал ряд претензий по поводу Солженицына, на что Твардовский посоветовал ему поговорить с самим Солженицыным, который в этот период как раз был в Москве. А. И. тщательно подготовился к беседе, и как только Демичев перешел к упрекам, стал систематически приводить примеры несправедливостей, сказал, в частности, и о распространении «закрытой» клеветы (пример с Павловым на заседании комитета по Ленинским премиям и ряд других, и об ограничениях для жены в выборе места работы, и препятствиях в переезде на новое место. Последний случай почему-то возмутил Демичева больше других (очевидно, еще не доложили ему об этом), и он тут же позвонил в Калужский обком и распорядился не чинить препятствий переезду Солженицына в Обнинск. Это было 17 июля.

Дня через два в институт приехал первый секретарь Калужского обкома КПСС для беседы с директором института по этому вопросу. На следующий же день после этого визита директор вызвал в Обнинск Решетовскую и зачем-то вместе с ней А. И. Солжени-

цына. Беседа была очень дружественной, и Решетовская была рада узнать, что ее зачисляют на работу с 1-го сентября. Переезд в Обнинск казался столь реальным, что А. И. приобрел сравнительно недалеко от Обнинска, возле Киевского шоссе, ведущего в Москву, небольшой садовый участок. На этом участке в живописном месте возле небольшой речки был маленький деревянный домик с одной комнатой 7—8 кв. метров и с мансардой. В мансарде А. И. оборудовал свой кабинет. Домик этот вместе с небольшим участком стоил недорого, хотя он был вполне пригоден для жилья в летнее время.

Теперь у А. И. была собственная летняя дача, о которой он давно мечтал. На следующее лето возле дома был построен деревянный гараж. Садовый участок, купленный А. И., входил в дачный кооператив, созданный, по-видимому, в начале пятидесятых годов, когда и были разрешены после смерти Сталина садово-огородные кооперативы для рабочих и служащих, живущих в городе. Тогда еще не было нынешних ограничений на такие участки, и людям давали по 1000—1200 кв. метров и разрешали строить небольшие домики с печным отоплением. Поэтому поселки имели красивый и жилой характер, в них можно было жить, как на даче. В последующие годы эта возможность подвергалась все большим и большим ограничениям, участки стали меньше — по 200, 300, 400 кв. метров, а домики могли иметь только одну комнату, причем запрещались печки и электричество. А иногда можно было ставить только сарай для инструментов. В результате этого вокруг городов и городков выросли не красивые дачные поселения, а появились на пустырях обширные территории, разделенные заборами на уродливые и убогие микроучастки, густо усеянные микродомиками, напоминающими курятники. Такой же микродомик и микроучасток есть и у меня недалеко от Обнинска.

Свою летнюю дачу А. И. назвал «Борзовка», по имени прежнего владельца ее, Борзова. Здесь А. И. и его жена стали дожидаться 1-го сентября, когда Решетовской была обещана работа и квартира в Обнинске.

Однако утверждение Решетовской в должности затягивалось. По решению Академии медицинских наук СССР конкурс по всем ранее объявленным должностям было решено проводить повторно. Н. А. Решетовская снова подала свои документы. Выборы предполагались в конце сентября. Тем временем во вторую неделю сентября произошли события, отодвинувшие обнинские дела на второй план.

В начале сентября я ездил в Тбилиси и, вернувшись в Обнинск 13 сентября, на следующий же день поехал на дачу А. И. сообщить ему о ходе дел с повторным конкурсом. А. И. и Н. А. были на веранде. По сосредоточенности и реакции на мой оптимистический рассказ я понял, что у них произошло что-то серьезное и вопрос об устройстве на работу им уже не кажется столь важным. Так оно и оказалось. Выслушав меня, А. И. рассказал тревожную и необычную историю и просил сообщить о ней Тимофееву-Ресовскому и другим обнинским друзьям, чтобы они не удивлялись, если дела с переездом в Обнинск окажутся более сложными, чем казалось раньше. История эта состояла в том, что рукопись романа «В круге первом» была конфискована органами КГБ.

Новость эта была действительно удручающей. Первая мысль, которая возникла в моем сознании, касалась того, сохранился ли хоть один экземпляр и не нужно ли его быстро репродуцировать. Я тогда знал хорошего фотографа, у которого дома была прекрасная репродукционная установка. Эта мысль возникла естественно, поскольку мне, как и многим другим, была известна печальная история романа писателя В. Гроссмана «Жизнь и судьба», конфискованного на квартире писателя в 1961 году. Роман Гроссмана широко освещал проблему незаконных репрессий, но был известен очень узкому кругу литераторов. Я никогда не мог в дальнейшем узнать подробное содержание романа, так как среди моих знакомых никто его не читал. К В. Гроссману однажды явились сотрудники КГБ с ордером на обыск и конфисковали все экземпляры романа и даже черновики и заметки, к нему относящиеся. Хотя в 1963 г. тема репрессий временно была открыта для литературы благодаря Солженицыну, В. Гроссман так

и не получил обратно рукописи своего произведения. В 1964 г. он умер. Через несколько лет после его смерти выяснилось, что в последние два года жизни он написал новую повесть «Все течет», трактовавшую также тему незаконных сталинских репрессий и безнаказанность организаторов многих незаконных судебных процессов.

После истории с конфискацией романа В. Гроссмана многие авторы «конфликтных» и острых произведений старались не держать все копии рукописей дома. Можно было полагать, что и А. И. принял меры подобной предосторожности. Кроме того, мне было известно, что один экземпляр романа А. И. имел при себе на даче и постоянно вносил в него те или иные изменения. В Рязани, по-видимому, хранилась первоначальная черновая рупись. Неужели взяли роман сразу во всех местах? Однако по рассказу А. И. дело обстояло не столь серьезно. Потерины только те экземпляры, которые были перед тем в «Новом мире». В Рязани обыска не было и, судя по всему, в КГБ пока не знают о существовании у А. И. летней дачи: «Никто им не „настучал“».

Обстоятельства конфискации рукописей романа были очень странными. Летом 1965 г. А. И. в «Новом мире» откровенно сказали, что публикация романа в ближайшее время нереальна, несмотря на заключенный договор. В редакции хранились 3 экземпляра, один авторский и два перепечатанных редакцией для обсуждения и редакционной обработки. В сентябре А. И. решил временно взять эти экземпляры, чтобы внести в них стилистическую правку и все изменения, которые были в последние месяцы сделаны в его собственном «рабочем» экземпляре. Три экземпляра рукописи были довольно объемной ношей, в портфеле их не поместишь. А. И. попросил у знакомого старый чемодан, пришел с ним в редакцию, взял у Твардовского папки с рукописями и внизу в одной из комнат редакции упаковал их в чемодан. В Рязань он их сразу не повез, так как у него были еще дела в Москве. Чемодан с рукописями А. И. отнес на квартиру своего друга В. Л. Теуша. С Теушем А. И. познакомился еще в Рязани, где Теуш в конце пятидесятых годов препо-

давал математику в институте. В. Л. Теуш был одним из первых читателей произведений А. И. Впоследствии В. Л. Теуш вышел на пенсию и поселился в Москве.

11 сентября, через три дня после визита Солженицына, к В. Л. Теушу явился наряд сотрудников КГБ с ордером на обыск в поисках антисоветской литературы. Обыск не был столь тщательным, когда выстукиваются стены и проверяются все возможные «тайники». Группа провела «конфискацию» ряда рукописей самиздата, некоторых книг и материалов и уже собралась уходить. В это время один из сотрудников увидел под кроватью чемодан и попросил его открыть. Обнаружив там машинописные копии романа «В круге первом», опергруппа решила взять и их. Теуш пытался протестовать, утверждая, что этот материал принадлежит «Новому миру», что на него есть договор, что он взят временно и с согласия редакции и т. д. Но протест не был принят во внимание.

Судя по всему, А. И. не был полностью уверен, что при обыске имели в виду взять именно роман. Поэтому сразу, как только ему сообщили о случившемся, А. И. написал письмо председателю Идеологической комиссии ЦК КПСС П. Н. Демичеву, в котором просил его срочно вмешаться в это дело и ходатайствовать о возвращении рукописей автору или в редакцию. Председателем КГБ тогда был Семичастный, и к нему А. И. не хотел обращаться. Среди литераторов Семичастный пользовался крайне плохой репутацией еще с тех времен, когда он был Первым Секретарем ЦК ВЛКСМ (до 1959 г.). Именно Семичастный осенью 1958 г. в одном из своих выступлений особенно грубо оскорбил Бориса Пастернака, только что удостоенного Нобелевской премии. Семичастный назвал Пастернака «свиньей», пожалуй, хуже («даже свинья не гадит там, где ест») и потребовал высылки его из СССР. (В конце концов, именно угроза высылки из страны вынудила Пастернака отказаться от Нобелевской премии.) Спустя несколько дней А. И. также написал письма Л. И. Брежневу, М. А. Суслову и Ю. В. Андропову. Эти письма А. И. попросил меня отправить в Москве. Ю. В. Андропов был тогда Секретарем ЦК КПСС по международным делам в секторе социалистических стран. Он не имел

прямого отношения к литературным делам, но в кругах интеллигенции его считали наиболее образованным и прогрессивным деятелем партии. Это было связано с тем, что именно Ю. В. Андропов руководил полемикой с китайскими лидерами. Документы этой полемики, периодически публиковавшиеся в советской печати, встречались с большим одобрением. Материалы и заявления ЦК КПСС в дискуссии с китайскими лидерами были проникнуты духом борьбы с злоупотреблениями культа личности, произволом, беззаконием и догматизмом.

Однако ни одно из писем А. И. не получило ответа. Не был возвращен автору и конфискованный роман, хотя к этому времени в КГБ безусловно могли, если им было это нужно, снять с рукописи любое число копий. Несколько раз вызывали в КГБ В. Л. Теуша для каких-то объяснений. А. И. с женой продолжали жить на даче, приводя в порядок некоторые бумаги на случай повторных конфискации, возможность которых никто не исключал. Как раз в это время иностранное радио сообщило об аресте в СССР двух литераторов: А. Синявского и Ю. Даниэля за публикацию за границей ряда произведений. Обстановка была очень тревожной. По зарубежному радио сообщили и о конфискации романа А. И. Солженицына, но в этих сообщениях было много путаницы, говорилось об обыске в Рязани, которого в действительности не было.

В конце сентября похолодало, и А. И. решил возвращаться в Рязань. Надежды на переезд в Обнинск угасли, и Н. А. Решетовской нужно было восстанавливаться на работе на кафедре органической химии Рязанского сельскохозяйственного института. Подготовив к зиме сад и дачу, А. И. и Н. А. нагрузили свою машину яблоками и вещами и тронулись в Рязань. Недалеко от Обнинска была кольцевая бетонная дорога, по которой можно было выехать к Рязанскому шоссе, не заезжая в Москву. От дачи до Рязани было около 250 км. Дорога проходила мимо живописнейших мест среднерусской полосы. По боковым окружным шоссе в этом радиусе от Москвы почти нет движения транспорта. Вокруг были мир и тишина.

7. ИЗВЕСТНЫЕ И НЕИЗВЕСТНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА КОНФИСКАЦИИ

Операция с обыском на квартире у В. Л. Теуша и конфискация там материалов А. И. Солженицына явились началом открытого конфликта органов власти с писателем, имевшим к этому времени заслуженную международную славу. Этот конфликт оказался в последующем очень сложным и затяжным и стал важным событием интеллектуальной жизни в СССР. Он был проявлением борьбы между убеждением в необходимости свободы творчества, свободы мысли, свободы анализа действительности и желанием некоторых инстанций поставить под государственный и идеологический контроль все формы проявления общественной и личной творческой активности. А. И. Солженицын в последующие годы неоднократно протестовал по поводу использования конфискованных материалов и рукописей романа в целях давления на него и дискредитации его имени. На различных докладах и в ряде публикаций официального характера органы власти пытались различным образом оправдать эту конфискацию и приводили несколько версий о причинах обыска в квартире В. Л. Теуша. Поэтому следует более подробно разобрать обстоятельства этого дела.

В сентябре 1965 г. ни я, ни, по-видимому, А. И. еще не знали, что конфискован при обыске у Теуша не только роман «В круге первом», но и старый литературный архив писателя, который он хранил у Теуша, не решаясь держать его дома в Рязани. В. Л. Теушу А. И. полностью доверял. В этом архиве были некоторые сочинения писателя периода 1950—1956 гг., когда он находился в лагере и в ссылке. Эти работы, естественно, не предназначались для печати, но у А. И. не было оснований уничтожать их, это были какие-то ступени его трудной личной и творческой биографии. В письме Четвертому съезду писателей СССР, отправ-

ленному 16 мая 1967 г., А. И. Солженицын сделал следующее заявление по поводу конфискации архива:

«...Вместе с романом у меня отобран мой литературный архив 20- и 15-летней давности, вещи, не предназначавшиеся для печати. Теперь закрыто изданы и в том же кругу распространяются тенденциозные извлечения из этого архива. Пьеса «Пир победителей», написанная мною в стихах наизусть в лагере, когда я ходил под четырьмя номерами (когда обреченные на смерть измором, мы были забыты обществом, и вне лагерей НИКТО не выступал против репрессий), — давно покинутая, эта пьеса приписывается теперь мне как самоновейшая моя работа...»

26 июня 1968 г. в «Литературной газете» появилась редакционная статья «Идейная борьба. Ответственность писателя», в которой давалась следующая официальная версия обыска у Теуша:

«...Буржуазной пропаганде очень по душе пришлось утверждения А. Солженицына, будто бы органы государственной безопасности изъяли у него архивы и рукописи. Однако на запрос Секретариата правления Союза писателей Прокуратура СССР сообщила, что в квартире А. Солженицына, проживающего в Рязани, никаких обысков никогда не производилось и никакие рукописи и архивы у него не отбирались. Машинописные копии некоторых рукописей Солженицына как анонимные были обнаружены при обыске и изъяты вместе с другими компрометирующими материалами в Москве у некоего гр. Теуша. А к Теушу привел ход следствия, возбужденного соответствующими органами в связи с тем, что при таможенном досмотре у одного иностранного туриста были обнаружены рукописные клеветнические измышления о жизни Советской страны...»

Оправдывая действия органов безопасности, размноживших пьесу «Пир победителей» «для служебно-

го пользования», вопреки категорическому протесту автора, «Литературная газета» выдвигала следующий довод:

«... как можно делать вид, что такой пьесы не существует, если, доверив хранение своих сочинений поставщику антисоветчины для заграницы, Солженицын тем самым утратил над ними, над пьесой в частности, всякий контроль?»

Существовал ли инцидент с обнаружением таможенной у иностранного туриста каких-то антисоветских сочинений В. Л. Теуша или нет, проверить весьма трудно. Лично я в этом сомневаюсь. Уже после обыска на основании архивов самого Теуша было установлено, что именно он является автором анонимной самиздательной рецензии на «Один день Ивана Денисовича», написанной в 1964 году. Это была очень интересная, но и очень спорная рецензия. Она стала более широко известна только после обыска, в частности, я прочитал ее только в 1966 году. Именно эта рецензия, отношение к которой В. Л. Теуша было доказано *после обыска*, послужила основанием для возбуждения против Теуша уголовного дела. Однако это дело было вскоре закрыто, и о Теуше уже не вспоминали, и никаких обвинений в пересылке за границу антисоветских сочинений Теушу всерьез не предъявляли.

Рецензия Теуша на повесть «Один день» была хотя и острой, но в самиздате в тот период было множество более резких и более обстоятельных оригинальных и неанонимных произведений с разоблачением преступлений культа личности и с описанием тюремно-лагерных условий, моральных и идейных последствий сталинизма и т. д. (работы Е. Гинзбург, В. Шаламова, Г. Померанца, М. Якубовича и других). Некоторые из этих работ действительно попали за границу и были там опубликованы. Однако в связи с этим никаких обысков не производилось. Дело А. Синявского и Ю. Даниэля, начатое в 1965 г., было совершенно особым. Приход опергруппы на квартиру В. Л. Теуша и «случайное» обнаружение там романа и архива А. И. Солженицына могли бы иметь место в случае широких кампаний по борьбе с самиздатом и множества одно-

временных обысков у разных авторов. Первая гипотеза, которая первоначально разделялась некоторыми друзьями, заключалась в том, что органы ГБ были обеспокоены тем, что он взял из «Нового мира» рукописи романа, усматривая в этом намерение автора предоставить произведение стихии самиздата. Содержание романа, поскольку он был анонсирован и находился в редакции по договору, могло быть уже известно в тех отделах партийного аппарата и КГБ, которые несли ответственность за положение в литературе. Главлит всегда может запросить в редакции любую намеченную к изданию рукопись для предварительного просмотра, и редактор не вправе отказать в такой просьбе, тем более, что все равно любая издаваемая работа будет читаться Главлитом в верстке журнала. В редакции же рукопись лежала почти год и при этом читалась сотрудниками редколлегии. А. И. предполагал, что кто-либо из сотрудников редакции, являясь неизбежным в любой организации осведомителем, сообщил о том, что А. И. забирает рукопись. Путем слежки могло быть установлено, что чемодан с романом был принесен к Теушу. После этого 2—3 дня было нужно, чтобы согласовать акцию обыска в разных инстанциях.

Если бы эта гипотеза была верна, то архив действительно оказался бы для КГБ случайной находкой. Однако от этой версии вскоре пришлось отказаться. Случайной находкой был как раз роман, а обыск у Теуша был лишь дополнением в второму *одновременному* обыску, при котором был взят архив Солженицына. Этот архив был конфискован не на квартире Теуша, а на квартире его молодого друга З., которого А. И. не знал. Теуш, не спросив согласия Солженицына, еще в 1964 г. передал архив А. И. на хранение З. А. И. об этом ничего не знал. Как выяснилось впоследствии, З. отнесся к архиву крайне небрежно. Он начал читать рукописи Солженицына, разговаривал о них по телефону с рядом «инакомыслящих» и даже показывал некоторым из них. Таким образом он привлек к архиву и внимание КГБ. Опергруппы явились для обыска сразу в обе квартиры, Теуша и З., хотя Теуш только что вернулся из длительного отпуска и к З.

не заходил. Это говорит о том, что о З. в КГБ знали давно и что главной целью обыска был именно архив А. И., а не материалы самого Теуша. Когда «дело Теуша» вскоре закрыли, часть взятых у него книг и материалов была возвращена. Однако Солженицыну не вернули ничего и по сей день, хотя никакого «дела» против самого Солженицына не возбуждалось.

А. И. узнал о параллельном обыске через несколько дней после того, как ему стало известно об обыске у Теуша. Он продолжал жить на даче, не исключая того, что по возвращении его в Рязань обыск могут провести и там. Однако этого не случилось. В октябре возникли признаки того, что инцидент с обыском не будет иметь слишком серьезных последствий. В редакции «Нового мира» Солженицыну предложили дать для публикации какое-либо «приемлемое» произведение. А. И. воспользовался этим и передал Твардовскому четыре рассказа. Из них был принят редакцией только один — «Захар-калита», опубликованный в январском номере «Нового мира» в 1966 году. Это был очень хороший и патриотический рассказ. Другой рассказ из этой серии — «Правая кисть» — распространялся в последующем в самиздате.

У З. в связи с этим делом больших неприятностей не было. Через 3 или 4 года он решил переселиться на постоянное жительство за границу, и такое разрешение ему было вскоре дано.

8. А. И. СОЛЖЕНИЦЫН И П. Л. КАПИЦА

В середине октября 1965 г. мне передали, что академик Петр Леонидович Капица хочет выяснить некоторые вопросы о положении Н. В. Тимофеева-Ресовского в нашем институте. Кто-то обратился к Капице с просьбой о выдвижении Тимофеева-Ресовского в действительные члены Академии Наук СССР по разделу «биофизика», и Петр Леонидович должен был получить сведения о текущей работе Тимофеева-Ресовского. Кроме того, П. Л. хотел получить информацию об организационных изменениях в генетике после отстранения Т. Д. Лысенко от руководящего положения в биологии. В связи с этим П. Л. Капица приглашал меня к себе в Институт физических проблем. Я, конечно, сразу приехал. Это была моя вторая встреча с П. Л. Капицей. Рассказывая о Тимофееве-Ресовском, об Обнинске и о нашем институте, я не удержался и упомянул о неудачной попытке А. И. Солженицына переехать в Обнинск, а также и о конфискации органами КГБ экземпляров нового романа писателя. П. Л., не знавший об этом, выразил крайнее изумление. Он также поинтересовался, не смог бы я познакомить его с А. И. Солженицыным лично. Я ответил, что с удовольствием постараюсь сделать это. Тогда П. Л. передал через меня устное приглашение А. И. зайти к нему, когда А. И. окажется в Москве.

Приглашение было принято, и 28 октября А. И. и я приехали на Воробьевское шоссе, где на углу между этим шоссе и Ленинским проспектом расположен Институт физических проблем, возглавляемый П. Л. Капицей. За институтом имеется большой сад, спускающийся к Москва-реке. В этом саду находится двухэтажный, английского стиля коттедж, в котором живет семья П. Л. Капицы. Территория института и сада находится под некоторой охраной, но не такой сильной, какая существует у других институтов и является

анахронизмом, причем очень дорогим. (Например, обширная территория Физико-энергетического института в Обнинске до сих пор охраняется огромным числом военнослужащих, двойным забором с особой опаканной полосой, как на границе, системой электрических заборов и нарядами с собаками.) В Институте физических проблем все имеет более скрытый и цивилизованный характер. На подходе к дому П. Л. Капицы установлена система фотоэлементов, и посетитель пересекает невидимый луч света. Но и эта система осталась, очевидно, от прежних времен, так как ни при входе на территорию института, ни при переходе через систему фотоэлементов, никто нас не остановил и не спросил, куда мы идем.

Встреча А. И. и П. Л. носила очень сердечный характер. Я предпочитал молчать, испытывая большое удовольствие от наблюдения за беседой этих двух необыкновенных людей. То, что А. И., имевший высшее физико-математическое образование и несколько лет работавший в качестве заключенного научного сотрудника в прикладном физико-техническом институте, проявлял эрудицию в ряде специальных физических и кибернетических проблем, не было для меня неожиданным. Однако оригинальные литературно-критические познания П. Л. Капицы, его информированность о положении в советской литературе, его знание произведений современной зарубежной литературы были действительно неожиданными и для А. И., и для меня.

П. Л. прочитал нам текст своей, недавно отправленной в «Правду» статьи, обсуждавшей вопрос о взаимоотношениях партии с творческой интеллигенцией, в частности, с писателями. Эта статья была откликом на незадолго до этого опубликованные в «Правде» статьи «Партия и интеллигенция», написанные главным редактором «Правды» Румянцевым. Петр Леонидович интересно и ярко полемизировал с некоторыми положениями, выдвинутыми Румянцевым, и давал высокую оценку опубликованным произведениям А. И. Солженицына. (Эта статья П. Л. Капицы не была опубликована ни в «Правде», ни где-либо в другом издании.) Затем П. Л. рассказал о том ущербе, который был при-

несен сталинскими репрессиями советской физике, а также историю с арестом и освобождением в 1937 г. выдающегося физика Л. Ландау, работавшего в Институте физических проблем. Ландау был освобожден после очень резкого письма П. Л. Капицы, направленного И. Сталину. К тому времени Ландау уже был осужден как «враг народа» и «иностранный агент». Поэтому его не просто освободили, а провели пересмотр дела, при котором П. Л. Капица имел несколько споров с Прокуратурой СССР по пунктам обвинения.

Неизбежно был затронут в беседе и конфликт П. Л. Капицы с Л. Берия, возникший в результате отказа Капицы участвовать в разработках атомной бомбы, начатых в СССР в 1945 г. (отказ был мотивирован гуманистическими, а не политическими соображениями). Берия требовал от Сталина ареста Капицы, но Сталин на это не решался, понимая, что этот акт вызовет очень широкую международную реакцию и ухудшит отношения доверия с союзниками, особенно с Англией, которые в 1945 г. были очень хорошими. Арест Капицы произвел бы, по-видимому, деморализующий эффект на многих советских физиков, так как научный престиж П. Л. Капицы был очень высоким. Сталин, однако, пообещал Берии: «Я тебе его уберу, но ты его не трогай». После этого Капица был снят с работы и почти полтора года не мог нигде устроиться. В конце 1946 г. его приняли на работу научным сотрудником в Институт кристаллографии. В созданный им до войны Институт физических проблем П. Л. смог вернуться только после смерти Сталина.

Хотя наша беседа носила простой и дружеский характер и никто друг друга ни о чем не просил, я уходил от П. Л. уверенный в том, что он по собственной инициативе сделает все от него зависящее, чтобы помочь А. И. в создавшемся трудном положении. Человека с таким огромным нравственным и интеллектуальным потенциалом, который ощущается каждым при беседе с П. Л., не требовалось о чем-либо просить, он сам понимал, что он может и должен сделать. П. Л. попросил А. И. при случае дать ему прочитать «В круге первом».

Институт физических проблем АН СССР расположен вблизи бывшей Калужской заставы, которая сейчас стала Площадью имени Гагарина. Мы вышли из института и свернули по Ленинскому проспекту налево. Прошли сотни две метров в задумчивости, и вдруг А. И. встрепенулся, остановившись перед угловым высоким полукруглым домом с башенками, построенном в типичном помпезном стиле последних лет сталинского правления. «Вот он, этот дом», — сказал А. И. Остальное было понятно. Мы стояли перед домом, который Солженицын вместе с сотнями других заключенных строил в 1945—46 годах. А. И. работал на этом строительстве сначала просто подносчиком материалов, затем каменщиком и паркетчиком. Рядом с домом от территории Парка культуры и отдыха имени М. Горького был отгорожен колючей проволокой и лагерь с бараками. В этом лагере, первом после суда, А. И. провел больше года. Дом с башенками в точности описан в романе «В круге первом». В этом доме получили обширные квартиры два героя романа: прокурор и инженер-майор, зав. лабораторией секретного института МВД.

На противоположной стороне Ленинского проспекта стоит такой же дом-близнец. В 1946 г. этот архитектурный ансамбль строился как символ «Ворот Москвы» на пути от Внуковского аэропорта.

В последующие годы Ленинский проспект ушел дальше — к новым корпусам Московского университета. В 1948—52 гг. этот университет — «Дворец науки» — также строили в основном заключенные.

9. ЧТО ДЕЛАТЬ С НЕПОСЛУШНЫМИ ТАЛАНТАМИ?

С начала 1966 г. имя А. И. Солженицына перестало упоминаться в литературно-критических статьях о различных проблемах советской литературы. Прекратились полностью в советских журналах и упоминания об «Одном дне Ивана Денисовича». Это не было результатом стихийной осторожности литературных критиков. А. И., Твардовский и редакция «Нового мира» получали письма от литераторов, критиков, историков литературы, рассказывавших о том, что любые положительные материалы об «Одном дне» вычеркивались из статей редакторами или цензурой. Стало известно, что по отношению к А. И. имеется какая-то закрытая директива, основанная, в частности, и на анализе его старого архива.

В этих условиях начавшегося активного замалчивания творчества писателя «Новый мир» в 8-ом, юбилейном номере (это был 500-ый номер с основания журнала в 1924 г.), вышедшем в начале сентября 1966 г., опубликовал продолжение проблемной статьи В. Я. Лакшина «Писатель, читатель, критик» (стр. 216—256), в которой был дан подробный анализ рассказа Солженицына «Матренин двор» и показана несостоятельность тех критиков, которые отрицательно отнеслись к сюжету и к тематике рассказа.

«Я думаю, что сила Солженицына как художника, — писал В. Я. Лакшин, — заключается как раз в том, что он, не в ущерб трезвой правде изображения, умеет давать человечески симпатичные, положительные фигуры; он любит людей, любит своих героев, и читатель откликается на это живое чувство. Но авторское понимание жизни, его «идеал» проявляются не в одном каком-то лице или одной нравоучительной сен-

тенции, а в общем строе рассказа, расстановке фигур, в их освещении, в бесчисленных художественных „сцеплениях”.

И в этом смысле нельзя обойти вниманием в „Матренином дворе” самого рассказчика, мир его мыслей и чувства — широкий, гуманный, с народной враждой к мещанству, с любовью к русскому быту, речи и с оптимизмом, выношенным в страданиях. И это нам в рассказе дороже всего».

Лакшин привел в своей статье выдержки из множества читательских писем, единодушно отмечавших художественные и нравственные достоинства рассказа.

В 1966 г. новое руководство идеологической и культурной жизнью общества предприняло более серьезные попытки ввести стихию творчества в строгие и привычные рамки, обозначаемые понятием «партийности». Это же, собственно говоря, делал и Н. С. Хрущев, но при нем в понятие «партийности» вкладывался другой смысл. При Н. С. Хрущеве понятие «партийности» было весьма противоречивым, но в некоторые периоды оно включало борьбу с злоупотреблениями и преступлениями периода «культ личности». По существу именно с этими политическими тенденциями была связана популярность Хрущева в кругах советской интеллигенции и в международном общественном мнении. К сожалению, Н. С. Хрущев пошел по традиционному пути использования популярности для укрепления личной власти во всех областях жизни общества. Смещение Хрущева было коллективной инициативой и послужило основой создания действительно коллективного руководства страной. Впоследствии некоторые иностранные обозреватели замечали, что «культ личности» сменился «культом безличности», однако в действительности это было не так. Произошла диссоциация власти с повышением самостоятельности, ответственности и возможностей отдельных руководителей. Для страны в целом это было весьма положительным явлением, способствующим более продуманному и осторожному решению крупных политических

и экономических проблем. При новой ситуации министр, например, сельского хозяйства, получал большую возможность для самостоятельных решений, не боясь, что его заставят обеспечивать выращивание кукурузы в Ленинградской и в Архангельской областях, а министр иностранных дел имел лучшие условия для создания международного равновесия, не беспокоясь о том, что глава государства неожиданно придет в ООН и станет на заседании Генеральной Ассамблеи стучать по столу снятым с ноги башмаком. Но одновременно получали большую самостоятельность и независимость в своих решениях консервативные руководители культурой, идеологической и научной сфер жизни нашего общества, которые в период правления Хрущева вынуждены были приспособляться к его новому курсу. Для них демократизация общества и расширение свободы творчества и свободы печати были нежелательными явлениями. Для них идеалом было послушное выполнение творческими работниками директивных указаний сверху. В искусстве этот возврат к директивным методам руководства создавал сложные проблемы. В «Одном дне Ивана Денисовича» уже была показана подобная ситуация для более жестоких сталинских времен. Два лагерника обсуждали фильм «Иоанн Грозный»:

«Кривлянье! — ложку перед ротом задерживая сердится Х-123. — Так много искусства, что уже и не искусство. Перец и мак вместо хлеба насущного! И потом же гнуснейшая политическая идея — оправдание единоличной тирании. Глумление над памятью трех поколений русской интеллигенции...

— Но какую трактовку пропустили бы иначе?..

— Ах, пропустили бы?! Так не говорите, что гений! Скажите, что подхалим, заказ собачий выполнял. Гении не подгоняют трактовку под вкус тиранов!»

В начале 1966 г. в философии, в истории, в литературе разгорались острые дискуссии в связи с попытками некоторых руководителей осуществить хотя бы

частичную реабилитацию И. Сталина и сталинской политики репрессий. В печати стали появляться открытые сталинистские заявления (например, статья Е. Жукова, В. Трухановского и В. Шункова «Высокая ответственность историков», опубликованная 30 января 1966 г. в «Правде»). Еще больше таких заявлений высказывалось на различных ответственных совещаниях (выступление зав. отделом науки и высших школ ЦК КПСС Трапезникова, выступление секретаря ЦК КП Грузинской ССР Стуруа и др.). Эти выступления получали резкий отпор со стороны многих представителей советской интеллигенции. Широкое распространение получило письмо публициста Э. Генри (С. Н. Ростовцева) писателю И. Эренбургу, блестящий памфлет Г. Померанца «Нравственный облик исторической личности», стенограмма обсуждения книги А. М. Некрича «Июнь 1941», разоблачавшей грубые ошибки Сталина перед войной и в первый месяц войны, и другие документы. Большая группа крупных советских ученых и деятелей культуры (академики Л. А. Арцимович, П. Л. Капица, М. А. Леонтович, И. Е. Тамм, А. Д. Сахаров, С. Д. Сказкин, И. Л. Кнунянц, А. Колмогоров, П. Здродовский и другие, Народные артисты А. А. Попов, М. М. Плисецкая, Г. А. Товстоногов и другие, писатели В. Ф. Тендряков, К. Г. Паустовский, К. И. Чуковский и многие другие) обратились в ЦК КПСС с серьезным письмом, протестуя против попыток прямой и косвенной реабилитации Сталина, предупреждая, что это может вызвать только разочарование в идеологической политике партии. Много писем было направлено в ЦК КПСС от старых большевиков. Эти протесты несомненно сдерживали выступления сталинистов, однако скрытые формы ликвидации демократических достижений в творческой жизни общества проявлялись достаточно отчетливо. Редакторам журналов и газет было дано строгое указание полностью прекратить публикацию произведений, затрагивающих темы репрессий и беззаконий периода культа личности. А. Т. Твардовский, рассказавший мне об этом, недоуменно задал вопрос... «Зачем? Ведь литература — это самый гуманный способ возмездия...»

В феврале начался позорный суд над писателями А. Синявским и Ю. Даниэлем, опубликовавшими свои произведения за границей. Этот процесс вызвал волну протестов в СССР и во всем мире. Обвинения были сфабрикованы крайне неумело и основывались на нелепом отождествлении высказываний литературных героев с точкой зрения самих авторов. Несмотря на протесты и юридические доказательства необоснованности обвинений, А. Синявский и Ю. Даниэль были приговорены к очень суровому наказанию (7 и 5 лет лишения свободы).

На различных идеологических совещаниях в 1966 г. стала высказываться резкая критика журналов «Юность» и «Новый мир». С 1965 г. все ограничения в подписке на журналы и газеты были ликвидированы, и в этих условиях тираж журналов отражал отношение к ним читателей. (Это не распространяется на многие политические журналы, которые часто распределяются принудительно.) Тираж журналов складывается из индивидуальной подписки, подписки библиотеками и учреждениями и розничной продажи. Часть тиража, предназначенная для розничной продажи, определяется Комитетом по печати, совместно с отделом печати ЦК КПСС. Действительным реальным показателем спроса является только индивидуальная подписка. Среди толстых литературно-общественных журналов, издающихся в Москве («Октябрь», «Москва», «Знамя», «Новый мир»), «Новый мир» по индивидуальной подписке в 1966 г. вышел на первое место, и его тираж вырос с 128 000 в 1965 г. до 141 000 в 1966 году. И это несмотря на большую стоимость каждого номера «Нового мира» по сравнению с другими журналами. Редактор «Октября» В. Кочетов упорно добивался разрешения на увеличение лимита розничной продажи, чтобы не обнаружить уменьшение индивидуальной подписки. В этих условиях было решено предпринять по отношению к «Новому миру» более серьезные санкции. Большое недовольство «наверху» вызвала повесть «Из жизни Федора Кузькина» Б. Можая, опубликованная в 7-ом номере «Нового мира» и показывающая тяжелую судьбу деревни. В 8-ом номере журнала за 1966 г. был опубликован сравни-

тельно простой рассказ «Дома» А. Макарова, сюжетом которого был взят приезд солдата в отпуск в родную деревню. В рассказе достаточно откровенно был показан бич деревни — пьянство. Политическое управление Советской Армии сделало этот рассказ предметом специального обсуждения. Заявив, что он якобы порочит славных советских солдат, начальник Политуправления Советской Армии отдал приказ о запрещении подписки на «Новый мир» армейским библиотекам и офицерам армии. (Этот приказ был отменен только в 1970 г. после снятия Твардовского с поста главного редактора журнала.)

Судьба А. И. Солженицына в это время складывалась так: на различных закрытых совещаниях о нем распространялась разнообразная клевета, придумывались несуществовавшие эпизоды биографии, от жизни в плену до службы в немецкой полиции на оккупированной территории. Кое-где излагалось «антисоветское» содержание поэмы «Пир победителей». А. И. направил в некоторые журналы и газеты письмо с опровержением этих клеветнических заявлений и резкий протест по поводу незаконной «закрытой» публикации конфискованных КГБ старых архивов, однако это письмо не было опубликовано.

В кругах научной и литературной интеллигенции ни один разговор не обходился без вопросов о том, как дела у Солженицына, сохранился ли хоть один экземпляр конфискованного романа, чем можно ему помочь? В самом начале 1966 г. академик П. Л. Капица, Д. Шостакович и писатели К. Чуковский, С. Смирнов и К. Паустовский направили в ЦК КПСС специальное письмо о необходимости создания нормальных условий для творчества А. И. Солженицына. В этом письме обращалось внимание и на плохие жилищные условия жизни писателя в Рязани и была высказана просьба о разрешении переезда А. И. Солженицына в Москву и предоставлении ему квартиры.

Неожиданно это письмо оказало определенное влияние. Разрешения на переезд в Москву А. И., конечно, не получил. Но Рязанский горсовет получил из Москвы директивное указание о предоставлении А. И. Солженицыну новой квартиры. А. И. пригласили в

горсовет и предложили на выбор четыре разных квартиры. От квартир в новых домах в центре города А. И. отказался, побоялся городского шума и выбрал достаточно просторную квартиру из трех комнат на первом этаже старого, но добротного дома в проезде Яблочкова. Особенно удобно было то, что во дворе имелся гараж, в который можно было поставить машину.

Весной А. И. снова уехал на все лето на дачу. Он очень любил это тихое место, и работа здесь шла лучше. А. И. писал «Раковый корпус». А. Т. Твардовский, читавший некоторые отрывки и знакомый с сюжетом повести, надеялся, что сможет опубликовать ее в «Новом мире».

В Москве в это время распространился слух о том, что А. И. испытывает серьезные финансовые затруднения. По инициативе сотрудников какого-то военного научно-исследовательского института среди ученых была собрана сумма денег как подарок к новоселью. Я предупредил некоторых участников этого дела, что А. И. откажется от такого рода помощи, но они все же решили довести дело до конца. Одного из знакомых А. И. уговорили отвезти конверт с деньгами для вручения, но он вскоре вернулся, сообщил о категорическом отказе. Тщетно посредник пытался объяснить, что раздать обратно деньги уже невозможно, так как некоторые вклады были анонимные и никакой «ведомости» не было. (Следует, между прочим, указать, что сборы денег для помощи семьям политических осужденных или уволенных с работы проводились среди советских ученых и деятелей культуры почти постоянно.) Хотя финансовое положение А. И. действительно не было блестящим, но и потребности его всегда были очень скромными, одежду и обувь А. И. всегда покупал покрепче, чтобы сразу на несколько лет. На завтрак и ужин, особенно на даче, предпочитал просто хлеб с молоком. Из соседней деревни он каждый день приносил бидон с парным молоком. 4 года армии и 12 лет лагерей и ссылки отучили его от обычных понятий о «материальном благополучии», характерных для современного т. н. потребительского общества.

Новый курс в области литературы создавал большие трудности не только для А. И. Солженицына. Очень многим писателям, сюжетами произведений которых были события прошлого, возвращали рукописи, уже принятые ранее к печати, а иногда и набранные. Это относилось и к тем, кто писал непосредственно о репрессиях (В. Шаламов, Е. Гинзбург, Л. Чуковская, Г. Серебрякова, С. Газарян, А. Костерин), и к тем, кто в той или иной мере достаточно правдиво показывал бюрократические методы, произвол, тяжелое положение в деревне и многие другие аспекты жизни общества. Был задержан в наборе роман А. Бека «Новое назначение». «Военные дневники» К. Симонова, принятые «Новым миром» и разрешенные цензурой, были неожиданно запрещены, когда тираж журнала был уже почти готов. 80 000 уже отпечатанных номеров журнала из-за этих дневников, правдиво и документально показывающих первые месяцы войны, были направлены в макулатуру, с предварительным разрезанием готовых выпусков на мелкие куски в той же типографии, где печатали журнал. (Эта процедура предварительного измельчения запрещенных изданий предусмотрена для того, чтобы предотвратить утечку книг на пути из типографии к макулатурному заводу, на котором есть и собственный измельчитель.)

Многие другие произведения были задержаны на стадиях редакционной обработки, либо вообще отвергались издательствами без рассмотрения.

Все это создавало в литературной среде весьма напряженное положение, проявлявшееся в выступлениях даже на партийных собраниях писателей, особенно в Москве и в Ленинграде. В этих условиях руководство Союза писателей СССР не решалось собрать 4-й съезд писателей, делегаты которого были избраны еще в 1965 году. Съезд решили отложить на 1967 г. и провести его как юбилейный, посвященный 50-летию Октябрьской революции. Юбилейный характер съезда создавал лучшие возможности для зажима критических выступлений.

А. И. провел все лето на даче, работая по 12—14 часов в день. Я видел его в это время только два раза и очень коротко. В периоды активной работы А. И. не

любит отрываться ни для встреч, ни для бесед. «Социальную» часть жизни он совмещает с периодами сбора материалов.

Я интересовался судьбой «Круга» и высказывал предположение о целесообразности более широкого чтения этого романа среди друзей. Но А. И. отказывался пока от предоставления романа самиздату, опасаясь пиратских изданий за границей. Связанные с этим осложнения, по его мнению, не дадут ему спокойно работать над намеченными темами. «У меня материал собран на 10 лет», — сказал он. Идти на открытый конфликт А. И. не хотел. Как и в 1965 г., когда он решил переехать в Обнинск, А. И. намеревался несколько лет оставаться в тени, чтобы закончить уже задуманные произведения.

В начале лета 1966 г. А. И. закончил первую часть «Ракового корпуса» и в конце июля отнес ее в «Новый мир». Чтобы облегчить «Новому миру» редакционное рассмотрение рукописи, А. И. решил обсудить это произведение в секции прозы Московского отделения Союза писателей. Руководство Московского отделения ССП неожиданно согласилось провести открытое обсуждение рукописи. Для этого были заказаны около 20 машинописных копий, которые затем должны были раздать ведущим московским литераторам и критикам. Пока же А. И. вернулся в Рязань.

Уезжая на лето на дачу, А. И. запер свой кабинет. Вернувшись, он сразу увидел, что на полу, как раз посреди комнаты насыпалась небольшая кучка известки с потолка. В потолке над этим местом не было трещин, но было небольшое углубление. Как выяснилось, соседи из верхней квартиры уезжали на месяц в санаторий. Было возможно, что за это время могли вделать подслушивающий микрофон. Осыпавшаяся известка и углубление могли появиться от локального давления при сверлении через пол в верхней квартире. Это была только гипотеза, но А. И. за время работы в институте, описанном в «Круге первом», узнал и о подслушивающей технике. Выявлять и ликвидировать микрофон было бесполезно, все равно сделают в другом месте.

Конец года А. И. провел в основном в Москве. Обсуждение первой части «Ракового корпуса» было намечено на 16 ноября. Подробный отчет об этом совещании, составленный несколькими участниками, впоследствии распространялся самиздатом и был даже опубликован через год где-то за границей. Обсуждение было весьма благоприятным и все без исключения горячо поддержали повесть. Секция вынесла решение, рекомендовавшее повесть для опубликования. Заседание секции происходило в переполненном зале. Выступления в поддержку повести (В. Каверина, А. Борщаговского, Л. Славина, Б. Сарнова, Ю. Карякина, Е. Тагер и многих других) встречались аудиторией очень одобрительно. Тепло был встречен литераторами и сам А. И. Солженицын.

Но заседание секции прозы ССП имело и другие важные последствия. Рукопись первой части «Ракового корпуса», размноженная для обсуждения примерно в 20 экземплярах, продолжала распространяться и дальше. «Критическая масса» была достигнута, и началась цепная реакция самиздата. Уже к концу декабря с первой частью повести смогли познакомиться тысячи человек.

Но благоприятное обсуждение «Ракового корпуса» в секции прозы Московского отделения ССП не могло заслонить от А. И. весьма тревожного события, о котором он узнал за время пребывания в Москве от своих друзей. Конфискованный КГБ в 1965 г. архив писателя не остался конфиденциальным. Части романа «В круге первом» и тенденциозные выборки из архивных материалов, в частности, из забытой поэмы «Пир победителей» были размножены в КГБ особым закрытым тиражом, и с этими материалами по спискам знакомились руководящие деятели Союза писателей и некоторые партийные работники. Это была грубая и незаконная акция, сильно напоминающая шантаж. Противоправный характер подобных действий органов КГБ был очевиден. По закону органы КГБ имеют право вести следствие по открываемым делам и передавать дела в суд. Этим их юридические полномочия ограничиваются. Осуществив в 1965 г. конфискацию, органы КГБ имели право открыть следствие «по делу

А. Солженицына», если в изъятых материалах усматривалось бы наличие «состава преступления». Если же «состава преступления» не было, то все изъятые материалы надлежало вернуть, ибо, не открывая «дела», органы власти не имели юридических оснований для присвоения чужих рукописей. Усматривать какой-либо «состав преступления» в романе, на который уже был заключен договор, а также в черновых редакциях явно архивного характера и не имевших распространения («обращения» — по юридической терминологии) также не было оснований. Публикация этих заметок даже «закрытым» тиражом при категорическом несогласии автора была юридической нелепостью. Кто-то решил, что «Пир победителей» — это антисоветское произведение. Но пока эта поэма лежала в одном экземпляре в архиве, она не представляла собой криминала. Она сочинялась на память заключенным, а перенесена на бумагу приговоренным к вечной ссылке. Тот, кто наказан пожизненно, вправе думать и писать для себя что угодно, он вне закона. Преступным в этих условиях может быть лишь размножение и распространение такого произведения, а этим как раз и занимались органы КГБ с тем, чтобы впоследствии перенести тяжесть этого действия на плечи автора. В такой обстановке А. И. не мог рассчитывать на спокойную жизнь, но не мог и молчать.

Как раз в этот период в конце ноября 1966 г. научные работники Института атомной энергии имени И. Курчатова пригласили А. И. Солженицына в клуб института на «встречу с читателями». А. И. приехал, и ему был оказан присутствовавшими горячий прием. Сначала А. И. прочитал отрывки из своих новых произведений, в частности, из «Круга первого» и «Ракового корпуса». Затем он отвечал на вопросы, опровергая попутно и распространяющуюся о нем клевету. На следующий день секретаря партийного комитета института вызвали в райком КПСС и объявили ему строгий выговор. Через несколько дней А. И. пригласили на аналогичную встречу с читателями в Институт востоковедения Академии Наук СССР. Опять А. И. был принят очень дружественно и тепло. А. И. прочитал две главы из «Ракового корпуса» и несколько от-

рывков из «Круга первого». Вопросы слушателей и ответы А. И. были кем-то застенографированы, а затем распространялись самиздатом. Отвечая, в частности, на вопрос о том, почему он изменил своему прежнему правилу не выступать публично и не давать интервью, А. И. сказал:

«... если произведения писателя регулярно публикуются, то через критику, через письма читателей писатель чувствует контакт с аудиторией... Но в последние годы мои вещи не публиковались, и я получил урок, что я не прав, полностью отказавшись от публичных выступлений. Я вынужден обстановкой к встречаю с читателями. И я стал это делать по трем причинам: мне надо почувствовать реакцию читателей. Мне необходимо защитить свое авторское право. Мне необходимо защитить свое имя от клеветы.

... Мой роман «В круге первом» стал достоянием организации, которая не призвана опекать художественную литературу. Мои вещи, которые я никогда не хотел публиковать, были опубликованы закрытым секретным изданием и сейчас распространяются среди определенного круга людей, в частности, среди ведущих деятелей творческих союзов. Эти люди читают, комментируют мои архивные рукописи, — Хренников, Кочетов, Сурков и пониже.

Что же делать мне? Если бы у меня просто изъяли мои вещи, я бы молчал. Я жаловался в ЦК, но мои просьбы не дали результатов... На заседании Комитета по Ленинским премиям кто-то сказал, что Солженицын уголовник. Это заявление было опровергнуто там же документами, и, несмотря на это, лекторы с официальной трибуны заявляли, что Солженицын был полицаем, был в плену. В Новосибирске на встрече «Нового мира» с читателями спросили — правда ли, что Солженицын был сотрудником гестапо?..»

Эти два публичных выступления А. И. Солженицына взволновали не только московскую интеллигенцию. Были обеспокоены и какие-то другие инстанции.

Секретарь партийного бюро Института востоковедения получил выговор в райкоме. По всем партийным организациям Москвы и, по-видимому, других культурных центров были даны какие-то строгие директивы. После этого несколько уже намеченных на декабрь встреч А. И. Солженицына с читателями в Москве и в Подмосковье были отменены. Происходили странные явления. К А. И. приезжали представители учреждений, в основном научных институтов и официально приглашали его на встречу с читателями. Устанавливалась дата, день и час, А. И. готовился к выступлению. Но за день, а иногда и за несколько часов перед намеченной встречей к А. И. приезжали или просто звонили смущенные устроители и сообщали, что райком или партком отменил встречу. В одном биологическом институте Академии Наук организаторы намеченной встречи держали свою деятельность в тайне, не вывешивали никаких объявлений и сообщили сотрудникам о приезде писателя примерно за три часа до назначенной встречи. Но за час до приезда А. И. директору института позвонили из райкома КПСС и категорически запретили выступление Солженицына. После 12 неудач такого рода А. И. перестал принимать приглашения. Наверху, по-видимому, решили, что Солженицын должен молчать.

10. ОБРАЩЕНИЕ К ЧЕТВЕРТОМУ СЪЕЗДУ ПИСАТЕЛЕЙ

Четвертый Всесоюзный съезд писателей если и запомнился чем-либо мне и многим другим любителям литературы, то только обращением к его делегатам А. И. Солженицына, которого не пригласили на этот съезд даже в качестве гостя.

Я узнал о намерении А. И. обратиться с письмом к съезду писателей недели за две до открытия съезда. В самом начале мая А. И., живший уже на своей дачке, приехал в Обнинск без предупреждения и, зайдя к Н. В., прочитал проект письма. Я в этот день, к сожалению, был в Москве и узнал содержание обращения только на следующий день в изложении. Текст письма я получил уже тогда, когда А. И. начал рассылать его по почте. Съезд открывался 18 мая 1967 г., письмо рассылалось 15—16 мая. А. И. с помощью друзей и помощников подготовил более 250 машинописных копий письма, подписал каждое собственноручно. На всех конвертах был указан отправитель. Поэтому, не исключая возможного перехвата, А. И. отправил письма из разных районов Москвы и в разное время. Большая часть экземпляров письма была отправлена в Президиум съезда и делегатам съезда. Около 70 экземпляров письма были разосланы писателям, не значившимся в списках делегатов, и около 30 копий письма были отправлены в редакции различных газет и журналов. Практически все делегаты съезда писателей в день открытия этого съезда уже знали письмо Солженицына.

В течение немногих дней самиздат размножил это письмо в тысячах экземпляров. Через несколько дней после съезда текст письма был также опубликован за границей в основных газетах и в многочисленных еженедельниках, а потом много дней текст его передавали различные зарубежные радиостанции. Поэтому

А. И. Солженицын. Обнинск, сентябрь 1968 г.

нет необходимости излагать здесь содержание этого письма, оно достаточно хорошо известно и у нас в стране, и за ее пределами.

Хотя для организаторов съезда обращение Солженицына в такой форме было явной неожиданностью, возможность каких-либо резких выступлений на съезде о слишком тяжелом давлении цензуры не исключалась. Руководители съезда особенно боялись выступлений в защиту недавно осужденных писателей А. Синявского и Ю. Даниэля, тем более, что письма с протестами по поводу позорного суда и жестокого приговора, подписанные сотнями писателей, ученых и деятелей культуры, среди которых было много членов партии, показывали достаточно ясно размеры оппозиции жесткому курсу.

В то же время съезд был юбилейным, посвященным 50-летию Советской власти, и на нем руководство ССП и Идеологической комиссии намеревалось продемонстрировать полное единодушие писателей и небывалый расцвет советской литературы. Поэтому съезд готовился исключительно тщательно. Списки писателей для выступлений в прениях по докладам рассматривались заранее, и тексты выступлений в прениях также утверждались заранее, еще до открытия съезда. Для этого, естественно, ораторов знакомили заранее и с основными докладами по разделам программы съезда. Специальная комиссия, выделенная для предварительного просмотра всех выступлений в прениях, предупреждала ораторов о том, что они не имеют права отклоняться от утвержденных текстов. Цензура постаралась умертвить живую устную речь, погасить настоящее ораторское искусство даже на собрании писателей.

Обычно на открытие съездов писателей, художников, композиторов приглашается много гостей. На этот раз и это правило было нарушено. Съезд открывался в Кремлевском дворце съездов, в зале, который может вместить несколько тысяч человек. Делегатов же было около тысячи. Но гостевых билетов все равно не было, даже по Союзу писателей, только особые приглашения. Балконы Большого зала, на которых обычно размещается более тысячи человек, на этот

раз были вообще закрыты. Группа старых большевиков, обратившаяся в Союз писателей дней за 10 до съезда с просьбой о разрешении присутствовать на съезде, получила отказ.

В этой обстановке письмо Солженицына к съезду писателей быстро нашло горячих сторонников. В первые два-три дня работы съезда большинство кулуарных разговоров вращалось вокруг этого обращения. Многие считали, что оно должно быть подвергнуто обсуждению.

В период работы съезда один популярный поэт собрал большую компанию писателей у себя дома. Разговор за столом неизбежно зашел о судьбе Солженицына и о его письме к съезду. После нескольких тостов писатели почувствовали себя смелее. Поэт, слегка уже захмелевший, обратился к писателю одной из национальных республик, активному деятелю Всемирного Совета Мира и известному либералу:

«Ты ведь завтра с утра будешь председателем заседания. — Предоставь мне слово для выступления! Я выйду и прочитаю письмо Солженицына, это будет исторический момент!»

За столом все зашумели в оживленном одобрении. Республиканский писатель, тоже осмелевший, согласился под возгласы поддержки. Кто-то все же выразил недоверие этому согласию: «Нет, ты не обещаешь так, а поклянись здесь нам восточной клятвой, что объявишь обещанное выступление».

Завтрашний председатель съезда встал и произнес восточную клятву.

Это было уже серьезно; у народа, к которому он принадлежал, нарушение такой клятвы означало потерю чести. Все, кто присутствовал на этой встрече, с нетерпением ждали утреннего заседания съезда.

На следующий день, когда началось очередное заседание съезда, место председателя занимал совсем другой писатель. Сообщили, что назначенный по программе председатель неожиданно заболел.

Но все же имя Солженицына прозвучало с трибуны съезда в выступлении писательницы Веры Кетлинской. Она сказала лишь несколько слов в поддержку А. И. (в газетный отчет о съезде они не вошли), но присутствовавшие в Кремлевском дворце съездов писатели встретили эти слова аплодисментами. Еще до закрытия съезда в Президиум поступило заявление, подписанное 80 писателями, настаивавшими на обсуждении письма Солженицына. (Среди подписавших это заявление были: К. Паустовский, В. Каверин, В. Тендряков, Ю. Трифонов, М. Поповский, В. Максимов, Б. Можаяев, Ф. Искандер, В. Аксенов, А. Рыбаков, В. Быков и другие известные писатели.) Некоторые участники съезда обратились в Президиум с самостоятельными яркими письмами, поддерживающими положение, выдвинутое Солженицыным. После съезда эти письма также распространялись самиздатом и были опубликованы за рубежом. Наиболее широкую известность получили письма и заявления писателей Г. Владимова, В. Конецкого, П. Антокольского, С. Антонова и В. Каверина. Было очевидно, что, окажись эти писатели на трибуне съезда или в роли временных председателей, письмо Солженицына могло бы быть и зачитано открыто.

11. «РАКОВЫЙ КОРПУС» В САМИЗДАТЕ И В «НОВОМ МИРЕ»

В конце мая и в июне 1967 г. в дополнение к уже ранее распространявшейся в самиздате первой части «Ракового корпуса» стала получать широкую известность и вторая часть этой повести. Одновременно появились сведения о распространении романа «В круге первом». В Обнинск эти произведения привез молодой физик Валерий Павлинчук, горячий поклонник Солженицына и один из организаторов очень популярного в нашем городе клуба «День ученых» — еженедельной программы в клубе физиков. На эти программы приглашались для выступлений писатели, критики, артисты, публицисты, поэты и ученые из других городов. Несмотря на тяжелую и неизлечимую болезнь (хронический нефрит почек), Валерий Павлинчук проявлял неутомимую активность во всех областях общественной жизни города и пользовался любовью и уважением всех знавших его товарищей. К концу лета в Обнинске эти произведения Солженицына прочитали сотни людей. В Москве их прочитали, по-видимому, десятки тысяч. Валерий Павлинчук также попытался осуществить приглашение Солженицына на одну из программ «Дня ученого», но это ему не удалось. (При проведении в Обнинске анонимной социологической анкеты в конце 1967 г. в графе с вопросом «ваш любимый советский писатель» на первом месте оказался Солженицын.)

А. И. Солженицын приехал в Обнинск только в самом конце лета, 2 сентября. Он зашел к Николаю Владимировичу, а затем ко мне с короткими визитами и очень заинтересовался сведениями о распространении «Ракового корпуса» и «Круга первого». Незадолго перед этим по иностранному радио передали сообщение о том, что положение Солженицына существенно улучшилось, что ему предоставлена квар-

тира в Москве, возвращен архив и даны гарантии об издании «Ракового корпуса». Как выяснилось впоследствии, это была лжеинформация, которой снабдили какого-то излишне доверчивого иностранного корреспондента. Но вопрос об издании «Ракового корпуса» действительно был вновь подвергнут осенью 1967 г. тщательному обсуждению. 22 сентября состоялось специальное заседание Секретариата Правления Союза писателей СССР, на котором рассматривалось письмо Солженицына к Четвертому съезду писателей и вопрос о судьбе его произведения. Солженицын присутствовал на этом заседании и впоследствии составил сокращенный протокол происходившей там дискуссии. Этот протокол также циркулировал в самиздате и был опубликован в 1968 г. в ряде иностранных журналов.

О «Раковом корпусе» немногие члены Правления высказывались положительно, но и они обязательно упоминали, что для публикации повесть несомненно потребует переработать. Роман «В круге первом» почти все присутствовавшие на заседании получили для прочтения из того источника, который осуществил в 1965 г. конфискацию рукописей этого романа. При этом, по-видимому, читатели получали и соответствующие инструкции. Поэтому отношение руководства ССП к роману было резко отрицательным. Но КГБ знакомил руководящих работников Союза писателей не только с романом, им давались для прочтения и конфискованные архивные материалы, в частности, поэма «Пир победителей». Это доказывало, что грубое нарушение авторского права, против которого А. И. столь резко протестовал в своем обращении к Четвертому съезду писателей, не только не было прекращено, а расширилось до уровня шантажа. Цель этого шантажа была ясной, противники писателя стремились добиться полной его изоляции.

А. И. осенью 1967 г. жил в деревне, недалеко от Рязани. Работать в обстановке шумного города он не любил. Бывая в Москве, он предпочитал останавливаться в Переделкино на даче Корнея Ивановича Чуковского. Старый писатель очень тепло относился к А. И. и старался создать для его работы благоприятные условия.

Переделкино находится всего в 20 км. от Москвы, и это облегчало А. И. сбор материалов для новой работы. Он стал частым посетителем Исторической библиотеки и архивов, беседовал со стариками, помнившими Первую мировую войну.

Вопрос о судьбе «Ракового корпуса» неожиданно начал проясняться. А. Т. Твардовский очень активно добивался в Секретариате ССП разрешения на публикацию этой повести в «Новом мире». В октябре 1967 г. Секретариат Союза писателей СССР дал разрешение на заключение договора с Солженицыным. Вскоре после этого секретарь СП СССР Воронков разрешил Твардовскому отправить рукопись «Ракового корпуса» в набор.¹⁾ Предполагалось, что первая часть этой повести появится в декабрьском выпуске журнала.

Лично я мало верил в то, что «Раковый корпус» будет опубликован. Резолюции Воронкова для этого было явно недостаточно. И на этот раз вопрос о действительной публикации мог быть решен только на уровне Политбюро или Секретариата ЦК КПСС. Но Твардовский уже не был в 1967 г. членом ЦК КПСС, и связей, позволяющих повторить эксперимент 1962 г., тоже не было. Противники писателя в этот период усилили клеветническую кампанию, особенно в лекционной пропаганде. В «Доме прессы» в Ленинграде в октябре 1967 г. выступил с большим идеологическим докладом заместитель главного редактора «Правды» М. В. Зимянин. Согласно сделанной некоторыми из присутствовавших там слушателей записи, Зимянин, коснувшись проблем литературы, сказал, в частности, следующее:

«... Последнее время в западной печати усиленно муссируются имена некоторых наших литераторов, выступления которых льют воду на мельницу наших врагов. Кампания в печати западных стран в защиту Тарсиса закончилась лишь тогда, когда его заплучили на Западе и убедились сами, что он сумасшедший.

1) Все эти «разрешения» были телефонными.

Сейчас большое место в пропаганде западных стран занимает Солженицын. Это тоже психически ненормальный человек, шизофреник. Он был в плену, а затем за дело или без дела был репрессирован. Свою обиду на власть он высказывает в своих произведениях. Лагерная тема — единственная в его творчестве, и он не может выйти за ее пределы. Она, эта тема, его навязчивая идея. Произведения Солженицына направлены против советского строя. Он выискивает в нем только язвы и раковые опухоли. Ничего положительного в нашем обществе он не замечает.

Мне по роду службы приходится читать и неопубликованные произведения, и я читал пьесу Солженицына «Пир победителей». В пьесе идет речь о репрессиях, которые обрушились на возвратившихся с фронта. Это самое настоящее антисоветское произведение. За такие в прежние времена сажали. Понятно, что мы не можем его печатать. Будет писать произведения, отвечающие интересам нашего общества, — будут его и печатать. Куска хлеба его никто не лишает. Солженицын — преподаватель физики, вот пусть себе и преподает . . .»

В конце 1967 г. в теоретическом отделе Физико-энергетического института в Обнинске, в комнате, в которой работал Валерий Павлинчук, неожиданно был проведен обыск. При этом была изъята и конфискована самиздатовская литература. В числе прочих рукописей были конфискованы рукописи «Ракового корпуса». В отношении членов КПСС теоретического отдела института было начато расследование по линии горкома КПСС. Валерий Павлинчук был исключен из партии и уволен из института. При разборе этого дела «Раковый корпус» фигурировал как «антисоветское» произведение. А в это же самое время автор повести читал верстку, набранную в типографии газеты «Известия» для 12-го номера «Нового мира».

12. «ЧЕРНЫЙ РЫНОК» ДЛЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В конце декабря 1967 г. макет верстки номера «Нового мира» был направлен в ЦК КПСС. Однако в ЦК уже не могло быть коллегиального обсуждения вопроса об издании «Ракового корпуса». Было дано указание принять окончательное решение о судьбе повести на уровне Секретариата Союза писателей. На Секретариате ССП обсуждение вопроса об издании происходило в отсутствие автора. А. Т. Твардовский горячо поддержал идею о немедленном издании «Ракового корпуса». К. Симонов колебался, но в общем был за публикацию. Однако руководящее «ядро» Секретариата: К. Федин, М. Шолохов, Л. Леонов, Н. Тихонов, А. Сурков, С. Михалков были решительно против публикации повести. В середине января Твардовский лично вручил Председателю ССП К. Федину обстоятельное письмо, в котором изложил свое мнение о творчестве Солженицына в целом. Александр Трифонович напомнил историю прихода Солженицына в литературу, дал серьезный анализ его творчества и на этом фоне отметил достоинства «Ракового корпуса». «Было бы преступлением скрывать эту работу от читателей, — писал А. Т. . . . — Первые восемь глав уже сверстаны и могут быть опубликованы в январском номере «Нового мира» . . . Все теперь зависит от Вас, К. А. . . .» К. А. Федин, однако, отказался пересмотреть свое решение, высказанное на заседании Бюро Секретариата, он ответил на письмо Твардовского телефонным звонком, в котором подтвердил указание о ликвидации верстки «Ракового корпуса». Поскольку «Новый мир» является «органом Союза писателей СССР», то Твардовский должен был подчиниться. (Письмо Твардовского К. А. Федину долго не было известно. Оно стало циркулировать в самиздате только летом

1968 г. после резкого выступления «Литературной газеты» против Солженицына. Осенью 1968 г. выдержки из этого письма были опубликованы за рубежом. Полный текст письма на английском языке был напечатан в октябре 1968 г. в Англии в журнале «Обозрение» — «Survey» № 69.) Однако более широкие круги литераторов очень слабо реагировали на запрет публикации «Ракового корпуса» — сказывались преследования (в форме отказа от публикаций, отказов в оформлении зарубежных туристических поездок, партийных взысканий) тех, кто поддержал письмо Солженицына 4-ому съезду писателей. Протестов по поводу запрета на «Раковый корпус» было немного, самый известный из них — «Открытое письмо В. Каверина Константину Федину» — получил широкое распространение и был впоследствии опубликован в зарубежной прессе и передавался неоднократно по иностранному радио.

В начале апреля 1968 года А. Т. Твардовскому в «Новый мир» пришла из Франкфурта-на-Майне международная телеграмма следующего содержания:

«... Ставим Вас в известность, что комитет госбезопасности через Виктора Луи переслал на Запад еще один экземпляр «Ракового корпуса», чтобы этим заблокировать его публикацию в «Новом мире». Поэтому мы решили это произведение публиковать сразу.

Редакция журнала «Грани».

Журнал «Грани», как уже упоминалось, является одним из органов антисоветской эмигрантской организации «Народно-трудовой союз» (НТС), действующей на территории Западной Германии. Любые позитивные контакты советских граждан с этими организациями и журналами могут послужить основанием для уголовного наказания.

Познакомившись по приглашению А. Т. Твардовского с телеграммой из журнала «Грани», А. И. Солженицын немедленно отправил письмо в Секретариат СП СССР и в редакции ряда журналов. Изложив текст телеграммы, А. И. сообщал:

«Я хотел бы протестовать как против публикации в «Гранях», так и осуществляемой В. Луи, но мутный и провокационный характер телеграммы требует прежде всего выяснить:

1) действительно ли она подана редакцией журнала «Грани» или подставным лицом (это можно сделать через международный телеграф, запросом во Франкфурт-на-Майне);

2) кто такой Виктор Луи, что за личность, чей он подданный? Действительно ли он вывез из Советского Союза экземпляр «Ракового корпуса», кому передал, где грозит публикация еще? И какое отношение имеет к этому Комитет госбезопасности?

Если Секретариат СП заинтересован в выяснении истины и остановке грозящих публикаций «Ракового корпуса» на русском языке за границей — я думаю, он поможет быстро получить ответы на эти вопросы.

Этот эпизод заставляет задуматься о странных и темных путях, какими могут попадать на Запад рукописи советских писателей. Он есть крайнее напоминание нам, что нельзя доводить литературу до такого положения, когда литературные произведения становятся выгодным товаром для любого дельца, имеющего проездную визу. Произведения наших писателей должны допускаться к печатанию на своей родине, а не отдаваться в добычу зарубежным издательствам».

Как следовало ожидать, никакого ответа на это письмо не последовало, и разъяснений о том, кто такой Виктор Луи, не было получено. Письмо Солженицына примерно через месяц было опубликовано в какой-то итальянской левой газете, а затем и в некоторых других газетах на Западе. Однако «Грани», несмотря на протест, форсировали публикацию «Ракового корпуса». Кто-то, по-видимому, понимал, что публикация этой повести за рубежом неизбежна, и предпринимал меры к тому, чтобы первым ее издателем был бы антисоветский эмигрантский журнал. Журнал этот все равно не имеет в СССР никакого распростра-

нения, а то, что именно он получал право «первоиздателя» (копирайт), создавало возможность последующих обвинений автора в сотрудничестве с преступными по советским законам организациями.

Виктор Луи неожиданно сам приехал на летнюю дачу Солженицына для того, чтобы объяснить. Местоположение этой дачи в 1968 г. знали лишь немногие друзья, и никто из них не был знаком с Виктором Луи. Поэтому очевидно, что Виктор Луи имел возможность получить необходимые ему сведения в той организации, которая с 1965 г. проявляла повышенный интерес к жизни писателя. Луи был первым непрощенным гостем на летней даче А. И., и он разрушил уже ранее поколебленное убеждение А. И. о том, что эта дача может служить своего рода «укрытием» для спокойной работы. Луи застал Солженицына в гараже под машиной, и когда А. И. выбрался, между ними произошел краткий разговор.

Луи пытался заявить, что он не вывозил «Раковый корпус» за границу и что телеграмма из «Граней» была провокационной. Однако А. И. быстро прервал беседу и не стал выслушивать подробных объяснений. Личность Луи, «иностранного корреспондента» с советским дипломатическим паспортом, не располагала к доверию. Луи сделал, однако, несколько снимков телеобъективом с большого расстояния. Фотографии были напечатаны в западногерманском журнале «Штерн», а также в других западных изданиях. Однако Виктор Луи не удовлетворился только этим. Он написал статью о своем визите к Солженицыну и о состоявшейся, якобы, с ним беседе. Поскольку настоящей беседы не было, то статья В. Луи в основном состояла из разных рассуждений и впечатлений. Учитывая интерес к личности писателя, Виктор Луи понимал, что даже недружественные, искажающие истину сообщения об этой встрече могут быть напечатаны на Западе. Свою статью о «встрече» с Солженицыным В. Луи предложил сразу нескольким зарубежным журналам и газетам, причем, он сделал это много месяцев спустя после визита на дачу писателя. Причина такой отсрочки остается неясной, по-видимому, именно в этот период нужно было бросить какую-то тень на личность

А. И. Мне известны два случая публикации статьи В. Луи: в газете «Интернешнл Геральд Трибюн» от 17 марта 1969 г. и в журнале «Сервей» № 70/71, 1969 год. В обоих случаях редакции предпослали статье В. Луи комментарии, разъясняющие читателям, кто такой Виктор Луи и почему он столь недружественно пишет о Солженицыне. Автором этих комментариев в «Геральд Трибюн» был московский корреспондент газеты «Вашингтон Пост» Анатолий Шуб (A. Shub), комментарии в «Сервей» написал редактор этого журнала Леопольд Лабедз (L. Labeledz).

«Виктор Луи, — писал Шуб, — советский гражданин и в то же время корреспондент английской газеты «Лондон Ивнинг Ньюс». Он первый сообщил на Запад о таких внутрикремлевских маневрах, как падение Никиты Хрущева. Он пользуется большей свободой для своих поездок за границу, чем другие официальные советские представители. Он стал знаменитостью, когда доставил на Запад копии «Двадцати писем другу» Светланы Аллилуевой и семейные фотографии Сталина . . .»

Повторяя историю о сообщении на Запад об отставке Хрущева, Л. Лабедз упоминает и о других «достижениях» В. Луи:

« . . . Недавно, в ноябре 1968 г., участвуя в небольшой выпивке в Пном-Пене, Виктор Луи похвастался, что он был первым советским гражданином, который посетил бастион Чан Кай-ши на Формозе за прошедшие 19 лет . . .»

Статья Луи была очень неуклюжей попыткой очернить Солженицына. Нет необходимости приводить здесь эту статью полностью, но некоторые цитаты следует дать, чтобы показать уровень этой публикации, несомненно одобренной теми, кто руководит работой Виктора Луи. Я даю эти цитаты в переводе с английского текста, напечатанного в журнале «Сервей», так как в газете «Интернешнл Геральд Трибюн» статья появилась в сокращенном виде.

«... Нескромность Солженицына проявляется уже в том, как он подписывает свои письма, используя только одну фамилию — Солженицын — и не указывая инициалов А. И. или имени — Александр. Так подписывались многие великие люди прошлого, и наш мастер слова, очень внимательный к нюансам, несомненно делает это совсем не случайно. Конечно, трудно сопротивляться, когда люди вокруг называют тебя гением...

Так что Солженицын — не Толстой, но кажется, что он постепенно старается быть Толстым, хотя бы в мини-форме. «Я люблю жить в деревне и дышать свежим воздухом», — заявляет он. — Он также начал отращивать бороду, но, конечно, она не идет в сравнение с той бородой, которая была у Толстого...»

Далее Луи описывает небольшую летнюю дачку Солженицына, стремясь показать, что и это как бы мини-усадебка в подражание Толстому. В своем несогласии с властями Солженицын также, по мнению Луи, подражает Толстому:

«... Но если, подобно Толстому, он несогласен с режимом, то он не говорит этого открыто. Он использует свое трудно добытое знание законов, чтобы никто не смог обвинить его. Трудно обвинить его в том, что он сам посылает свои романы за границу, но он совсем не удивляется, что они попадают туда...

Он знает важность того, чтобы всегда иметь алиби... Когда русский эмигрантский журнал «Грани», который уже печатал ранее избранные работы Солженицына и объявлял о наличии «копирайта» на некоторые из них, узнал о протестах Солженицына по поводу публикации, этот журнал с пониманием продолжал выполнять свои издательские планы, а в дополнение послал провокационную телеграмму, утверждая, что Виктор Луи вывез другой экземпляр «Ракового корпуса» на Запад... Но если я послал «еще

один», то кто же послал другие? Почему бы и им не разделить критику?

... В Западной Германии никто не ободряет тех, кто хочет писать о нацистских концлагерях, в США не любят писать об убийствах национальных лидеров. Почему же в СССР, где пресса в руках государства, следует стимулировать, печатать и распространять такого рода литературу? Зачем журналам посыпать солью открытые раны? Но время, которое Солженицын провел в лагере и в ссылке, потрясло его так сильно, что эта тема стала его навязчивой идеей, и он уже не может не касаться ее в своих произведениях. Вероятно, это одна из причин, почему его произведения не появляются в настоящее время в советских журналах... Русские любят мучеников, и Солженицын не отказывается от этой роли...»

История с рукописью дочери Сталина Светланы хорошо известна. После бегства Светланы за границу и ее намерения издать там свою книгу об отце КГБ были предприняты серьезные меры, чтобы помешать этому. Провал успешных попыток любым способом вернуть Аллилуеву в СССР послужил одной из причин смещения Семичастного с поста Председателя Комитета государственной безопасности. (Семичастного перевели на должность заместителя Председателя Совета Министров Украинской ССР.) Аллилуева переехала в США и было объявлено, что ее книга о Сталине будет опубликована на нескольких языках в ноябре 1967 г., как раз к 50-летней годовщине Советской власти. Авансовые гонорары были уплачены Аллилуевой вперед и составили огромную сумму в миллион долларов. Поскольку издание книги Аллилуевой было неизбежно, какие-то инстанции в СССР решили перенести сенсацию на более ранний срок, чтобы не смешивать ее с юбилеем. Заодно можно было нанести финансовый ущерб издательствам, заключившим договора с Аллилуевой. В Москве был найден экземпляр рукописи книги Аллилуевой, которой она кому-то оставила. В

архивах Сталина была собрана редкая коллекция семейных фотографий Сталина и его друзей и родственников, и все эти материалы Виктор Луи вывез за границу и продал в Англии издательству «Флегон Пресс», а в ФРГ журналу «Штерн». Русское издание «20 писем другу» было выпущено в Англии в июле или в августе 1967 г., и в это же время началась публикация писем журналом «Штерн». Светлана Аллилуева лишь с опозданием смогла остановить эти пиратские публикации с помощью суда, но те, кто направил на Запад Виктора Луи, все же добились своего: сенсация вокруг работы о Сталине разразилась на несколько месяцев раньше, чем празднование юбилея. Многочисленные весьма критические рецензии на книгу появились задолго до официального выхода ее на нескольких языках, и это снизило интерес к книге. Кроме того, Светлана Аллилуева не могла теперь произвести существенных изменений первоначального текста, который имел много серьезных недостатков. Издательства, с которыми Аллилуева заключила договоры, по-видимому, действительно понесли убытки и были разочарованы.

О Викторе Луи на Западе существует специальная литература, анализирующая его оригинальную деятельность. Он действительно пользуется полной свободой заграничных путешествий, ведет полуофициальные переговоры с влиятельными фигурами в разных странах и первый сообщает в зарубежную печать о наиболее сенсационных событиях из жизни СССР (например, о снятии Хрущева, о смерти Хрущева, о причинах гибели трех космонавтов и другие). При этом Виктор Луи — советский гражданин и никогда не был иностранцем. Он даже уверяет некоторых, что в сталинские времена был в заключении.

Но как же могла рукопись «Ракового корпуса» оказаться в журнале «Грани»? Мне известно, что в 1967 г. журнал «Грани» посылал своих агентов в Москву на розыски этой рукописи. Весьма уважаемый человек рассказал мне несколько лет назад следующую интересную историю. В один из вечеров в конце 1967 г., открыв на звонок дверь своей квартиры, рассказчик увидел явно иностранного вида личность. Визитер,

кроме того, не мог разговаривать по-русски. Знаками он дал понять, что у него есть дело к хозяину квартиры. Хозяин, назовем его X., пригласил иностранца войти и также знаками спросил, — что ему нужно. Иностранец достал из кармана письмо. Письмо было написано по-русски и адресовано лично X. с указанием и его домашнего адреса. Содержание письма было примерно следующим:

«Многоуважаемый... (значились имя и отчество X.),

Редакция журнала «Грани» осведомлена о существующих трудностях с изданием повести А. Солженицына «Раковой корпус». Принимая во внимание значение этой работы для развития русской литературы, редакция журнала «Грани» хотела бы опубликовать эту повесть на русском языке. У нас есть основания полагать, что Вы могли бы помочь нам в получении копии рукописи этого произведения. Податель этого письма является бельгийским студентом, и если ему будет передана рукопись «Ракового корпуса», он доставит ее в редакцию журнала «Грани».

С уважением...»

Письмо было подписано одним из редакторов журнала «Грани».

Гр. X. начал объяснять бельгийскому студенту невозможность выполнения подобной просьбы, но студент не мог понять, о чем идет разговор. Тогда X. взялся за телефон, имея в виду пригласить живущего неподалеку друга, знавшего французский язык. Бельгиец, увидев снятую телефонную трубку, испуганно вскочил и собрался уходить, подумав, наверное, что X. намеревается передать его в руки КГБ. Однако X. удержал его, с трудом объяснив, что он приглашает «комрада» для перевода. Когда пришел знаток французского языка, то бельгийцу объяснили, что ни о какой передаче рукописи в «Грани» не может быть и речи и что за подобные акции не только те, к кому он пришел, но и он сам могут быть осуждены по советским законам и именно из-за того, что в этом деле

А. И. Солженицын и Н. В. Тимофеев-Рессовский в сентябре 1968 г.

участвует редакция журнала «Грани». Бельгийцу рекомендовали срочно уезжать домой. Бельгийский студент, убедившись, что его не передают в руки агентов КГБ, стал несколько более развязным и сообщил, что ему необходимы доказательства того, что он действительно побывал у Х., но получил отказ. Иначе в редакции могут не поверить, что он выполнил просьбу. Поэтому бельгиец попросил Х. написать на обороте письма свой ответ.

Такая просьба сразу насторожила Х. Почему он должен был писать ответ на обороте письма. Уже само наличие такого письма было для него крайне неприятным делом, ведь это письмо могло быть найдено при таможенном досмотре при въезде бельгийца в СССР, и это послужило бы основанием для различных допросов Х. о его возможных связях с НТС. Теперь же бельгиец хочет увезти это письмо назад, да еще с ответом. Если оно попадет в руки таможенников, то контакт Х. с «Гранями» станет фактом. Х. взял у бельгийца письмо, разорвал его на мелкие кусочки и попросил бельгийца передать в «Грани», чтобы журнал никогда с подобными провокационными просьбами к советским гражданам не обращался.

После ухода бельгийца Х. стал обсуждать с другом вопрос о том, был ли этот бельгиец действительно иностранцем и к скольким еще лицам у него были письма из журнала «Грани».

13. КТО ПОЛУЧАЕТ ДОХОДЫ НА ЛИТЕРАТУРНОМ «ЧЕРНОМ РЫНКЕ»

Телеграмма в «Новый мир», как выяснилось впоследствии, была действительно отправлена журналом «Грани». Ссылки на Виктора Луи и на какие-то попытки «заблокировать» издание «Ракового корпуса» в СССР были смехотворны. Запрещение публикации «Ракового корпуса» было произведено еще в январе и более простым способом, не требовавшим отправки Луи за границу. В апреле, когда журнал «Грани» посылал Твардовскому телеграмму, сотрудники этого западногерманского журнала не могли не знать, что «Новый мир» уже давно рассыпал набор повести. Сообщение об этом было опубликовано во многих западных газетах и широко комментировалось. Зачем же нужна была еще и телеграмма?

Я согласен с мнением А. И. о том, что эта телеграмма носила «мутный и провокационный характер». Однако она имела еще и продуманное коммерческое значение. Журнал «Грани» таким образом торопился объявить о своих правах «первоиздателя» повести. Поскольку СССР не участвовал в международных конвенциях по охране авторских прав, протест Солженицына по поводу пиратской публикации в столь нежелательном журнале не имел юридической силы. Журнал же «Грани» как «первоиздатель» повести получал на нее как бы авторские права и мог продавать другим издательствам права на перевод «Ракового корпуса» на различные иностранные языки. В этом отношении журнал «Грани» действительно боялся конкуренции и поэтому спешил объявить о своем намерении телеграммой. Если бы кто-либо опередил «Грани», срочно отпечатав, даже репродукцией с рукописи, 100—200 экземпляров с указанием коммерческой стоимости каждого экземпляра и с депонированием нескольких экземпляров в соответ-

ствующим книгохранилищам, то право «первоиздателя» и все связанные с этим коммерческие выгоды были бы за организатором этой акции. Энергичный издатель, вроде «Флегон Пресс», мог бы сделать все это за неделю. Паническая телеграмма «Граней», со ссылкой на происки КГБ, имела целью заблокировать возможное параллельное русское издание. Когда в конце 1968 г. были изданы переводы «Ракового корпуса» на некоторые иностранные языки, то издатели вынуждены были публиковать специальные заявления о том, что рукопись повести была получена ими без участия Виктора Луи и КГБ.

Лиц, которые действуют подобно Виктору Луи, в нашей стране, по-видимому, не так уж мало. Активную продажу на Запад рукописей не изданных в СССР произведений проводят и такие организации, как «Международная книга» и Агенство печати «Новости» (АПН). Таким образом продаются полные варианты книг, издаваемых в СССР с рядом сокращений (например, «Мастер и Маргарита» М. Булгакова, «Воспоминания» маршала Г. К. Жукова и др.). Продается и просто информация через «иностраных» корреспондентов вроде Виктора Луи.

Большинство стран мира связано особыми всеобщими и региональными соглашениями по международной охране авторского права. Наиболее известными являются: Бернская конвенция и Всемирная женеvская конвенция, принятая по инициативе и под руководством ЮНЕСКО. (Тексты этих конвенций, а также ряда региональных соглашений, были опубликованы на русском языке в 1958 г. в переводе книги Д. Сиджанского и С. Кастаноса «Международная охрана авторского права». Французский оригинал этой книги: D. Sidjanski et S. Castanos. «Droit d'auteur ou soryright» был опубликован в Лозанне в 1954 году. В обширном «Предисловии» к русскому переводу, однако, не указывается, почему СССР отказывался участвовать в этих конвенциях. Редактор перевода, написавший и «Предисловие», отмечает, что конвенции отражают капиталистический подход к авторскому праву. В СССР, по его мнению, господствует «советская концепция

авторского права», которая охраняет и права организаций, использующих авторские произведения. Нельзя не заметить, что под этими «организациями» редактор имеет в виду не *издательства, публикующие произведения*, а именно *организации, использующие произведения*.)

Но если автор-гражданин страны, не вступившей в международные конвенции, *впервые* публикует свою работу в какой-либо из стран, участвующих в этих конвенциях, то на эту работу распространяются все меры по международной защите авторских прав. Первоиздатель получает т. н. «копирайт» — полный правовой контроль за судьбой своего произведения. Хорошо, когда этим правом пользуется сам автор, избегая таким образом социальной эксплуатации. Но гораздо чаще этой возможностью пользуются специальные отделы Агентства «Новости» или еще кто-либо.

Сотрудники АПН и «Международной книги» изучают планы научных, социальных и художественных издательств и редакций журналов, выясняя, какая работа, *одобренная цензурой*, могла бы быть продана западным издательствам до ее публикации в СССР. После этого они продают рукописи, продают верстки, а иногда и уже изданные книги, но с новыми дополнениями.

Коммерческую ценность для такой торговли имеют не только научные труды и художественные произведения. Иностранцы покупают и просто различные новости, особенно сенсационные, публикуемые затем во всем мире. Но подобные новости могут быть *проданы* за валюту только до того, как они переданы, например, ТАСС или по советскому радио. Эта потребительная стоимость различных новостей и создает коммерческую основу для деятельности советских корреспондентов иностранных газет вроде Виктора Луи. О многих важнейших событиях нашей внутренней жизни мир узнает не из сообщений ТАСС или советского радио, которые обычно «запаздывают», а от Виктора Луи и от его друзей. За свои сенсационные сообщения Виктор Луи, возможно, получает большое вознаграждение,

часть которого, очевидно, достается и ему самому. Посещавшие Луи в Москве иностранные корреспонденты отмечали в западной прессе необыкновенную роскошь его большой квартиры, сделанной из двух трехкомнатных квартир. Еще более роскошной является дачная загородная резиденция Виктора Луи. Я сошлюсь здесь только из статью руководителя московского бюро американского журнала «Ньюсвик» Аксельбанка, опубликованную журналом «Ньюсвик» от 12 июля 1971 г. (стр. 12). Аксельбанк описывает свои впечатления от посещения дачи Луи:

«... Его детски гладкое лицо скрывает 42-летний возраст, восемь лет из которого, по его словам, были проведены в сталинских рабочих лагерях. Его голубые глаза хитро прищурены за очками в золотой оправе. Покуривая огромную кубинскую сигару, он через горы бумаги на своем антикварном столе из орехового дерева протягивает руку к одному из трех окрашенных в разные пастельные тона телефонов. Он берет трубку того телефона, который звонит, и говорит спокойно: «Это «Лондон Ивнинг Ньюс»? Прекрасно, диктую детали истории о трагедии в космосе».

Это есть Виктор Луи, корреспондент «Лондон Ивнинг Ньюс» и невероятно странный советский бонвиван, который, как думают многие, является агентом КГБ. Он наиболее известный в Советском Союзе поклонник потребления. В 15 милях от Москвы Луи имеет огромный особняк, в котором он любит удивлять журналистов, дипломатов и избранный круг особо важных персон своим роскошным гостеприимством...

Поддерживая свою репутацию миллионера, он также имеет на даче плавательный бассейн, теннисный корт, гараж, в котором находится множество автомобилей, рефрижераторы, заполненные бутылками кока-колы.

Луи, который принял меня, был одет в шелковый черный японский халат. Он несомненно испытывал радостную гордость от своего богатства. Он показывает на флорентийский кафель,

покрывающий пол в столовой, на резные деревянные иконы и на массивную мебель, покрытую морскими ракушками (такая же точно мебель, как он говорит, была у Елены Рубинштейн). Он гордо расставил различные дорогие вещи и среди них новый 800-долларовый магнитофон. «Это кое-что из того, что я недавно привез из поездки в Израиль», — как нечто обычное, говорит он. —

Когда я спросил его, что он думает о тех русских, которые называют его «капиталистом», Луи ответил: «Я работаю больше, чем другие русские. Поэтому-то я и имею эти вещи . . .»

Когда Луи начинает замечать, что посетитель готов прощаться, он с наслаждением обращает внимание на большую карту мира, на которой множество красных линий, указывающих места, которые Луи посетил. «Ха!, — замечает он, — люди говорят, что я правительственный агент и что я получаю деньги от правительства. Это смешно. Вот смотрите, зачем бы стал Советский Союз посылать кого-либо в такие места, как Таити?»».

К статье дана фотография Луи с телефонной трубкой возле уха. Подпись гласит: «Луи в кабинете, шесть комнат и финская баня из сосны».

Люди, подобные Луи, с полного одобрения АПН, «Международной книги» и других государственных организаций продают в разные страны информационный товар самого разного рода. Известным ученым заказывают статьи на темы, по которым трудно опубликовать работы в СССР, а затем сборник *рукописей* под названием «Научная мысль» предлагается журналам всех стран от Португалии до Японии. Иностранным газетам продавалось очень дорого право на интервью с Н. С. Хрущевым в период, когда он жил в одиночестве и в опале у себя на подмосковной даче. В период суда над писателями А. Синявским и Ю. Даниэлем западногерманские журналы приобрели через АПН или В. Луи фотографии из зала суда и выдержки из протокола суда. Продан был и альбом се-

мейных фотографий И. Сталина. Иногда «неизвестные» люди торгуют на «черном рынке» и фальшивками. Однажды моему брату Р. А. Медведеву пришлось опубликовать заявление о том, что напечатанная в журнале «Посев» провокационная статья «Правда о современности»,¹⁾ подписанная именем Р. Медведева, является фальшивкой. Журнал «Посев», публикуя эту фальшивку и понимая, что Медведев — фамилия распространенная, специально указывал, что это статья московского историка Р. Медведева. Очевидно, таков был заказ составителей этой провокации. Заявил однажды о подделке и академик А. Д. Сахаров, от имени которого кто-то составил и передал в западные газеты какое-то антисоветское письмо. Но иногда на «черном рынке» можно не только продавать, но и покупать нужную информацию, печатая ее потом в советских газетах как отражение «общественного мнения» в других странах. Таким образом через «черный рынок» стали в последующем заказывать статьи с критикой произведений А. И. Солженицына.

¹⁾ «Посев» № I за 1970 г.

14. НАЧАЛО ОТКРЫТОЙ КАМПАНИИ ПРОТИВ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА

25 апреля 1968 г. А. И. Солженицын направил в «Литературную газету», а также в газеты «Ле Монд» и «Унита» протест по поводу начинавшихся в западных странах отрывочных публикаций из «Ракового корпуса» и анонсированных полных изданий этой повести, намечавшихся на конец 1968 года. А. И. просил «Лит. газету» и другие органы печати немедленно опубликовать этот протест. «... Заявляю, — писал А. И., — что *никто* из зарубежных издателей не получал от меня рукописи этой повести или доверенности печатать ее. Поэтому *ничью* состоявшуюся или будущую (без моего разрешения) публикацию я не признаю законной, ни за кем не признаю издательских прав... Я уже имею опыт, как во всех переводах был испорчен «Иван Денисович» из-за спешки. Видимо, это же ждет и «Раковый корпус». Но кроме денег, существует литература».

К этому протесту прилагались различные материалы, излагающие историю обсуждений в ССП вопроса об издании «Ракового курпуса», а также изложение прений на заседании Секретариата Союза писателей СССР 22 сентября 1967 г., посвященного «разбору писем писателя Солженицына».

На Западе протест Солженицына был опубликован в конце мая газетой «Унита» — органом Итальянской коммунистической партии. «Литературная газета» долго не отвечала на письмо Солженицына, но через 2 месяца, 26 июня 1968 г., все же опубликовала его. Однако вместе с этим письмом была опубликована пространная, на всю газетную полосу сопроводительная редакционная статья под заголовком «Идейная борьба. Ответственность писателя».

Статья в «Литературной газете» была написана в грубом, демагогическом стиле, с различными прими-

тивными рассуждениями и аналогиями. После общих догматических фраз анонимный автор статьи описывал разные случаи предательства и продажности.

«... бездельника-фарцовщика соблазнили нейлоновыми тряпками, либо провернули с ним валютные операции...», «... какой-то цирковой акробат не вернулся на родину из гастрольной заграничной поездки...», «... в писатели срочно производится, к примеру, графоман и шизофреник В. Тарсис, строчивший в огромных количествах свои бесталанные, но зато открыто антисоветские писания», «... на щит поднимается со своими „мемуарами“ Светлана Аллилуева» и т. д.

А затем, после всей этой «артподготовки», в статье сообщалось, что «ЛГ» публикует письмо А. Солженицына. В связи с этим начиналось обсуждение деятельности Солженицына, хотя, в соответствии со здравым смыслом, газета должна была бы поддержать протест писателя. В этом случае протест мог бы оказать какое-либо действие. Вместо разумного подхода к делу, «ЛГ» заявила, что имя А. И. якобы

«... взято на вооружение западной пропагандой и широко используется в провокационных, антисоветских целях».

Вопреки элементарной порядочности и нарушая многократно и открыто высказанное предупреждение А. И. о недопустимости любой формы публикации и использования рукописи «Пира победителей», газета стала тенденциозно излагать и цитировать содержание этой пьесы, написанной еще в лагерные времена и незаконно изъятой из личного архива. При этом «Литературная газета» цинично поиздевалась над авторским запретом. Какое, мол, право имеет Солженицын запрещать публикацию и разбор пьесы, если он доверил ее хранение столь ненадежному человеку, как Теуш. В таком же развязном стиле «ЛГ» изложила и историю с «Раковым корпусом». О романе «В круге первом» было сказано только, что он «... содержит злостную клевету на наш общественный строй».

Подобное использование «Литературной газетой» материалов личного архива писателя, после категорически высказанного им запрета, являлось не только нарушением моральных норм, но и грубым нарушением советских законов об авторском праве. Статья 475 Гражданского Кодекса РСФСР определяет, что авторское право распространяется не только на произведения, выпущенные в свет, но и на еще не выпущенные в свет. Статья 479 этого Кодекса констатирует, что автору принадлежит право «... на неприкосновенность произведения». Статья 480 — «Охрана неприкосновенности произведений и имени автора при его жизни» — достаточно ясно указывает, что неприкосновенность произведения означает запрещение «без согласия автора» публикации произведения в каком-либо ином виде, отклоняющемся от того, которое было избрано самим автором. В этой статье отмечается, что

«... воспрещается также без согласия автора снабжать произведение при его издании... предисловиями, послесловиями, комментариями и какими бы то ни было пояснениями».

Еще более ясно принцип «неприкосновенности произведения» определяется в статье 6-бис международной Бернской конвенции:

«... автор сохраняет пожизненно право... противодействовать всякому деформированию, искажению или иному изменению произведения, а также любому другому посягательству на это произведение, способному нанести ущерб чести автора или его репутации».

А между тем «Литературная газета» занималась именно этим. Более того, осуществляя, вопреки желанию и воле автора, частичную, то есть искаженную, публикацию «Пира победителей» и снабжая эту публикацию тенденциозными комментариями, «ЛГ» демонстрировала не только неуважение к закону со стороны советской печати, но и нарушение законов органами государственной безопасности.

Единственный существовавший экземпляр рукописи «Пира победителей» был конфискован при обыске

по делу Теуша. По существующим нормам Уголовно-процессуального Кодекса РСФСР (УПК РСФСР) все, не относящиеся к делу, материалы должны быть возвращены после закрытия дела. Могут не возвращаться лишь предметы и материалы, «не подлежащие обращению». Понятие «не подлежащие обращению» является широким и включает, например, оружие, фальшивые деньги, а также, по-видимому, нежелательные книги и рукописи. В эту категорию, очевидно, были записаны и все архивы Солженицына, включая рукописи «Круга первого». Иначе нельзя объяснить того, почему их не вернули после закрытия дела Теуша. Однако тот же УПК РСФСР и официальный Комментарий к УПК РСФСР достаточно ясно ограничивает круг лиц, которые могут знакомиться с такими материалами в ходе следствия. Материалы, изъятые при обыске или при «выемке» (перлюстрация корреспонденции), могут быть представлены для изучения: следователю, прокурору, эксперту следствия, адвокату, суду. Но они ни в коем случае не могут быть представлены для ознакомления лицам, посторонним для следствия и суда. А тем более, если никакого уголовного дела по этим материалам не возбуждалось. Поэтому предоставление органами государственной безопасности *конфискованных личных* архивов писателя членам Секретариата ССП и в органы массовой информации было грубым нарушением предусмотренных Кодексом правил проведения следственных действий.

Статья «Идейная борьба. Ответственность писателя» вызвала резкую реакцию многих представителей советской интеллигенции, причем, обратную той, на которую, по-видимому, рассчитывали анонимные авторы. В газету стали быстро поступать десятки писем от людей, иначе относившихся к творчеству Солженицына, дававших высокую оценку «Раковому корпус» и «Кругу первому» и поддерживающих позиции, выраженные в письме Солженицына к Четвертому съезду писателей. «ЛГ» не смогла напечатать ни одного отклика в поддержку собственных утверждений. Естественно, что она не печатала и писем в защиту писателя. Но письма, поддержавшие «ЛГ», если даже таковые и были, остались неизвестными. Многие же письма

противоположного характера стали вскоре достоянием самиздата, вошли в фонд бесцензурной публицистики. Некоторые из этих писем, например, яркое письмо «Ответственность писателя и безответственность «Литературной газеты»». Лидии Чуковской, были опубликованы в зарубежных газетах. В моем архиве имеется 10 копий разных писем в «ЛГ» в ответ на статью. Общим для всех этих писем являлось негодование по поводу низкого морального уровня той полемики, которую начала «Литературная газета», искажения биографических данных А. И., публикации содержания «Пира победителей», смахивающей на попытку шантажа, негативной оценки «Ракового корпуса» и «Круга» без всякого анализа этих произведений. Большинство писем было отправлено учеными и литераторами. Я не намереваюсь приводить здесь обзор этих писем, они обсуждают в основном те же вопросы, которые осветила и Лидия Чуковская. Приведу лишь выдержку на письма доктора физико-математических наук В. Ф. Турчина, адресованного главному редактору «ЛГ» А. Чаковскому.

«... В течение некоторого время я поддерживал связи с „Литературной газетой“, моя фамилия даже появлялась на ее страницах. Теперь мне приходится стыдиться этого. Я заявляю, что до тех пор пока Вы останетесь главным редактором „ЛГ“, я отказываюсь в какой бы то ни было форме сотрудничать с ней, отказываюсь подписываться на нее и покупать ее. Я полагаю, что для всякого человека, разделяющего мою точку зрения на статью о Солженицыне, это единственно возможная реакция на нее».

По свидетельству Валерия Павлинчука, доживавшего в 1968 г. свое последнее лето (он умер в конце июня от уремии и воспаления легких), в Обнинске около 10 научных работников последовали этому призыву и, оформив на почте отказ от подписки на «Литературную газету», отправили Чаковскому квитанции и выпуски газеты за начало июля.

15. ПУБЛИКАЦИЯ «РАКОВОГО КОРПУСА»
И «КРУГА ПЕРВОГО» ЗА РУБЕЖОМ
ОСЕНЬЮ 1968 г.

С мая и до конца октября 1968 г. А. И. жил на своей маленькой даче. Здесь, «на земле», он легче переносил ту трудную обстановку, которая создалась в связи с неотвратимой и бесконтрольной публикацией во многих странах неавторизованных и поспешных переводов двух его основных книг. О том, как, где и в каком виде они издаются, поступали противоречивые сведения в передачах на русском языке из-за границы. «Один день Ивана Денисовича» в конце 1962 и в начале 1963 г. только в США был издан несколькими самостоятельными переводами, причем, все они были поспешными и некоторые очень плохими. Сообщалось, что в каком-то издательстве переводчик работал почти не выходя из издательства, и страницы перевода сразу шли в набор. Книга была готова недели за две. В «Одном дне» автор уделял исключительное внимание языку, создавая, именно благодаря «языковому рельефу», чувство необычности обстановки, эффект «присутствия». Этот «языковой рельеф» уничтожался поспешными переводами. Перевод переставал быть произведением искусства, как не являются шедеврами посредственные копии с картин великих художников.

Теперь все это повторялось снова. А. И. не знал ни издателей, ни имен и репутации переводчиков. Протест А. И., опубликованный в «Литературной газете» 26 июня 1968 г., стал известен на Западе значительно раньше и вызвал в зарубежной печати широкую дискуссию. В американском журнале «Паблишер виикли» («Еженедельный издатель»), который я иногда просматривал в справочном зале Библиотеки имени В. И. Ленина, я нашел сообщение о том, что в США издание «Ракового корпуса» независимо друг от друга

готовят 4 издательства (Даттон, Прегер, Феррари и Штраус и Диал Пресс). После того как на Западе стал известен протест А. И., издательства Даттон и Прегер отменили планы публикации этой повести. Другие два издателя сообщили, что они получили рукопись не через КГБ и что у них имеются контракты с уполномоченными автором «представителями». Эти «представители» были, конечно, самозванцами. Из библиографического указателя «Форткаминг букс» («Выходящие книги»), публикующего списки находящихся в печати книг за несколько месяцев до их выхода в свет, я узнал о том, что роман «В круге первом» публикуется издательством «Харпер энд Роу», и выход его намечен на сентябрь.

А. И. приехал с визитом в Обнинск 19 июня 1968 г. незадолго до появления статьи в «Литературной газете». Он рассказал о том, что его книги объявлены к публикации в пяти странах.

1 сентября 1968 г. А. И. приехал в Обнинск снова, зашел сначала ко мне, а затем мы навестили Н. В. Тимофеева-Ресовского. Разговор, естественно, был сосредоточен вокруг недавних событий в Чехословакии. А. И. раньше был очень рад отмене в Чехословакии цензуры. В 1967 г. именно в Чехословакии с наибольшим воодушевлением встретили солженицынское письмо 4-му съезду писателей. В ЧССР тогда у власти еще был Новотный. На съезде чехословацких писателей летом 1967 г. письмо Солженицына Четвертому съезду ССП было зачитано с официальной трибуны и получило поддержку. Между писателями и представителем партийного руководства из-за этого возник конфликт, в результате которого партийный руководитель в знак протеста покинул заседание съезда. Союз писателей Чехословакии много раз приглашал А. И. в ЧССР, но А. И. всякий раз получал отказ в оформлении такой поездки. Теперь, когда отмена цензуры в ЧССР оказалась одним из наиболее важных факторов, приведших к столь трагическим последствиям, А. И. глубоко переживал создавшуюся ситуацию. Он был готов участвовать в создании коллективного протеста. С этой целью А. И. беседовал в конце августа с ака-

демиком А. Д. Сахаровым. Проект документа, составленный небольшой группой ученых, не получил, однако, реальной поддержки со стороны крупных деятелей науки и культуры, ранее активно поддерживавших многие важные заявления. Эта осторожность объяснялась пониманием бесполезности протестовать по поводу уже свершившегося.

23 сентября А. И. снова приехал в Обнинск. К этому времени уже был опубликован роман «В круге первом» на английском языке. Он вышел в свет 11 сентября 1968 г. и по сообщениям журнала «Паблшер виикли», с которыми я впоследствии ознакомился, сразу стал «бестселлером», то есть вошел в список 10 наиболее активно покупаемых книг.

23 октября вместе с двумя друзьями я навестил А. И. на его даче. Уже подмораживало, и на следующий день он предполагал отъезд в Рязань. Мы беседовали около часа. А. И. рассказал, что дача, по-видимому, уже под постоянным надзором. 24 сентября сюда снова зачем-то приезжал Виктор Луи, а с ним еще один человек с фотоаппаратом. А. И. они не застали, он как раз за полчаса перед этим уехал в соседний городок Нарофоминск за продуктами. Виктор Луи разговаривал с соседями А. И. по поселку, интересовался, нет ли в поселке дачи, которую можно снять в аренду. Спутник Луи сделал несколько снимков дачи А. И. и окрестностей. По рассказу соседей, из-за ручья, огибающего дачу А. И., за визитом Луи наблюдали двое в штатском. Цель всего этого визита осталась неизвестной. Каждый из нас обратил внимание на одну фразу в беседе с А. И.

— Сейчас я ушел из современности, — сказал он в ответ на какой-то вопрос, — работаю над историей.

На высказанные нами опасения о возможности судебных репрессий, в связи с публикацией «Ракового корпуса» и «Круга первого» за границей, А. И. ответил с уверенностью: — Нет, такой оборот событий я считаю маловероятным. На этом пути *они* уже исчерпали себя в делах с Синявским, Даниэлем и другими. Повторения не будет. Сейчас они должны придумать что-то новое. —

16. ЛЖЕСОЛЖЕНИЦЫН И «СОЛЖЕНИЦЕР»

11 декабря А. И. Солженицыну исполнилось 50 лет, то есть он достиг возраста, для которого по традиции следует отмечать не просто день рождения, а юбилей. «Литературная газета» обычно поздравляет членов ССП с юбилеями, строго дозируя характер поздравления соответственно положению и удельному весу писателей в ССП. Одним посвящается несколько статей с большим портретом, другим одна статья с портретом, третьим маленькая заметка с маленьким портретом, четвертым маленькая заметка без портрета. Иногда дело ограничивается простым кратким поздравлением. О юбилее Солженицына ни «ЛГ», ни какое-либо другое литературное издание в СССР не упоминало вообще. Но хотя об этом юбилее широкой публике не было известно, а рязанский адрес писателя знали немногие, А. И. получил в Рязани около 500 поздравительных телеграмм и почти 100 писем. Около 100 телеграмм было получено для А. И. в редакции «Нового мира». Были получены и официальные поздравления: от редакции «Нового мира», от Рязанского и Воронежского отделений ССП, от нескольких московских театров и от Союза писателей Чехословакии. Этот поток поздравлений свидетельствовал о том, что А. И., несмотря на разнообразные обвинения в печати и на закрытых инструктажах, пользуется достаточно широкой и стабильной поддержкой многочисленных любителей литературы и представителей интеллигенции.

«В круге первом» и «Раковый корпус» привлекли большое внимание литературной критики за рубежом. А. И. был избран почетным членом Американской академии искусства и литературы в Нью-Йорке и членом Американской академии искусства и наук в Бостоне. В начале 1969 г. А. И. была присуждена особая литературная премия во Франции «за лучшее пере-

водное произведение года». В марте 1969 г. роман «В круге первом» все еще числился в списке «бестселлеров», публикуемом в журнале «Паблишер виикли». В апреле этот роман вышел из списка, однако семь месяцев в списке «бестселлеров» для книг с твердым переплетом («карманные», дешевые издания публикуются в США через 2—3 года после основного, сравнительного дорогого издания) считаются большим успехом. Это означает, что было продано несколько сотен тысяч экземпляров. Следовательно, при последующем выходе дешевого издания счет мог идти на миллионы экземпляров.

Литературные успехи и растущая международная известность писателя неизбежно раздражали его недоброжелателей. Стали продумываться какие-то новые шаги для общественной изоляции А. И. и очернения его репутации. Это приводило и к ряду антисолженицынских импровизаций, из которых мы приведем здесь лишь два эпизода.

А. И. обычно очень экономит время, сводя все неизбежные непродуктивные затраты его до жесткого минимума. Он отказывается от многих приглашений, встреч, бесед, часто ограничивает тот или иной разговор минимально коротким отрезком времени. С наибольшей продуктивностью А. И. работает утром, поэтому он соблюдает и вечером строгий режим, избегая приглашений на различные ужины и банкеты, а тем более в рестораны. Такой образ жизни А. И. хорошо известен, и среди друзей не принято обременять его визитами, беседами, приглашениями на семейные торжества и т. п. Поэтому были с большим удивлением встречены слухи о том, что Солженицын «загулял». Некоторые люди, даже очевидцы, рассказывали, что Солженицын стал завсегдатаем московского ресторана «Славянский базар», собирает там за свой счет большие случайные кампании, заказывает роскошные ужины и выпивки. При этом он время от времени посылает в оркестр записки с приложением крупных денежных банкнот с просьбой исполнить лично для него то или иное произведение, обычно старинные русские песни. Ведущий оркестрант, объявляя исполнение той или иной песни, сообщал,

что она исполняется по заказу Солженицына, присутствующего в ресторане. По этим же слухам, Солженицын вел себя в ресторане развязно, кричал в пьяном виде о том, что он самый великий русский писатель, «соль земли», приставал к женщинам.

Московские друзья Солженицына заподозрили что-то неладное, тем более, что А. И. в это время в Москве бывал очень редко. Расспросили работников ресторана — слухи подтвердились. Однако в ресторане «Славянский базар» солженицынские банкеты прекратились. Но затем они стали повторяться то в одном, то в другом месте. Через некоторое время к другу А. И. Льву Копелеву пришла артистка одного из московских театров и рассказала интересную историю. Главному режиссеру театра, в котором работала эта артистка, позвонил Солженицын. Режиссер был литературным поклонником Солженицына, но лично его никогда не встречал. Солженицын сообщил по телефону, что он работает над одной пьесой и ему хотелось бы для профессиональных целей познакомиться с артисткой определенного типа. Он описал необходимые данные и просил режиссера организовать ему встречу с двумя кандидатами. Встреча была назначена в одном из московских ресторанов за условленным столиком. Во время встречи собеседник вел себя очень весело, рассказывал о своей литературной работе. В конце ужина он остановил свой выбор на одной из двух артисток. Он назначил ей деловое свидание через день в ресторане «Бега». У артистки, однако, возникли сомнения в подлинности «Солженицына», и она решила обратиться к кому-либо из хороших знакомых писателя. Ей указали на Копелева. В назначенный день Копелев и несколько других московских знакомых А. И. тоже поехали к месту свидания. Как и следовало ожидать, любитель артисток оказался самозванцем. Увидев, что его окружили, он очень испугался. Он думал, что его будут бить. От этого, однако, воздержались. Лжесолженицын был доставлен в ближайшее отделение милиции для выяснения его личности. Из документов, которые он там представил, выяснилось, что это Шалагин Александр Федорович, заместитель директора хореографического

или театрального училища. По наколкам и татуировке на руке у этого заместителя можно было допустить, что в прошлом он мог быть и уголовником. В милиции был составлен протокол, после чего самозванца отпустили. В дальнейшем, однако, никто по поводу этого инцидента не вызывался и следствие не проводилось, хотя в действиях самозванца имелся т. н. «состав преступления» по статьям 130 и 131 УК РСФСР (клевета и оскорбление).

Второй эпизод был совсем иного рода. Лектор по идеологическим вопросам, выступавший в одном из московских издательств, критикуя А. И., все время называл его «Солженицер». Ему прислали из аудитории записку с указанием на то, что он ошибается в произношении фамилии писателя. Отвечая на записку, лектор сказал: «... Нет, это не ошибка. Тот, кого вы знаете как Солженицына, в действительности Солженицер, и по национальности он еврей».

Аналогичные попытки искажения фамилии Солженицына были, как выяснилось в последующем, предприняты и в некоторых других местах.

17. ИСКЛЮЧЕНИЕ СОЛЖЕНИЦЫНА ИЗ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Летом 1969 г. Солженицын интенсивно работал над романом «Август Четырнадцатого». Заехав в конце лета с коротким визитом в летний домик А. И., я нашел хозяина окруженным множеством альбомов с документальными фотографиями событий Первой мировой войны. Альбомы были в основном немецкие, с присутствием им тщательностью немцы запечатлели эпизоды сражений и основные политические сцены этой эпохи. А. И. еще с юности владел немецким и английским языками, его мать, получившая хорошее гимназическое образование классического направления, свободно знала английский и французский языки. Я также заметил, что А. И. составил для себя словарь тех слов и терминов русского языка, которые были в употреблении в 1914 году, особенно в армии, но в настоящее время уже не употреблялись. Ведь герои романа должны были говорить и думать на языке своей эпохи. А. И. рассказал, что роман о поражении русской армии в Восточной Пруссии был задуман им очень давно, еще в Ростове-на-Дону до начала Второй мировой войны, примерно в 1936 году. Тогда же он стал собирать фактический материал для этой работы, хотя писательская деятельность была еще лишь мечтой. Когда во время войны, будучи уже капитаном и командиром артиллерийской батареи, А. И. оказался на территории Восточной Пруссии, он, несмотря на фронтовую обстановку, стал собирать «трофейные» документы и фотоматериалы о Первой мировой войне, а также записывать в дневник наблюдения. В феврале 1945 г., именно в Восточной Пруссии, Солженицын был арестован. Поводом для ареста были некоторые письма Солженицына его старому другу, воевавшему тогда на другом фронте. Военная цензура писем существовала с 1941 г., и все знали об этом. Но некоторые, очевидно, думали,

что в задачу цензуры входило только предупреждение распространения сведений военного характера, а не контроль за мыслями и суждениями. Эта наивность и послужила причиной ареста капитана Солженицына, хотя его служба в действующей армии была намного полезнее для страны, чем содержание боевого офицера во внутренней тюрьме НКВД. При аресте Солженицына был конфискован и его личный архив, в котором было более 300 фотографий из разных трофейных альбомов, рассказывавших о событиях Первой мировой войны. На одной из фотографий следователь опознал Троцкого. И хотя это была фотография 1917 года, связанная, кажется, с Брестским миром, — Троцкий тогда возглавлял делегацию Советской Республики в переговорах с немцами, — и был он на фотографии отнюдь не один, следователь сделал и эту фотографию пунктом обвинения. В обвинительном акте, среди разных прочих инкриминируемых «действий», было записано и то, что Солженицын собирал и хранил фотографии разоблаченных врагов народа.¹⁾

Слухи о возможности исключения А. И. из Союза советских писателей распространялись давно. Намеки на это содержались и в статье в «Литературной газете» в июне 1968 года. А. И. в мае 1969 г. рассказывал о доходивших до него сведениях об обсуждении подобного проекта в кругах руководства ССП. Некоторые считали такого рода акт невозможным, ибо при всех вариантах подхода к направлению творчества Солженицына тот факт, что он был, вне всякого сомнения, талантливым писателем, являлся общепризнанным. Однако я относился к этим слухам вполне серьезно. ССП

¹⁾ При подготовке к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина выпускались сотни стендов с фотодокументами о жизни В. И. Ленина, которые устанавливались на улицах и в учреждениях. Но на многих фотографиях периода Революции и Гражданской войны в группах лиц вокруг Ленина был и Троцкий. Обычно Троцкого искусно удаляли. Но на одной из фотографий, обошедшей все стены, — «Ленин инспектирует отряды Красной Армии на Красной площади» — Троцкий был сохранен. Я и по сей день часто вижу эту фотографию на многих стендах о Ленине.

по своему характеру давно перестал быть только профессиональным союзом. Это был также и политический союз, форма организации представителей так называемого *социалистического реализма*, то есть *партийного реализма*, литературы, которая строго следует всем указаниям партийного и государственного руководства. Солженицын же явно встал на путь *классического реализма*, то есть критического реализма, являющегося традиционным для русской литературы в лице ее лучших представителей от Радищева и Пушкина до Толстого. Исключение из ССП можно было поэтому приравнять по существу к исключению из КПСС, что, как известно, делается очень часто и при значительно меньшем объеме разногласий между членом партии и ее руководством. Кроме того, был и прецедент в форме исключения Б. Пастернака из ССП в 1958 г. за публикацию за границей романа «Доктор Живаго».

Вопрос об исключении Солженицына из ССП несомненно много раз обсуждался руководством ССП. Совершенно очевидно, что лидеры этой организации понимали и всю сложность такой акции и необходимость тщательной подготовки сценария, для того чтобы избежать большого шума и протестов. По Уставу ССП исключение из союза производится на заседании областной организации и утверждается правлением республиканского ССП в присутствии писателя, по отношению к которому применяется данная мера. Но Рязанская организация была крайне слабой и состояла всего из 6—7 человек. Летом 1969 г., по-видимому, на весьма высоком уровне было окончательно решено провести исключение Солженицына из ССП. А. И. в этот период жил на даче, и вызвать его оттуда было нельзя, домики в садовых кооперативах не имеют почтового адреса. (Местные почты иногда обслуживают в летнее время такие поселки, но в исключительных случаях и на основе особого договора за плату от кооператива.)

В конце октября скончался К. И. Чуковский, которому было 87 лет. По имеющимся сведениям, сразу после торжественных похорон старейшего советского писателя, 31 октября, в этот же вечер Секретариат СП

РСФСР обсуждал окончательные детали процедуры исключения Солженицына из Союза писателей. Как только А. И. вернулся в Рязань, ему сообщили о назначенном на 4 ноября заседании Рязанского отделения СП. Это заседание репетировалось в Рязанском обкоме КПСС. Каждый из 6 членов Рязанского отделения предварительно вызывался для объяснений и подвергался специальной обработке, а иногда и угрозам, чтобы не было никаких отклонений от заранее запланированной программы. У каждого писателя обязательство голосовать за исключение было взято заранее в Рязанском обкоме КПСС. Для доклада по вопросу о «поведении» Солженицына специально приехал из Москвы секретарь Правления ССП РСФСР Ф. Таурин. Это было необходимо, так как рязанские писатели могли, естественно, не знать изданных за рубежом произведений Солженицына, и кто-то «свыше» должен был дать этим произведениям критическую оценку. Присутствовал на заседании и Секретарь Рязанского обкома по идеологии А. Кожевников. Впоследствии А. И. составил краткий протокол прений на этом заседании. Эта запись распространялась самиздатом и была опубликована в зарубежной прессе и в ряде сборников материалов об А. Солженицыне. Этот отчет о заседании был также передан рядом зарубежных радиостанций. Как следует из этого отчета, только один из участников заседания, поэт Евгений Маркин высказал сомнения в целесообразности исключения Солженицына. Остальные говорили обычный стереотипный набор «осуждающих» фраз, ссылаясь главным образом на оценку произведений Солженицына западной прессой. Но при голосовании и у Маркина не хватило мужества, и он поднял руку вместе со всеми.

(Маркин в последующие годы глубоко переживал проявленную им беспринципность. Он приходил к А. И., чтобы «покаяться». В 1970 г. он написал стихотворение «Невесомость», в котором в иносказательной форме рассказал об исключении Солженицына. Это стихотворение случайно, по недосмотру новой редакции «Нового мира», было опубликовано в октябре 1971 г. (№ 10).

Описывая в стихотворении разные виды невесомости, Маркин привел пример и «социальной невесомости»:

. . . Но знаю я иную невесомость:
стоишь —

а человек невеселый,
развязывая петельки тесемок,
из папки вынимает документ.
А там — донос!

Там клевета на друга.

Ты что суешь на подпись мне, подлюга?
Мы победим, хоть другу будет туго!
Как жаль, что я покуда невесом.
Но нам еще по светлым рекам плавать!

.
Людей бесчестных челюсти дробя.

Только после того, как это стихотворение было опубликовано, кто-то догадался, что Маркин, по-видимому, имел в виду «невеселого человечка» Таурина. Другое стихотворение Маркина, опубликованное в этом же номере «Нового мира», — «Бакенщик» — также содержало в непрямой форме осуждение писателей, отвернувшихся от «Исаича». Маркин и сам, наверное, не отрицал, что эти стихотворения посвящены Солженицыну. Когда эта история получила широкую огласку, Маркин также был вызван на заседание Рязанского отделения ССП и исключен из этой организации. Но если обсуждение исключения Солженицына заняло около 90 минут, то Маркина исключили в три раза быстрее.)

Заседание Секретариата ССП РСФСР для утверждения решения Рязанского отделения было назначено на 5 ноября. Солженицын был приглашен на это заседание по телефону. Вызов был сделан с полным игнорированием возможности Солженицына прибыть из Рязани в Москву к намеченному сроку. Кроме того, обсуждение этого вопроса 5 ноября противоречило строгой советской традиции не устраивать никаких увольнений, исключений, судов и казней в канун

главного праздника страны, 7 ноября, славной годовщины Великой Октябрьской Революции.¹⁾

Разговаривая с представителем СП РСФСР по телефону, А. И. сказал, что он не может столь быстро приехать в Москву. Но организаторы этой акции несомненно для того и ускоряли события, чтобы избежать присутствия и выступления Солженицына на этом заседании и скрыть от всех подробности происходивших на нем дебатов. Кроме того, они спешили утвердить решение Рязанского отделения раньше, чем появится возможность для каких-либо протестов. Все же уже 5 ноября сведения об исключении распространились в Москве и достигли некоторых западных корреспондентов. Однако на официальный запрос корреспондентов в Правление ССП по этому делу для подтверждения ответственный работник Секретариата ССП дал опровержение. Это опровержение было ложным, оно было сделано для того, чтобы все возможные протесты были бы уже тогда, когда Секретариат ССП сделает исключение необратимым.

О том, как происходило заседание Секретариата ССП РСФСР по данному вопросу, известно очень мало. Против исключения не было подано ни одного голоса. Но член Секретариата и секретарь Ленинградского отделения ССП Даниил Александрович Гранин высказался за обсуждение вопроса обязательно в присутствии Солженицына и при голосовании предложения об исключении *воздержался*. Когда Гранин вернулся в Ленинград, его немедленно вызвали в обком КПСС лично к первому секретарю Толстикову. Воскоре после этого Гранин был отстранен от руководства Ленинградским отделением ССП.

12 ноября 1969 г. сообщение об исключении Солженицына из ССП было опубликовано в «Литературной

¹⁾ По имеющимся в распоряжении Р. А. Медведева сведениям, в 1937 г., в разгар сталинского террора, перед праздником 20-летия Октябрьской Революции выносимые незадолго перед этим смертные приговоры не приводились немедленно в исполнение. Расстрелы возобновились только 17 ноября.

газете». А. И. реагировал на решение ССП РСФСР очень резко, распространив специальное заявление. Некоторые формулировки этого заявления были встречены критически писателями-членами КПСС, которые ранее полностью поддерживали Солженицына. Даже А. Т. Твардовский поначалу отнесся неодобрительно к этому заявлению:

«... Не нужно было этого делать, — сказал он в разговоре со мной 13 или 14 ноября, — ведь больше всего не любят у нас непослушных».

8 или 9 ноября, как раз перед распространением своего заявления, А. И. вернулся из Рязани в Подмосковье на дачу М. Ростроповича, у которого он жил с сентября. Ростропович уже с лета приглашал Солженицына жить и работать у себя на даче. Знакомство А. И. и Ростроповича произошло в Рязани, где знаменитый виолончелист выступал с концертом. После концерта он неожиданно решил разыскать и навестить Солженицына. Случайно Солженицын был в этот день дома, и визит прославленного музыканта его очень обрадовал. Очень сердечный и добрый Ростропович сразу почувствовал огромную симпатию к Солженицыну и желание помочь его литературной работе. На даче Ростроповича А. И. поселился в двухкомнатной пристройке к основному дому.

Исключение Солженицына из ССП вызвало очень мало открытых протестов в среде писателей и ученых, значительно большее число протестов было сделано иностранными литераторами. Распространялись слухи о том, что группа писателей во главе с Твардовским потребовала немедленного экстренного заседания Правления ССП СССР, чтобы отменить решение, принятое в Секретариате ССП РСФСР. За границей были опубликованы какие-то сообщения о десятках или даже о сотнях протестов советской интеллигенции, но все это были ложные сведения. Протестов этих никто так и не увидел.

Такую относительно сдержанную реакцию, совсем не сравнимую с той, которая последовала за письмом Солженицына 4-му съезду ССП, и даже с той, которая была ответом на статью в «ЛГ» 26 июня 1968 г.,

можно объяснить по-разному. Многие связывают эту сдержанность с публикацией очень резкого заявления самого А. И., а также с тем, что после введения армий Варшавского пакта в Чехословакию в августе 1968 г. общественная активность интеллигенции в движении за демократизацию резко пошла на убыль. Отмена цензуры в Чехословакии при Дубчеке и широкая демократизация общества служили до августа 1968 г. привлекательной моделью и для многих творческих работников в СССР, стимулируя выступления за реформы. Теперь все эти реформы казались утопией, делом далекого будущего. В связи с этим и у многих демократически настроенных представителей советской интеллигенции активная позиция сменилась на осторожно-выжидательную. Кроме того, нельзя не учитывать и того, что в стране, население которой еще столь хорошо помнит жестокие и беспощадные репрессии прошлого, исключение из какой-то творческой организации совсем не рассматривается как серьезная трагедия. Исключение из членов КПСС, которого многие боятся значительно сильнее, чем увольнения с работы, — явление достаточно обычное в среде интеллигенции (в 1967—68 гг. многих исключали за подписание протестов) — также не вызывает заметного отзвука. А исключение из профессионального союза (ССП по уставу — профессиональный союз) вообще проходит незамеченным.

Исключение А. И. из ССП не могло, однако, пройти незамеченным главным образом потому, что оно применялось к писателю, литературный талант которого был признан не только в СССР, но и во всем мире. Это исключение доказывало, что ССП — это не профессиональная, а политическая организация. 26 ноября 1969 г. «Литературная газета» опубликовала большую редакционную статью с комментариями по поводу исключения Солженицына из ССП. Эта статья была насыщена обычным пропагандным вздором.

«... В своих действиях и заявлениях он (Солженицын) фактически сомкнулся с теми, кто выступает против советского общественного строя... Оказались переданными за рубеж по нелегаль-

ным каналам ряд писем, заявлений, рукописей и других материалов Солженицына... Этот поток публикаций организовывался и направлялся умелой рукой... Враги нашей страны возвели его в ранг «вождя» выдуманной ими политической оппозиции в СССР... Как сообщила газета «Таймс», гонорар за сочинения Солженицына начислялся на его счет, а также систематически переводился некоторыми буржуазными издательствами в фонд т. н. Международного комитета спасения, основной задачей которого является организация враждебных действий против СССР и стран социалистического содружества». В заключение редакционная статья ясно намекала на то, что никто не будет удерживать Солженицына «... даже и в том случае, если Солженицын пожелает отправиться туда, где всякий раз с таким восторгом встречаются его антисоветские произведения и письма».

Прочитал эту концовку, А. И., как рассказывали, сказал: «Я тут у себя дома и ехать никуда не собираюсь. Скорее случится так, что они сами захотят уехать в Китай».

В конце декабря 1969 г. я зашел в «Новый мир». Мне сказали, что А. Т. Твардовский справлялся о моих делах, да и мне хотелось поговорить с ним о положении «Нового мира» в связи с исключением А. И. из ССП. А. Т. Твардовский все еще был под впечатлением этого события и пытался продумать поведение писателей, отказавшихся от открытых протестов по поводу произвольных действий той самой организации, в которой они состоят.

«Есть два вида птиц, — задумчиво сказал он, — одни отважно защищают своих птенцов при нападении более сильного хищника, другие этого не делают. Убегают, спасая свою жизнь, — птенцов можно ведь всегда еще народить. Так и писатели, спасают себя. ... Многие даже обрадовались письму Солженицына, теперь можно и не защищать его, раз он такое говорит. А ведь нужно не

по горячим письмам судить, а по литературным произведениям! Сколько было таких писем у Горького после Октябрьской революции, да не таких, а похлеще и прямо Ленину или в эмигрантские газеты. Ленин ему тоже отвечал без особых церемоний — эти письма Ленина Горькому никогда не печатали, их в такой глубокий архив запрятали, что туда не разрешают допуск ни одному литературоведу. И ведь ничего, Горького мы и теперь почитаем как основоположника советской литературы . . .

А у Солженицына талант необыкновенный, может быть, больший, чем у Горького. Сейчас читаю некоторые главы из его нового романа о Первой мировой войне. Пруссия, поражение армии Самсонова. Изумительная проза, совсем в новом ключе».

18. АЛИБИ ПО ОДНОМУ ИЗ ОБВИНЕНИЙ

Среди всех обвинений в статье «ЛГ» от 26 ноября 1969 г., написанной от имени Секретариата ССП РСФСР, действительно серьезным было одно: перечисление гонораров в некий «Международный комитет спасения», для «организации враждебных действий против СССР и стран социалистического содружества». Об этом, как упоминала «ЛГ», сообщила газета «Таймс». Дата публикации в газете «Таймс» не была указана, да и сама эта газета может быть получена для прочтения лишь в «спецхранах» некоторых библиотек по особым разрешениям. В открытом доступе Государственной библиотеки имени В. И. Ленина в каталог внесены только выпуски «Таймс» до 1936—37 гг. для нужд историков довоенного периода. Да и то с пропусками. Поэтому потребовалось немало времени, прежде чем мне удалось узнать, что за сообщение было опубликовано в газете «Таймс». В номере от 20 ноября 1969 г. была опубликована небольшая заметка, в которой обсуждалась судьба гонораров Солженицына. Судя по содержанию заметки, газета «Таймс» обратилась к ряду издателей с вопросом о том, что они сделали с авторским гонораром за книги Солженицына, и на основании ответов была составлена заметка. Для чего понадобилось газете изучать этот вопрос, остается неясным. Все издатели сообщили, что они рады были бы выплачивать автору гонорар, но не делали этого до сих пор, так как считают это невозможным. Один из издателей, Георг Адлер, президент издательства «Прегер», сообщил, что «издательство выплатило гонорар, накопившийся за первый год от продажи «Одного дня Ивана Денисовича», Международному комитету спасения, который организовывал побеги из Восточной Европы в прошлом. Но начиная с 1964 г. гонорар за эту книгу сохранялся в Нью-Йорке...»

«... Мы были бы счастливейшими людьми, если бы могли заплатить гонорар Солженицыну, — говорит Адлер, — но так как это невозможно, то мы думали обеспечить Солженицына и его семью необходимой медицинской помощью. Мы пытались устроить помощь американских докторов для лечения рака позвоночника у писателя, но не имели удачи...»

В этом заявлении издательства «Фредерик Прегер» газете «Таймс» было многое перепутано. Действительно в 1968 г. была сделана попытка оплатить из возможного гонорара получение особого лекарства, но не для лечения рака позвоночника, а для лечения рака костного мозга (лейкоза), причем не у писателя, а у дочки рязанских знакомых писателя. Но эта попытка была неудачной именно потому, что издательство «Прегер» не торопилось оплачивать счет, который был подготовлен лабораторией, производившей это лекарство. Всю переписку по этому вопросу по просьбе А. И. вел с издательством «Прегер» именно я, но в тот период даже намеков никаких не было высказано представителями издательства о том, что основной гонорар, из которого предполагалось произвести оплату счета за медицинский препарат, был ранее передан издательством какому-то «Комитету спасения». Любой «бестселлер» в США находится в списке «бестселлеров» несколько месяцев, очень редко год. После этого происходит «насыщение» покупателей, и уровень продажи резко падает. Поскольку гонорары за рубежом начисляются с дохода от продажи, то очевидно, что гонорар за первый год продажи («Один день» вышел в США в январе 1963 г.) является весьма значительным, тогда как начисления гонорара за последующие годы не представляют существенных сумм. В связи с заявлением Георга Адлера становится понятным, почему издательство «Прегер» столь медленно реагировало на просьбу об оплате счета за срочно необходимое лекарство. На счету у автора, по-видимому, просто не было необходимой суммы. По ряду причин за данное лекарство нужно было заплатить дорогую цену, и представитель издательства на это долго не мог

решиться, во всяком случае до тех пор, пока необходимость в его помощи отпала. В связи с возможными возражениями издательства «Прегер» по этому вопросу я считаю необходимым изложить здесь, вкратце, обстоятельства дела.

В начале июня 1968 г. А. И. обратился ко мне с просьбой — узнать о возможности получения из США нового лекарственного препарата, который американские врачи начали использовать для лечения острого лейкоза (рак костного мозга). Дочь рязанских друзей Солженицына Алла, девочка 10 или 11 лет, заболела острым лейкозом, и врачи считали летальный исход болезни неизбежным. Мать девочки делала все возможное, чтобы получить информацию о новых лекарствах, читала специальные статьи в научных журналах о методах лечения лейкоза и о новейших лекарствах против лейкоза и доставала для лечащих врачей некоторые зарубежные препараты. Таким образом удавалось поддерживать жизнь девочки. Острый лейкоз может дать летальный исход в несколько месяцев, так как злокачественные клетки «привыкают» к лечебным препаратам. Удлинить жизнь можно лишь постоянной сменой лекарств и их комбинаций. В 1968 г. в печати появились сообщения о принципиально новом лекарстве против лейкоза — ферменте аспарагиназе, выделяемом некоторыми бактериями. В журнале «За рубежом» появилась перепечатка из какой-то газеты о том, что аспарагиназа, систематически вводимая в кровь, уничтожает только лейкозные клетки и может быть радикальным средством против лейкоза. Однако аспарагиназа была еще лишь экспериментальным препаратом, и достать ее было практически невозможно.

А. И. Солженицын, зная, что у меня много знакомых в США (действие аспарагиназы было открыто американскими биохимиками), попросил меня навести справки о возможности получения этого препарата. Я сразу написал ряду своих друзей и через короткий срок мог сообщить А. И., что коммерческое производство аспарагиназы начато в США только одной фирмой, которая продает этот препарат по исключительно дорогой цене от 20 до 75 долларов за 1000 международ-

FREDERICK A. PRAEGER

79 WEST 12TH STREET
NEW YORK, N. Y. 10011
TEL (212) 924 2784

November 26, 1968

Dr. Zh. A. Medvedev
Laboratory of Molecular Radiobiology
Institute of Medical Radiology
Obninsk, Kaluga reg. USSR

Dear Dr. Medvedev:

I am sorry that once again I have to tell you that Mr. Praeger is away on a trip. He had, however, already made several inquiries regarding your medical questions. But he has had no luck so far.

When he gets back around December 10, he still intends to try further. As soon as he has something definite to report, I am sure he will write you. In the meantime, please bear with him a little longer.

Sincerely,

Ethel Shapiro

Ethel Shapiro

DEPARTMENT OF HEALTH EDUCATION AND WELFARE
PUBLIC HEALTH SERVICE

NATIONAL INSTITUTES OF HEALTH
BETHESDA MD 20014
AREA CODE 301 TELE. 656-4000

January 2, 1969

Dr. Zh. A. Medvedev, Chief
Laboratory of Molecular Radiobiology
Institute of Medical Radiology
Obninsk, Kaluga Region
USSR

Dear Dr. Medvedev:

A number of my friends around the country interested in research on L-asparaginase have written to me following receipt of recent letters from you about the 12 year old girl with acute leukemia. The National Cancer Institute will be happy to supply you with enough for her treatment. Dr. Stephen Carter will send to you an additional 150,000 International Units of L-asparaginase. There is no evidence in acute lymphocytic leukemia that any additional effect can be gained by giving a dose greater than 200 I.U. of L-asparaginase per kilogram of body weight per day. In some hospitals they are giving this for three to four weeks, although most likely this is a longer period than is actually required. Although this material is in very short supply and we are trying to use what we have been able to get for a definitive trial in our own country, we are happy to send on enough for the treatment of this patient.

I hope you will let me know what the results might be and I do hope that she does very well.

Sincerely yours,

C. Gordon Zubrod, M. D.
Scientific Director for Chemotherapy
National Cancer Institute

ных единиц активности, в зависимости от размеров заказа (обычное для частной фирмы снижение цен при больших заказах). Сколько нужно для лечения, я тогда не знал, но сумма могла быть намного выше тысячи долларов. При такой стоимости просто попросить кого-либо прислать препарат было нельзя.

А. И. сообщил мне, что он готов произвести оплату препарата из авторского гонорара за американские издания «Одного дня Ивана Денисовича». Хотя иностранные издательства, опубликовавшие перевод с русского издания, могли не оплачивать авторский гонорар, ввиду отказа СССР от участия в международной защите авторских прав, тем не менее ранее А. И. получал сведения о том, что некоторые издательства начисляли гонорар за издание этой повести на его имя. Помимо желания оказать помощь друзьям А. И., меня привлекла и научная сторона дела, тем более, что в Институте медицинской радиологии, в котором я тогда работал, было специальное отделение для больных лейкозом, и лейкоз часто был следствием облучения. Поэтому я быстро и активно взялся за покупку в США аспарагиназы. Один из моих друзей в США попросил знакомого ему литературоведа выяснить возможность для Солженицына получения гонорара за «Один день Ивана Денисовича». Литературовед обратился к Фредерику Прегеру. В США «Один день» был выпущен в конце 1962 г. и в 1963 г. несколькими издательствами, но издательство «Прегер» в Нью-Йорке было среди них наиболее крупным. Кроме того, литературовед знал Фредерика Прегера лично.

Письмо Фредерика Прегера от 2 июля 1968 г. на имя проф. В. (W) было весьма позитивным. Прегер сообщал, что писателю такого масштаба, как Солженицын, издательство будет оплачивать гонорар, независимо от участия или неучастия СССР в международных конвенциях. Однако он считал, что прямая высылка денег Солженицыну из США может оказаться небезопасной для писателя. Когда А. И. стало известно содержание письма Фредерика Прегера, он уже официально поручил мне произвести подготовку покупки в США необходимого количества аспарагиназы. В США

гонорар автора зависит от числа проданных экземпляров книги, а «Один день» был в 1963 г. бестселлером. Я написал ряд писем Фредерику Прегеру о намерении Солженицына произвести покупку препарата, фирме, производившей коммерческий препарат аспарагиназы, а также ряду специалистов по применению аспарагиназы для получения необходимых данных о методах, дозировках, литературе по клиническому применению и т. д. . . . Я также сообщил Фредерику Прегеру имена достаточно солидных лиц, которые, в случае каких-либо сомнений, могли подтвердить намерение А. И. произвести оплату стоимости лечебного препарата из гонорар за «Один день» . . . С Прегером побеседовал об этом известный американский генетик Ф. Добжанский.

Ответ Фредерика Прегера был положительным. Он выразил симпатию намерению Солженицына и сообщил о том, что он попросил своего личного врача выяснить возможности покупки аспарагиназы. Было получено также письмо от директора исследовательской лаборатории, производящей аспарагиназу (д-р Джим Бостон, Труетт Лаборатория, Даллас, Техас 75234), и указатель цен за разные партии. Д-р Бостон сообщал, что лаборатория согласна выслать необходимое количество при условии гарантий оплаты счета издательством. Накопленная к этому времени литература, высланная разными учеными, показывала, что для клинического курса лечения, продолжающегося 4 недели, требуется минимально около 200 000 международных единиц фермента. За это количество нужно было заплатить 6000 долларов. Я сообщил об этом Ф. Прегеру и спросил его, готово ли издательство оплатить такой счет при условии получения соответствующего письменного заявления от Солженицына? На это письмо с большой задержкой пришел ответ от секретарши Ф. Прегера Этель Шапиро (письмо от 4 ноября 1968 г.). Письмо Мисс Шапиро было очень любезным:

«Мы были очень благодарны за Ваши письма, — писала Э. Шапиро, — и сожалеем, что так поздно уведомляем об их получении. Ф. Прегер не отвечал Вам, так как он был в Мексико-сити на Олим-

пийских играх, а сразу после возвращения уехал в новую кратковременную деловую поездку. Он напишет Вам сразу, как только вернется». ¹⁾

Я немного подождал, а затем написал новое письмо Ф. Прегеру. Однако опять ответил не Прегер, а его секретарша. Это письмо было датировано 26 ноября 1968 г., и я привожу его ниже полностью.

«Дорогой д-р Медведев,

Я очень сожалению сообщить Вам снова о том, что м-р Прегер сейчас в отъезде. Он, однако, уже сделал несколько запросов в отношении ваших медицинских проблем. Но он не имел пока удачи. Когда он вернется, примерно 10 декабря, он надеется попытаться снова. Как только он будет иметь какие-либо определенные новости, чтобы сообщить Вам, я уверена, что он Вам напишет. Пока же, пожалуйста, подождите еще немного.

Искренне, Этель Шапиро».

Продолжать дальше переписку с издательством не было смысла, так как девочка в декабре поступила в больницу с очередным обострением лейкемии. По рекомендации д-ра Брума (J. D. Broome), открывшего антилейкозное действие аспарагиназы, я обратился с запросом к д-ру Арнольду Д. Уелчу (Arnold D. Welch), директору «Скиб института медицинских исследований» (The Squib Institute for Medical Research, New Brunswick, N. J. 08903), который производил аспарагиназу не для коммерческих целей, а для клинических испытаний по заказу Национального института рака. Д-р Уелч быстро проконсультировался с проф. Забродом (C. G. Zubrod) из Национального института рака, и в начале января 1969 г. мне была выслана с рейсовым самолетом из США срочная посылка с 150 000 единиц аспарагиназы. *Препарат был выслан бесплат-*

¹⁾ Перевод с английского.

но. Проф. Заброд включил случай с Аллой в программу клинических испытаний и прислал подробную инструкцию о методике использования. Лечение аспарагиназой проводил в Москве врач А. И. Воробьев, и это был первый случай применения в СССР аспарагиназы против лейкемии. К сожалению, как уже было известно к этому времени, аспарагиназа не являлась радикальным средством, а вызывала лишь ремиссию (временное облегчение), после которой болезнь развивалась снова. После еще двух ремиссий Алла умерла в 1970 году.

Следует, однако, коснуться вопроса о том, какие причины побудили издательство «Прегер» перечислить гонорарный фонд от «Одного дня» за 1963 г. какому-то «Комитету спасения» и понимали ли издатели, что подобного рода акция может иметь для автора книги весьма плохие последствия? Понимали ли издатели, что если это было сделано в 1964 г., то совсем не было необходимости публиковать об этом сообщение в 1969 году? Для ответа на эти вопросы уместно привести еще один характерный пример.

В октябре 1968 г. я одновременно с письмами к Прегеру начал выяснять о такой же возможности у другого издательства, опубликовавшего «Один день Ивана Денисовича», — «Фьюсет Паббликейшн». Как-то за несколько лет до этого академик П. Л. Капица показал мне дешевое, «карманное», издание «Одного дня...», выпущенное этим издательством в 1963 году. На красочной обложке был изображен Иван Денисович на фоне колючей проволоки и сторожевых вышек, а на обороте титуального листа было особое объявление издательства. Это объявление было весьма провокационным. Издатели сообщали следующее:

«МЫ БУДЕМ ОТКЛАДЫВАТЬ ГОНОРАР НА ИМЯ АВТОРА В ТЕЧЕНИЕ 10 ЛЕТ. МЫ ВЫДАДИМ ЕГО АВТОРУ, ЕСЛИ В ТЕЧЕНИЕ 10 ЛЕТ ОН ПРИЕДЕТ В США, ЧТОБЫ ПОЛУЧИТЬ ЭТИ ДЕНЬГИ. ЕСЛИ АВТОР НЕ ПРИЕДЕТ В США В ТЕЧЕНИЕ 10 ЛЕТ, ТО ЭТИ ДЕНЬГИ

БУДУТ ИСПОЛЬЗОВАНЫ ДЛЯ АНТИКОММУНИСТИЧЕСКИХ ЦЕЛЕЙ».¹⁾

На мой запрос в это издательство²⁾ пришел сначала очень неопределенный ответ. Однако когда я написал в это издательство уже по существу дела, ответов не было. Я трижды повторил просьбу, направляя письма с «уведомлениями о вручении». Уведомления возвращались назад со штампом издательства, их подписывал, по-видимому, секретарь, но ответов на письма не было.

До окончания десятилетнего срока в 1968 г. было еще далеко, но издательство отказывалось вести переписку, которая могла лишить создателей антисоветских фондов каких-то денежных сумм.

Я полагаю, что издательства не сами изобретают подобные акции. Все эти «Комитеты спасения», «НТС» и подобные организации, по-видимому, вообще широко используют издания советских авторов за рубежом для получения определенных доходов. В одних случаях это могут быть переводы книг Солженицына, в других переводы книг Шолохова или Кочетова. За рубежом сбор фондов для существования той или иной организации является важной частью деятельности такой организации. Получение средств от издательств имеет двойной смысл. Во-первых, это деньги, которые можно получать, не беспокоясь о юридических последствиях, так как советские авторы не имеют за границей юридических прав. Во-вторых, обворованный таким образом автор всегда может быть и обвинен в соучастии. И я не уверен, что в «Комитете спасения» нет людей, которые тайно были бы в этом заинтересованы не меньше, чем «Литературная газета».

Комментируя заметку в «Таймс» от 20 ноября в той части, которая относится к судьбе гонорара из из-

1) Перевод с английского.

2) Fawcett Publication Inc. 67 West, 44th Street, New York, N. Y. 10036.

дательства «Прегер», «ЛГ» и Секретариат ССП не решились, однако, высказать свое мнение о заключительном параграфе этой заметки, который говорил следующие:

«Виктор Голанц, который осуществил самостоятельный перевод «Одного дня», выпущенный издательствами «Пингвин» в Англии и «Даттон» в США, подписал официальное соглашение с представителями советской торговой миссии в Лондоне. Эти издательства выплатили русской организации аванс и затем полный гонорар. Однако есть основания предполагать, что Солженицын не получил от этих платежей ни одного пенни».

Эти деньги, сколько их было, никто не знает, были получены агентством «Международная книга», действующим при Министерстве Внешней торговли СССР. Судьбу данных платежей я не изучал. Однако в моем архиве есть копии материалов по другому аналогичному случаю. «Международная книга», действуя «от имени» одного советского автора, получила через посредничество французского агенства «Ажанс литерер эт артистик паризьен» крупные гонорары от шести европейских издательств. Автора об этих операциях никто не ставил в известность. Только через девять лет совершенно случайно он узнал о производимых платежах. В результате интенсивных расследований, при которых я оказывал некоторую помощь в переписке, директор французского промежуточного агентства Жорж Сориа в письме на мое имя от 6 июля 1967 г.,¹⁾ а затем и председатель «Международной книги» в письме на имя автора сообщили следующее: гонорары автору действительно выплачивались. Однако по генеральному договору «Международной книги» с французским агентством это последнее получало в качестве комиссионных за свои услуги 75% гонорара. Из оставшихся 25% около половины было из-

1) Mr. George SORIA, Le Director, Agence Littéraire et Artistique Parisienne, 23, Rue Royale, Paris-8, France.

расходовано на судебные процессы против издателей в Италии, отказывавшихся выплатить гонорар. (Судебные процессы были проиграны.) Из оставшихся 12% «Международная книга» также имеет право удержать 25% комиссионных. Из остатка еще 35% удерживает «Внешпосылторг». Все, что осталось (около 4% исходной суммы), может быть выплачено автору. Если учесть, что возглавляемое мистром Сориа агенство является одним из учреждений французской компартии, а сам Сориа — член Политбюро ЦК французской компартии, то нужно еще подсчитать, кто получил большую долю, в частности, от гонораров за «Один день Ивана Денисовича», те ли, кто «спасает» человечество от коммунизма, или те, кто стремится распространить коммунизм во всех странах земного шара.

19. РАЗГОН РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ «НОВОГО МИРА»

Официальная публикация в 1962 г. «Одного дня Ивана Денисовича» не была совершенно изолированным явлением. Она была результатом тех тенденций в развитии советской литературы, которые возникли под влиянием политики XX и XXII съездов КПСС. Эта повесть не случайно была напечатана именно в «Новом мире», этот журнал действительно объединял лучшие литературные силы нашей страны и не боялся обсуждать острые вопросы литературы и общественной жизни. В такой же степени и исключение Солженицына из Союза писателей не было изолированным событием. Оно было следствием определенных изменений в общей политике, результатом стремления некоторых консервативных кругов ограничить возможности и свободу литературы, поставить литературу и публицистику под самый строгий идеологический и политический контроль. Этот процесс начался еще при Хрущеве в 1963—1964 гг. как защитная реакция бюрократических элементов от слишком широкого размаха критической литературы. Хрущев стремился к единовластию во всех областях жизни общества, а поэтому не мог действительно компетентно и методично руководить ни в одной из этих областей. Он совершал грубые ошибки в директивах по сельскому хозяйству, промышленности, международной политике, образованию, управлению партийным аппаратом и всем хозяйством страны. Жизнь общества происходила импульсами, была наполнена непрерывными реорганизациями политического и экономического характера. Некоторые из них сдвигали страну вперед, другие сильно тормозили развитие. Такие же импульсы были и в литературе. Вслед за осуждением романа В. Д. Дудинцева «Не хлебом единым» (1957 г.) и широкой кампанией против Бориса Пастернака и его ро-

мана «Доктор Живаго» в литературе наступил период застоя, причем Хрущев много раз в своих выступлениях перед писателями ругал и Дудинцева, и Пастернака. Публикация «Одного дня...» в этих условиях была полной неожиданностью. В 1954 г. Хрущев лично председательствовал на заседании Секретариата ЦК КПСС при решении вопроса об освобождении А. Т. Твардовского с поста редактора «Нового мира». Твардовского снимали в основном за сатирическую поэму «Теркин на том свете», которая была признана антипартийной и антисоветской. (Это был первый вариант поэмы.) К. Симонов выступал на этом заседании против Твардовского и был затем назначен редактором «Нового мира». В 1958 г. был снят и К. Симонов, в основном за публикацию романа «Не хлебом единым», но назначен снова А. Т. Твардовский. В 1963 г. помощник Хрущева В. С. Лебедев организовал в черноморской резиденции Хрущева чтение нового варианта «Теркина на том свете», причем, это был намного более острый вариант. Поэма очень понравилась Хрущеву, и он попросил редактора газеты «Известия» Аджубея немедленно ее напечатать. В таких бросках и проявлялся так называемый «субъективизм» Хрущева, о котором впоследствии много раз вспоминали на различных собраниях. После отставки Хрущева руководство литературой перешло к специалистам в области идеологии и стало более последовательным и целенаправленным. Но это была консервативная последовательность чиновников и руководящих работников цензуры. Она распространялась на всех. М. А. Шолохов в своем много лет готовившемся романе «Они сражались за родину» написал главу, в которой один из героев рассказывает о незаконных методах следствия и о лагерях периода 1937—40 годов. Эту главу было предложено ликвидировать. Но она соответствовала литературному сюжету, да и замысел Шолохова был вполне партийный — показать, как человек, перенесший пытки и лагерь, остался верен партии и всем идеям, положенным в основу советского общества. Но у цензуры была инструкция: не пропускать ничего о лагерях. М. А. Шолохов как член Пленума ЦК КПСС стал добиваться приема у Л. И. Брежнева, но

получил отказ. Брежнев не мог принять Шолохова по такому делу, ибо решение по нему уже не входило в компетенцию Генерального Секретаря. Шолохов сделал несколько неудачных попыток обойти цензурный запрет, но затем сдался и удалил главу, заменив рассказ о пытках в лагерях рассказом о способах рыбной ловли.

Дифференцировка власти усилила возможности идеологической цензуры, но вопросы назначения и смещения редактора центральных журналов оставались по-прежнему функцией Секретариата или Политбюро ЦК КПСС. И хотя деятельность А. Т. Твардовского и редакции «Нового мира» вызывала крайнее раздражение у идеологического руководства литературой, ставить вопрос о Твардовском на обсуждение Секретариата ЦК КПСС не было достаточных оснований. В трудных условиях «Новый мир» и его авторский коллектив смогли найти такую форму работы, при которой публикуемые произведения читали с воодушевлением либеральные, демократические слои нашей интеллигенции. Консервативные бюрократические деятели руководства воспринимали это творчество с большим неудовольствием и обычно блокировали последующие самостоятельные издания этих произведений. Можно назвать много таких безусловно талантливых и в то же время очень острых социально произведений, которые были опубликованы в 1969 г. в «Новом мире». «Неделя как неделя» Наталии Баранской, «Три минуты молчания» Георгия Владимова, «Круглянский мост» Василя Быкова, «Потусторонние встречи» Льва Гинзбурга, «Деревенский дневник» Ефима Дороша, «Обмен» Юрия Трифонова, «Пелагея» Федора Абрамова и ряд других. Критика встречала эти работы недоброжелательно, но читатели были благодарны журналу. При подписке в сентябре 1969 г. число подписчиков увеличилось на 40 000 по сравнению с предыдущим годом.

В начале 1969 г. А. Т. Твардовский подписал в набор свою новую поэму «По праву памяти», которая была намечена для апрельского номера журнала. Цензура эту поэму сняла. Твардовский как редактор включил эту поэму в майский номер журнала, и опять

она была запрещена цензурой. Твардовский включил поэму в июньский номер журнала, а также заказал 20 экземпляров верстки поэмы, чтобы представить ее текст для обсуждения на более высоком уровне. На высоком уровне обсуждать поэму отказались, а цензура вновь сняла ее из макета журнала.

Поэма «По праву памяти» была произведением, над которым Александр Трифонович работал несколько лет. В 1967 г. он закончил первый вариант, который был направлен им в редакцию журнала «Юность». Однако редакция «Юности» отказалась от публикации и вернула автору рукопись. Александр Трифонович несколько раз читал поэму друзьям у себя дома, но текст не давал никому, опасаясь распространения поэмы самиздатом. В начале 1968 г. мой брат и я во время посещения Твардовского на его подмосковной даче в Пахре прочитали текст этой поэмы. В июне 1969 г. Александр Трифонович подарил моему брату экземпляр верстки нового варианта, который был намного лучше и полнее того, который мы видели в предыдущем году.

В этой поэме Твардовский рассказал о судьбе своего отца и семьи, бедных крестьян, получивших землю только после Октябрьской Революции, работавших «от зари до зари», а затем по списку «раскулаченных» и отправленных в Сибирь. Автор передал свои чувства, когда он жил с клеймом «сына кулака». И обобщая, дал оценку режиму репрессий и несправедливости, царившему при Сталине. Твардовский в этой поэме пересматривал многие свои позиции, высказанные им раньше в «Стране Муравии».

.
О, годы юности немилой,
Ее жестоких передряг.
То был отец, то вдруг он — враг.

.
Ты здесь, сынок, но ты нездешний,
Какой тебе еще закон,
Когда родитель твой в кромешный,
В тот самый список занесен.

.

. в тоске великой
Он покидал свой дом и двор
И отвергал слепой и дикий,
Для круглой цифры приговор.
.
Зато уж вот где без изъятия
Все классы делались равны,
Все люди — лагерные братья,
Клеймом измены клеймены.

Но особенно ясно Твардовский ставил вопрос о праве писателя рассказывать полную правду о событиях прошлого.

Напрасно думают, что память
Не дорожит сама собой,
Что ряской времени затянет
Любую быль,
Любую боль.
Что так и так — летит планета,
Годам и дням ведя отсчет,
И что не взыщется с поэта,
Когда за призраком запрета
Смолчит про то, что душу жжет . . .
Нет, все бывшие недомолвки
Домолвить ныне долг велит.

Было очевидно, что Твардовский будет и дальше добиваться публикации этой поэмы. К тому же распространение версток привело к началу самиздатного процесса.

26 июня 1969 г. в журнале «Огонек» (№ 30) одиннадцать литераторов (Михаил Алексеев, Сергей Викулов, Сергей Воронин и др.) опубликовали заявление «Против чего выступает «Новый мир»?», составленное в исключительно грубых выражениях. По стилю это заявление напоминало критическую статью конца сороковых годов, когда объектом нападок были ленинградские журналы «Звезда» и «Ленинград». Авторы заявления утверждали что «Новый мир» печатает «...кошунственные материалы, ставящие под сомнение героическое прошлое нашего народа и Советской Армии...» «...В критических статьях, опубликован-

ных в «Новом мире», планомерно и целеустремленно культивируется тенденция скептического отношения к социально-моральным ценностям советского общества, к его идеалам и завоеваниям».

Редакция «Нового мира» опубликовала достойный ответ на эту демагогическую статью (см. «Новый мир» № 7, стр. 285—286, 1969), обратив при этом внимание на то, что все одиннадцать литераторов, подписавших заявление, в разное время подвергались серьезной критике в «Новом мире» за слабый художественный уровень своих произведений, дурной литературный вкус, несамостоятельность письма и т. д.

Но этот ответ был лишь моральной защитой. То, что одиннадцать соавторов смогли напечатать свою демагогию в информационном иллюстрированном журнале с двухмиллионным тиражом, свидетельствовало о разворачивании широкой кампании против «Нового мира».

Недовольство консервативных кругов позицией Твардовского не ограничивалось областью литературы, общественная деятельность поэта тоже стала приобретать все более и более демократический характер. На XXIII съезде КПСС он уже не был переизбран в состав Пленума ЦК КПСС. После введения армий Варшавского пакта на территорию Чехословакии во всех организациях в обязательном порядке созывались открытые партийные собрания, чтобы выразить поддержку действиям Советского Правительства. В «Новом мире» такое собрание было созвано только после двух предупреждений райкома КПСС. А. Т. Твардовский на это собрание не пришел. Когда Правление Союза писателей СССР составило текст обращения к писателям Чехословакии, Твардовский отказался подписать обращение. Из-за этого публикация обращения задержалась на неделю, от руководства ССП требовали, чтобы обращение подписали все члены Правления. От Твардовского попросили объяснений. Александр Трифонович написал в ССП краткое, но ясное заявление, в котором сказал, что он был бы готов обратиться к чехословацким коллегам, если бы его попросили об этом до, а не после введения в ЧССР союзных войск.

Осенью 1969 г. А. Т. Твардовского вызвали в соответствующий отдел авторитетного учреждения и показали ему свежий номер эмигрантского антисоветского журнала «Грани», в котором была напечатана его последняя поэма. Твардовский немедленно написал резкий протест, который впоследствии был опубликован в «Литературной газете».

«Наглость этой акции, — писал Твардовский, — имеющей целью опорочить мое произведение, равна беспардонной лживости, с какой поэма снабжена провокационным заглавием «Над прахом Сталина»».

Далее А. Т. отметил, что текст поэмы, напечатанный в Г«гранях», имеет много искажений. Это заявление Твардовского долго не публиковалось, и «ЛГ» напечатала его лишь 11 февраля 1970 г. (стр. 9), изменив дату, когда письмо было написано. Именно 11 февраля в «ЛГ» было опубликовано и сообщение о реорганизации редакции «Нового мира», и, таким образом, читатель мог решить, что эти два события действительно связаны между собой.

Публикацию поэмы в «Гранях» нельзя было прикрыть самиздатом, так как в «Гранях» был напечатан *старый вариант* 1968 г., сильно отличавшийся от того, который уже с апреля—мая 1969 г. начал распространяться. Этот старый вариант не ходил по рукам, он был лишь некоторое время в редакции «Юности», был знаком небольшому кругу друзей поэта, но в списках не циркулировал. Каким образом попал он в «Грани», остается загадкой.

В конце 1969 г. Секретарь СП Воронков стал настойчиво уговаривать Твардовского подать в отставку «по состоянию здоровья». Твардовский отказался, несмотря на то, что ему одновременно была предложена «номенклатурно» более высокая должность Секретаря ССП.¹⁾ Но чувствовалось, что участь журнала пред-

¹⁾ В Правлении ССП числится очень много Секретарей ССП, но только часть этих Секретарей входят в номенклатурный штат Секретариата и получает должностные окла-

решена. Среди сотрудников «Нового мира» уже не было оптимизма. Приходившие в «Новый мир» в конце 1969 г. авторы обычно спрашивали: «Ну как дела?» — На это следовал ответ: «Сегодня пока работаем».

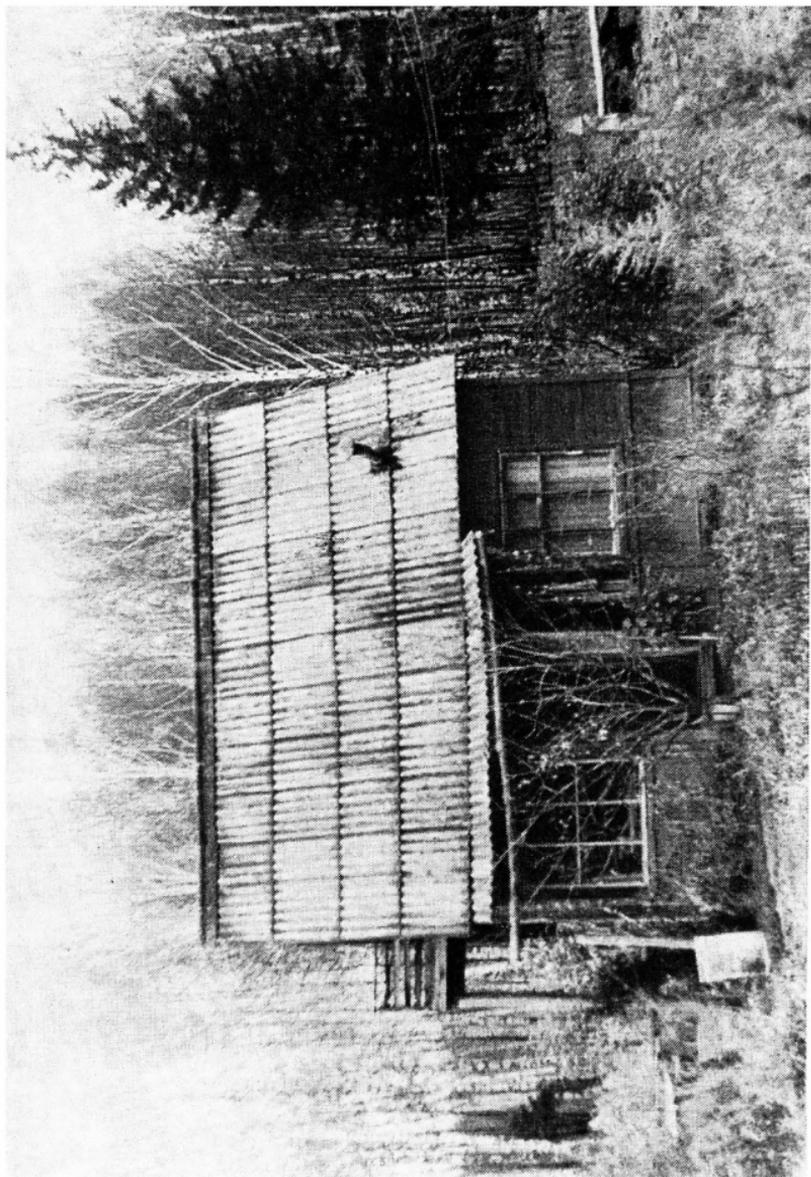
И все же было решено не снимать Твардовского постановлением Секретариата ЦК КПСС и не ставить на обсуждение работу журнала. Твардовский должен был уйти сам. Для этого был продуман специальный план. Правление ССП не имеет полномочий для освобождения от работы главного редактора центрального журнала. Но Секретариат Правления может своим решением снимать и назначать членов редколлегии. Обычно это делается с согласия редактора или по его представлению. На этот раз все было иначе. В отсутствие Твардовского в начале февраля 1970 г. состоялось заседание бюро Секретариата Правления Союза писателей СССР, которое провело реорганизацию «Нового мира». От обязанностей членов редколлегии были освобождены И. И. Виноградов, зам. редактора А. И. Кондратович, В. Я. Лакшин и И. А. Сац, то есть руководители основных отделов. Твардовскому были назначены сразу два заместителя: Д. Г. Большов и О. П. Смирнов, а в редколлегию журнала ввели новых сотрудников В. А. Косолапова, А. И. Овчаренко и А. Е. Рекемчука. Твардовский немедленно опротестовал эти изменения заявлением в ЦК КПСС. Но 11 февраля 1970 г. «Литературная газета» в короткой заметке в разделе «Хроника» опубликовала решение бюро ССП. Это означало, что протест Твардовского был отклонен. Работать с новым составом Твардовский, конечно, не мог, и он подал заявление об отставке. Вскоре заявили об уходе из редколлегии А. М. Марьямов, Е. Я. Дорош и ответственный секретарь М. Н. Хитров. Редактором журнала назначили В. А. Косолапова, хотя он не был даже писателем и не состоял членом Союза писателей СССР. (До этого назначения

ды. А. Т. Твардовский являлся Секретарем ССП, но как редактор «Нового мира». При отставке из редакции ему предлагали постоянную номенклатурную должность Секретаря ССП с соответствующим высоким окладом.

Косолапов работал директором издательства.) Первый заместитель главного редактора Д. Г. Большов также не относился к категории писателей и не состоял в Союзе писателей. До нового назначения он заведывал одним из отделов Московской студии телевидения. Таким образом, «Новый мир» стал единственным литературным журналом, во главе которого стояли не писатели или поэты и не литературные критики, а простые послушные чиновники.

18 февраля 1970 г. в «Литературной газете» был опубликован ответ руководства Союза советских писателей на письмо в ССП Генерального секретаря Европейского сообщества писателей Дж. Вигорелли, протестовавшего по поводу преследования Солженицына. Союз советских писателей в своем ответе Вигорелли заявлял: «Ваша позиция исключает возможность нашего дальнейшего сотрудничества с Вами». Таким образом Союз советских писателей решил выйти из Европейского сообщества писателей. При этом советскому вице-председателю ЕСП было предложено подать в отставку. Вопрос о Солженицыне был, конечно, только поводом для того, чтобы вывести ССП из объединения европейских писателей. Творческое сотрудничество с Западной Европой уже не входило в планы дальнейшего развития «социалистического реализма». Кроме того, вице-председателем ЕСП от СССР был А. Т. Твардовский. Раньше он иногда два раза в год выезжал за границу, чтобы принять участие в работе руководящего Совета ЕСП. Теперь этому следовало положить конец.

Передав дела новой редколлегии «Нового мира», старый состав редколлегии собрался в марте в уже бывшем кабинете Твардовского и сфотографировался на прощанье. Эпоха «Нового мира» в советской литературе окончилась.

*Домик А. И. Солженицына «Борзовка» в Нарофоминском районе,
Московской области*

20. ТРУДНОЕ ЛЕТО 1970 года

Разгон редакционной коллегии «Нового мира», вопреки ожиданиям как справа, так и слева, вызвал на редкость слабую реакцию общественности. Известны только два письменных протеста по поводу этой акции, распространявшиеся среди литературной и научной интеллигенции, но даже эти два протеста были анонимными. За границей комментарии вокруг ликвидации литературного направления, представленного «Новым миром», были весьма обширными.

Вслед за столь резким поворотом в литературной политике, уничтожившим последнюю легальную трибуну реалистической и демократической литературы, отражавшей настроения, рожденные политическими переменами после XX съезда КПСС, возникла ситуация, при которой не только А. И. Солженицын, но и немалое число других писателей и публицистов не могли рассчитывать на публикацию своих произведений на родине. Организаторы новых ограничений свободы печати также, по-видимому, понимали возможность расширения самиздата, усиливаемого публикациями за границей. В связи с этим были намечены различные меры и, в частности, дальнейшая дискредитация тех авторов, которые терпимо относились к бесцензурному распространению своих произведений.

Среди таких авторов наиболее известным был Солженицын. В литературных организациях роль главного критика Солженицына принял на себя детский поэт Сергей Михалков. На различных совещаниях и заседаниях он обвинял А. И. почти в измене родине, причисляя его к категории «идеологических фарцовщиков» и «литературных власовцев» (см. например, статью С. Михалкова «Позиция художника» в «Комсомольской правде» от 14 декабря 1969 г.). Эти выступления Михалкова были, естественно, отмечены и более ответственным руководством. Весной 1970 г. С. Михал-

ков был поставлен во главе Союза писателей РСФСР. Ему также была присуждена Ленинская премия по литературе 1970 года. Последний акт был с особенной очевидностью продиктован политическими соображениями. Сергей Михалков является весьма посредственным поэтом, его стихи часто очень примитивны по форме, лишены подлинной художественности, музыкальности, оригинальности.

В основу планов дальнейшей дискредитации Солженицына была опять положена старая история с пьесой в стихах «Пир победителей». Написанная в лагере и хранившаяся в одном экземпляре в личном архиве, конфискованном КГБ в 1965 г., эта пьеса не могла быть серьезно использована против Солженицына до тех пор, пока она не была напечатана. А. И. еще в 1967 г. в своем письме 4-му съезду ССП предупреждал, что если произойдет публикация этой пьесы, то это будет сделано с ведома КГБ, так как при конфискации был взят *единственный* экземпляр. Однако публикация пьесы за рубежом была бы для антисолженицынской кампании весьма кстати, всегда можно было бы выразить сомнение в том, что существовал действительно только один экземпляр, а кроме того, можно было «анализировать» пьесу, ссылаясь на опубликованный источник, а не на спецфонды КГБ.

В начале 1970 г. стало известно, что таинственные эмиссары предпринимают попытки пристроить пьесу «Пир победителей» в какой-нибудь западный журнал. Поскольку права советских авторов за границей не защищены международными соглашениями, публикация любого произведения без согласия автора вполне возможна. Трудность состояла в том, что любое издательство, опубликовавшее пьесу, доказало бы свою прямую или косвенную связь с КГБ. Однако история с предварительной публикацией книги С. Аллилуевой, вывезенной на Запад Виктором Луи, показывала, что при наличии коммерческой заинтересованности и эта трудность является преодолимой. Союз писателей Франции, ранее приславший в ССП резкий протест по поводу исключения из ССП Солженицына, и на этот раз оказал неоценимую помощь. В канун Нового года, 31 декабря 1969 г., в газете «Ле Монд» было опублико-

вано следующее заявление Союза писателей Франции (перевод дан с некоторыми сокращениями):

«... Мы узнали, что западноевропейские специализированные организации в настоящее время предлагают издательствам рукопись пьесы Солженицына («Пир победителей»). Однако автор заявлял всегда, что публикация этой пьесы запрещена, что она циркулирует против его воли и произвольно используется для политических обвинений.

Важно отметить, что круги, заинтересованные в будущих публикациях этой работы, издатели и читатели полностью должны отдавать себе отчет, что появление этой работы на Западе, под каким бы предлогом это ни было бы сделано, при существующей ситуации будет немедленно использовано для фабрикации обвинений против Александра Солженицына, будет противоречить его намерениям и принципам копирайта и станет новым оружием в руках тех людей, которые бы желали дискредитировать автора в глазах общественного мнения в его собственной стране и, возможно, вынудить его покинуть эту страну».

А. И. со своей стороны также предпринял необходимые шаги для того, чтобы помешать подобным провокациям и произвольному использованию его произведений. Он заключил официальный договор с швейцарским адвокатом Фрицем Хеебом, поручив ему защиту своих авторских прав за рубежом. Фриц Хееб опубликовал во всех основных западных газетах заявление (датированное 5 марта 1970 г.), запрещавшее любые неавторизованные публикации произведений Солженицына. Отныне нарушение этого правила позволяло рассматривать дела о пиратских публикациях в соответствующих судах.

Изложение этого заявления Фрица Хееба было опубликовано даже в британской коммунистической газете «Морнинг Стар» 9 или 10 марта, но этот выпуск, как и некоторые другие выпуски коммунистических газет с «нежелательными» для советских читателей сведениями, был в СССР конфискован цензурой.

При новой ситуации издательство, решившееся выпустить какую-либо работу Солженицына без его согласия, вернее без согласия представлявшего его интересы швейцарского адвоката, рисковало значительным штрафом и конфискацией всего тиража «пиратского» издания. В последующий период применение такого рода судебных санкций оказалось неизбежным, и они доказывали свою эффективность. Журнал эмигрантских кругов «Грани» в марте 1970 г. успел опубликовать пьесу Солженицына «Свеча на ветру», но это был последний случай вмешательства эмигрантской прессы в дела А. И. Полномочия Ф. Хееба также начинались с марта 1970 года.

В начале мая 1970 г. А. И. переехал на все лето в свой домик в «Борзовке» для того, чтобы закончить работу над романом «Август Четырнадцатого». Я навестил его там 3 мая. К этому времени было известно, что в Норвегии снимается фильм по сюжету «Одного дня Ивана Денисовича».

В конце мая, также, по-видимому, в связи с реализацией какой-то общей программы дискредитации авторов самиздата, были предприняты неожиданные меры и против меня. История эта была уже освещена в очерке «Кто сумасшедший?», написанном в 1970 г. моим братом и мною. В период этих событий А. Т. Твардовский и А. И. Солженицын, вместе с многими другими друзьями и коллегами, оказали мне большую моральную и практическую поддержку. Когда, войдя 9 июня в «комнату свиданий» в Калуге, я увидел там Александра Трифоновича Твардовского, который обнял меня и поцеловал, я с большим трудом сдержался, чтобы не заплакать от волнения. А. И. тоже был готов немедленно ехать в Калугу, но его от этого отговорили моя жена и брат. 2-го июня А. И. написал резкое заявление с протестом, которое по совету друзей было в последующие дни несколько смягчено. Но даже тот смягченный вариант, который 15 июня был опубликован во всех основных западных газетах, был оценен общественностью как наиболее сильный протест против преследований инакомыслящих. Когда после 19 дней незаконного лишения свободы меня, наконец, освободили, я заехал на дачу к А. И., чтобы поблаго-

дарить его за оказанную помощь. Вид у него был более бодрый, чем весной. Первая редакция его нового романа была практически закончена, и это было начало, «Узел первый» большого эпического повествования о Первой мировой войне и ее исторических последствиях.

А. Т. Твардовского я встретил в июле. Выглядел он плохо, совсем больным. Только что отмечался 60-летний юбилей поэта. Во всех центральных газетах были опубликованы статьи о творчестве Твардовского, часто с его портретом. Но в этих внешних проявлениях официального признания, неизбежного по отношению к поэту, произведения которого уже много лет изучались в школьных и институтских программах советской литературы и вошли в учебники как классические, было много организованной, директивной несправедливости. Было дано «указание» ни в одной из статей о Твардовском не упоминать того, что он многие годы работал редактором «Нового мира», а также не вспоминать о существовании поэмы «Теркин на том свете». Газетам и журналам была запрещено обращаться к поэту с просьбой о публикации каких-либо новых стихотворений, а также с различными вопросами о его творческих планах. Это было резким контрастом тому, как проходил десять лет назад 50-летний юбилей поэта, когда отбоя не было от редакторов газет и журналов, просивших прислать какое-либо новое стихотворение или отрывок.

К концу лета у Александра Трифоновича произошел инсульт с частичным параличом. В неврологическом отделении Кремлевской больницы, куда срочно положили Твардовского, у него также диагностировали сильный плеврит. Но это была ошибка врача. Из-за этой ошибки больному были назначены банки и припарки, что было совершенно недопустимо при той болезни, которая действительно была у поэта. Только через три недели, когда выяснилось, что состояние легких резко ухудшилось, врачи решили сделать рентгеновский снимок. (А это следовало бы делать сразу.) На снимке отчетливо обнаруживалась раковая опухоль, уже слишком большая для операции. Но и тут в дело вмешалась политика. Врачам запретили гово-

рить про инсульт. В историю болезни записали, что инсульта не было, а был метастаз опухоли в мозг. Этот вывод утвердил и консилиум. Один из литературных лидеров, объясняя в своем кругу судьбу Твардовского, специально подчеркивал, что не было инсульта. «Об инсульте вообще не следует упоминать, — говорил он, — инсульт могут связать с историей «Нового мира», а раковая опухоль — это от бога».

Но метастазы в мозг означали полную безнадежность и скорый конец. Врачи так и сказали жене и родным Твардовского. Они отвели ему жизни не больше месяца. Однако прошел месяц, инсульт рассосался, исчез паралич, восстановилась способность речи. Состояние улучшилось настолько, что Твардовский был выписан из больницы домой. Он уже мог читать, принимать друзей, беседовать. По инициативе родных и друзей была создана группа помощи, которая мобилизовала лучшие медицинские силы для лечения рака легкого. Были привлечены к лечению и консультанты-онкологи из-за рубежа. Надежды возлагались на новые химические средства, задерживающие развитие опухолей.

21. НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ ПО ЛИТЕРАТУРЕ

8 октября 1970 г. я был в Москве в связи с переговорами о работе. После полутора лет безработного состояния возникли какие-то шансы на «трудоустройство». Днем я заехал в гости к Веронике Туркиной. Около 3 часов дня Веронике позвонил наш общий знакомый и сообщил выдающуюся новость: А. И. Солженицыну присуждена Нобелевская премия по литературе. Это была большая радость для всех нас. Мы начали спрашивать о подробностях, но наш общий знакомый пока не знал никаких деталей этого события. Ему рассказал о присуждении иностранный корреспондент, позвонивший по телефону и попросивший номер телефона М. Ростроповича, у которого в это время, как было известно, жил Солженицын. Этого номера корреспондент, конечно, не получил, так как Солженицын не давал интервью иностранным корреспондентам и не разрешал сообщать кому-либо номер телефона дачи Ростроповича, частые телефонные вызовы мешали бы ему спокойно работать. Узнать же телефонный номер М. Ростроповича по телефонным книгам или в справочном бюро было невозможно, так как домашние телефоны наиболее известных артистов не вносятся ни в какие справочники. Минут через 20 наш общий знакомый позвонил снова и сообщил, что ему непрерывно звонят корреспонденты разных иностранных газет и просят связать их с Солженицыным, настаивая на том, что они имеют право при подобных международных событиях задать ряд вопросов лауреату. Наш знакомый считал, что если не выполнить этой просьбы, то корреспонденты все равно узнают нужный им телефон; в конце концов, он был известен определенному кругу лиц.

Понимая, что так оно, очевидно, и будет, я посоветовал все же отказывать всем, кроме представителей шведской прессы. Поскольку Нобелевские премии по

литературе присуждает Шведская академия, то представители шведской печати безусловно имеют право первыми сообщить об этом новому лауреату и передать в печать его реакцию. При этом я специально рекомендовал отдать предпочтение Пер Эгил Хегге, который был в Москве корреспондентом сразу трех скандинавских газет: шведской, норвежской и датской. Кроме того, Пер Эгил Хегге прекрасно владел русским языком и был большим поклонником литературного таланта Солженицына. Пер Эгил Хегге действительно вскоре позвонил и получил номер телефона А. И.

Вечером 8 октября, уже по иностранным радиопередачам, я узнал, что Пер Хегге был первым и единственным иностранным журналистом, который поздравил Солженицына с присуждением Нобелевской премии и получил у него короткое интервью по телефону. А. И. тепло поблагодарил Шведскую академию за оказанную честь и выразил готовность приехать в Швецию на традиционную церемонию вручения Нобелевских премий. (Вручение Нобелевских премий происходит ежегодно в день рождения Альфреда Нобеля, основателя премий, — 10 декабря. Нобелевские премии по литературе и науке присуждаются и вручаются в Швеции, Нобелевская премия мира присуждается и вручается в Норвегии.)

(С Пер Хегге меня познакомил в конце 1970 г. американский историк, которого я знал много лет. Он неоднократно бывал в СССР и как раз приехал снова в мае. Мы несколько раз встречались, подробно беседовали, а затем он узнал, что я лишен свободы весьма оригинальным способом.¹ Мой друг был сильно взволнован и опубликовал через иностранных корреспондентов несколько заявлений с протестом. В этом ему помог Пер Хегге. После моего освобождения американский историк организовал мою встречу с группой иностранных корреспондентов, среди которых был и Пер Хегге. После этого я виделся с Пер Хегге еще два

¹ Подробности см. в книге: Ж. А. Медведев и Р. А. Медведев. «Кто сумасшедший?», изд. Макмиллан, Лондон, 1971.

раза, считая такого рода встречи полезными для предотвращения повторных экспериментов изобретателей «идейного единства» при противоречивой и зигзагообразной внутренней и внешней политике.)

Присуждение А. И. Солженицыну Нобелевской премии не было слишком большой неожиданностью. А. И. уже с 1968 г. находился в списке кандидатов, представленных на премию. В 1968 и в 1969 гг. предпочтение было отдано, однако, другим кандидатам, и официальные инстанции в СССР, по-видимому, решили, что вопрос о премии можно считать неактуальным. В связи с этим и было срочно проведено в ноябре 1969 г. исключение Солженицына из СП, сообщение о котором появилось в «Литературной газете» неделю спустя после публикации в этой же газете теплой статьи о С. Беккете, лауреате Нобелевской премии 1969 г., произведения которого в СССР были почти не известны.¹ Однако в 1970 г. шансы А. И. Солженицына на получение Нобелевской премии сильно возросли, так как именно в начале этого года «Раковый корпус» и «В круге первом» были изданы на шведском языке в Стокгольме. Переводы были сделаны на очень высоком уровне писателем и журналистом Бьеркегреном, ранее работавшим в СССР около 10 лет корреспондентом шведских газет.

Было очевидно, что официальные круги в СССР и, особенно, руководство Союза писателей СССР отнесутся к присуждению Солженицыну Нобелевской премии с крайним неудовольствием. Однако здравый смысл подсказывал, что это неудовольствие будет выражено полным молчанием, попыткой игнорировать решение Шведской академии. Ведь никто никогда серьезно не оспаривал наличия у автора «Одного дня Ивана Денисовича» литературного таланта. Было очевидным и его новаторство в области русского литературного языка. По отношению к произведениям, опу-

¹ См. «ГЛ» от 19 ноября 1969 г. (№ 47), статья «Сэмюел Беккет — Нобелевский лауреат». На русский язык ни одно из основных произведений Беккета не переводилось. Была опубликована в журнале «Иностранная литература» лишь одна пьеса С. Беккета, написанная им в 1953 г.

бликованным А. И. в 1962—63 гг., это было признано советской критикой, и не случайно Солженицын был в 1964 г. в числе наиболее серьезных кандидатов на присуждение Ленинской премии. Последующее недовольство творчеством писателя было вызвано внелитературными причинами и, прежде всего, отказом Солженицына перестроиться в соответствии с изменением политических установок. Но это был внутренний конфликт, который не могла принимать во внимание Шведская академия, подходящая к оценке произведений на основании критериев мировой литературы. Решение Шведской академии было смелым именно потому, что оно не определялось политическими моментами. Поэтому официальная советская печать могла продолжать в последующем критику произведений Солженицына с партийной точки зрения, но она не должна была оспаривать выбор Шведской академии. Шведская академия была обязана решать не по временным партийным стандартам, а по критериям, имеющим универсальную значимость.

Однако здравого смысла как раз и нехватало у тех, кто решал вопрос об официальной реакции советской печати на присуждение Солженицыну Нобелевской премии. Не оказалось у них и выдержки и чувства меры. Уже в вечернем выпуске газеты «Известия» от 9 октября появилась поспешная заметка «Недостойная игра. По поводу присуждения А. Солженицыну Нобелевской премии». Эту заметку перепечатали в последующие дни и другие центральные газеты, что доказывало ее директивный характер. В заметке сообщалось, что корреспондент «Известий» получил следующее разъяснение в Секретариате Союза писателей СССР по поводу присуждения Нобелевской премии:

«Как уже известно общественности, сочинения этого литератора, нелегально вывезенные за рубеж и опубликованные там, давно используются реакционными кругами Запада в антисоветских целях... Советские писатели исключили А. Солженицына из рядов своего союза. Как мы знаем, это решение активно поддержано всей общественностью страны.

Приходится сожалеть, что Нобелевский комитет позволил вовлечь себя в недостойную игру, затеянную отнюдь не в интересах развития духовных ценностей и традиций литературы, а продиктованную спекулятивными политическими соображениями».

10 октября А. И. получил официальную телеграмму Шведской академии и Нобелевского фонда. А. И. также телеграфом отправил ответ, в котором выразил благодарность и намерение приехать в Швецию.

Коммунистическая пресса ряда западных стран приветствовала решение Шведской академии. Уже 9 октября в газетах «Юманите» и «Унита» появились статьи, поддерживающие решение о присуждении Солженицыну Нобелевской премии.

Поздравительных телеграмм от советских граждан было немного, всего около 50, причем некоторые телеграммы были подписаны анонимно: «группа друзей», «читатель», «товарищ по перу» и т. д. Не исключено, что многие телеграммы просто не были доставлены адресату. Однако могло иметь значение и то, что в 1968 г. отправители телеграмм, поздравлявшие А. И. в связи с 50-летием, подвергались различным формам осуждения. Мне известны случаи, когда провинциальных поклонников Солженицына, отправивших ему телеграммы, вызывали в парторганизации или в местные отделения КГБ для длительных бесед.

Я полагал, что официальная реакция на Нобелевскую премию ограничится цитированной выше анонимной заметкой. Не начинать же со Шведской академией серьезную дискуссию, в которой Шведскую академию несомненно поддержат литераторы всего мира. Но я ошибся, опять переоценив способность противников писателя к разумной сдержанности. 12—13 октября «общественное» Агентство печати «Новости» (АПН) стало распространять среди западных корреспондентов в Москве текст анонимной статьи «Где ищет писательский талант и славу нобелевский комитет?» Предполагалось, что эту статью опубликует какая-либо из западных газет. Однако ее не стала печатать даже коммунистическая печать за-

падных стран. 17 октября эту анонимную статью АПН опубликовала «Комсомольская правда», а затем и некоторые другие центральные газеты. Текст этой статьи, более напоминая заявление, поражал примитивностью формулировок и демонстрировал крайнее литературное невежество ее составителей.

«... Только кощунством можно назвать некоторые хлесткие аналогии так называемых „специалистов по советской литературе“, которые ставят имя Солженицына в ряд... с творениями всемирно известных произведений русской и советской классики... Человек с болезненным самомнением, Солженицын легко поддался на лесть людей, которые не выбирают средств, когда речь идет о борьбе против советского строя... Солженицын поступался совестью и унижался до лжи всякий раз, когда его советские коллеги по перу проявляли откровенное беспокойство за его творческую судьбу... Можно только сожалеть, что, опуская шары в пользу Солженицына, члены Нобелевского комитета не подумали над тем, как они надругались над этой премией. А, впрочем, может быть, мы предъявляем иным членам литературной секции Нобелевского комитета слишком высокие моральные требования. Ведь был же в их практике «лауреат» Андре Жид, проклятый своим и другими народами за сотрудничество с гитлеровскими извергами. Выбирает ли в таких случаях, как с Андре Жидом или Солженицыным, Нобелевский Комитет, кого увенчать лаврами лауреата, или сам Комитет оказывается расчетливо избранным в качестве лжесвидетеля с известной репутацией?»

Было, однако, непонятно, за что столь несправедливо обругали Андре Жида. Он никогда не был «проклят своим и другими народами» и не сотрудничал с гитлеровскими извергами. Том 2 «Краткой литературной энциклопедии», вышедшей в 1964 г. в Москве под редакцией А. А. Суркова, дает следующую справку об этом писателе:

«Жид Андре Поль Гийом (Gide), род. 1869... Развивался под сильным влиянием Достоевского... Показывал в своих произведениях упадок капиталистической культуры, безысходность положения молодого поколения... В 1926 г. проявляет мотивы критики колониализма... В статьях и выступлениях начала 30-х годов Жид объявляет себя противником капитализма и выражает симпатии лагерю социализма... После посещения СССР в 1936 г. выступает с антисоветским памфлетом... В годы 2-ой мировой войны Жид эмигрировал из Франции в Тунис... В 1947 г. ему присуждена Нобелевская премия...»

Да, Жид выражал симпатии Советскому Союзу, но, посетив СССР в 1936 г., был глубоко разочарован. Очевидно, ему не понравились начавшиеся тогда массовые репрессии невинных людей. И тогда-то в 1937—38 гг. Андре Жид действительно подвергался проклятьям, но в советской печати. Эти проклятья и запомнились, по-видимому, автору из АПН. Глубоким стариком, в возрасте 71 года Жид уехал из Франции в Тунис, чтобы не жить в оккупированной Франции. Он не участвовал в движении Сопротивления, но он был патриотом.

Вслед за АПН начала кампанию против Солженицына и «Литературная газета». 21 октября в «ЛГ» были опубликованы сразу три статьи против Солженицына. В первой из них — «К вопросу о приоритете» — утверждалось, что Солженицын был представлен на Нобелевскую премию издающимся в Бельгии на русском языке белогвардейским журналом «Часовой», редактируемым приближенными сотрудниками генералов Врангеля и Кутепова, а также некоей мадам Терезой Баскэн. Это был абсолютный вздор, так как правом представления на Нобелевскую премию пользуются серьезные литературно-научные учреждения, лауреаты премий предыдущих лет и авторитетные специалисты, избранные Нобелевским фондом.¹

¹ В действительности А. И. Солженицын был представлен к Нобелевской премии выдающимся французским писателем Мориаком и некоторыми его коллегами.

Две другие заметки, опубликованные в «ЛГ», были перепечатками статей из двух коммунистических зарубежных газет, американской «Дейли Уорлд» и шведской «Норшенсфламман». Шведская газета утверждала, что за спиной Шведской академии и дирижером во всех выступлениях прессы по поводу новой литературной премии стоит Центральное разведывательное управление США (ЦРУ) и что «Стокгольм превратился в место сосредоточения агентов ЦРУ, откуда ведутся операции в первую очередь против социалистических стран» ... «Шведская академия своим выбором хотела сознательно ухудшить отношения между Швецией и Советским Союзом, сыграть на пользу интересам империализма ...» «ЛГ», конечно, не поясняла, что «Норшенсфламман» — это небольшая провинциальная газета, издаваемая в г. Люлеа фракцией шведских коммунистов-сталинистов, имеющих серьезные разногласия со Шведской национальной компартией по поводу отношения к «культу личности» Сталина.¹

В следующем выпуске «ЛГ» опять появились две статьи, снова перепечатываемые из «зарубежной» прессы (из болгарской газеты «Литературен фронт» и немецкой «Вархейт»).

В конце октября мой брат Рой посетил А. Т. Твардовского. Больного поэта перевезли из Кремлевской больницы на его дачу в Пахре. Александр Трифонович чувствовал себя очень плохо, после инсульта об-

¹ «ЛГ» опубликовала эту заметку под заголовком «Стокгольмская газета осуждает решение Шведской академии». Прилагательное «стокгольмская» было, очевидно, намеренной фальсификацией, все же ссылка на столичную газету выглядела серьезнее. Но возможно, что сотрудники «Лит. газеты» вообще не знали, где издается «Норшенсфламман», и не видели этой газеты. Заметка могла быть передана в «ЛГ» уже в готовом виде, и «ЛГ» только сформулировала заголовок. Люлеа (или Люлео), где издается «Норшенсфламман», — это сравнительно небольшой городок в северной части Швеции, очень далеко от Стокгольма и других культурных центров страны. По сведениям ВСЭ, г. Лулео расположен в месте добычи железной руды, и население его составляет около 25 тысяч человек.

наружились затруднения в речи, и еще не прошел частичный паралич. Однако, когда Рой в беседе коснулся Нобелевской премии, Твардовский несколько оживился.

— Это и наша премия, — сказал он, — имея, по-видимому, в виду прежнюю редакционную коллегию «Нового мира».

22. ГДЕ БУДЕТ ВРУЧЕНА НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ?

Вопрос о том, сможет ли Солженицын поехать в Стокгольм на традиционную процедуру вручения Нобелевских премий, очень широко обсуждался в частных беседах, особенно в среде московской интеллигенции. Большинство людей, высказывавших мнение по этому поводу, предполагало, что разрешение на поездку в Швецию вряд ли будет получено. Сам лауреат поначалу был настроен в пользу этой поездки, и в этом духе были написаны его первые письма в Шведскую академию. Однако уже к концу октября это его намерение сильно поколебалось. К этому было несколько причин. А. И. был уверен, что если он серьезно потребует паспорта и визы на выезд в Швецию, то возможность такой поездки будет ему предоставлена. Но в то же время не было уверенности в том, что поездка в Швецию не превратится в изгнание.

Смущало А. И. и полное молчание Шведского посольства. При присуждении Нобелевских премий в прошлые годы советским гражданам (несколько премий за научные открытия и одна по литературе, М. А. Шолохову в 1965 г.), посольство Швеции немедленно направило лауреатам поздравительные телеграммы. После присуждения премии М. А. Шолохову посол Швеции Гуннар Ярринг в тот же день лично навестил Шолохова в его московской квартире, чтобы поздравить, а затем дал в посольстве банкет в честь лауреата. А. И. из посольства не получил никаких поздравлений, и даже неофициально никто из посольства, хотя бы атташе по вопросам культуры, не прислал поздравления. Не запрашивало посольство лауреата и о планах на поездку в Швецию. Если бы посольство выражало желание к оказанию содействия в такой поездке лауреата в Швецию (а это было бы естественным, так как Нобелевский церемониал явля-

*А. И. Солженицын
Октябрь 1968 г., на даче возле Нарофоминска*

ется государственным, и премию по традиции вручает король Швеции), то это автоматически обеспечивало бы и возвратную визу. Советский Союз давал бы в этом отношении гарантии не частному лицу, а посольству дружественной страны. Вызывала озабоченность А. И. и явная неуверенность самой Шведской академии в том, что во время визита лауреата удастся избежать инцидентов, которые могут быть использованы против него. Уже в первой поздравительной телеграмме было сказано, что личное присутствие на церемонии не является условием получения премии. Это же подчеркивалось и в последующих письмах. В начале ноября А. И. получил по почте заказной пакет от Шведской академии, содержащий различные формы, описание церемониала, просьбу о высылке автобиографии и фотографий, а также письмо от администратора церемониала. В этом письме сообщалось, что во избежание давления обширного контингента иностранных корреспондентов А. И. будет поселен не в Гранд-отеле, где будут жить другие лауреаты (одновременно вручались премии по физике, химии, медицине), а в особой секретной квартире.

В первой декаде ноября до А. И. дошли сведения о том, что официальные лица на разных совещаниях в ЦК КПСС сообщали о том, что при наличии просьбы Солженицына ему будет разрешен частный визит в Швецию, и это будет оформлено через ОВИР МВД (Отдел виз и регистраций). Но А. И. уже принял решение воздержаться от поездки в Швецию. В ноябре А. И. направил Шведской академии письмо, объясняя причины такого решения. Это письмо было впоследствии опубликовано. А. И. писал, что вначале он намеревался приехать в Швецию.

«... Однако за минувшие недели враждебное отношение к моей премии, проявленное в отечественной прессе, и по-прежнему преследуемое состояние моих книг (за их чтение увольняют с работы, исключают из институтов) заставляют предположить, что моя поездка в Стокгольм будет использована для того, чтобы отсечь меня от

родной земли, попросту преградить мне возврат домой».

Далее А. И. предлагал следующее:

«... Нобелевские диплом и медаль я мог бы, если такая форма окажется для Вас приемлема, получить в Москве от Ваших представителей в обоюдно удобный для Вас и меня срок...»

У А. И. к этому времени была мысль, что наиболее целесообразно и просто получить Нобелевскую премию в посольстве Швеции в Москве. Территория посольства, согласно дипломатической традиции, является как бы частью территории представляемого посольством государства. А. И. считал, что получение премии в Москве будет даже удобнее, так как он сможет пригласить на прием в посольство своих друзей. Он надеялся, что, может быть, на этом приеме можно будет прочитать и Нобелевскую лекцию. (Нобелевские лекции по традиции прочитываются в Стокгольме на вольную тему. Ученые чаще всего объясняют существование своих исследований. Эти лекции читаются в различных аудиториях в один из дней после церемонии вручения премии.) А. И. предполагал осуществить эту программу в январе 1971 года.

План получения Нобелевской премии в Москве следовало обсудить, конечно, непосредственно с посольством Швеции. Для того, чтобы подготовить разговор на эту тему с послом Гуннаром Яррингом или с атташе по культурным вопросам (Ярринг большую часть времени проводил в Нью-Йорке или в других местах, выполняя свои функции посредника ООН в арабо-израильском конфликте), нужен был компетентный посредник. Помощь в этом направлении охотно предложил Пер Эгил Хегге. Рассказывая здесь о роли Пер Хегге в переговорах Солженицына со шведскими дипломатами, я не нарушаю конфиденциальности. В марте 1971 г. Пер Эгил Хегге был выслан из СССР, а в октябре 1971 г. опубликовал в Норвегии небольшую книгу, озаглавленную: «Посредник в Москве», в которой подробно рассказал о своих переговорах с Солженицыным и со шведскими дипломатами. Эта

книга вызвала множество комментариев, особенно в Швеции, и мы еще коснемся реакции на книгу Хегге при изложении последующих событий.

В середине ноября я встретился с Пер Хегге и рассказал ему о планах А. И. и о его намерении просить посольство Швеции принять для отправки в Шведскую академию цитированное выше объяснительное письмо, а также автобиографию и другие материалы, которые запрашивала у лауреата Шведская академия. А. И. беспокоился, что отправленные по почте, эти материалы могут бесследно исчезнуть. Кроме того, А. И. намеревался обсудить в посольстве возможность получения диплома и медали с соблюдением какой-то открытой процедуры. Тайное получение Нобелевских знаков А. И. считал унижительным и для себя, и для Нобелевской премии, он полагал, что официальные шведские представители в Москве разделяют эту точку зрения. Институт Нобелевских премий является национальной гордостью Швеции, и в мире нет ни одной другой премии, которая имела бы столь высокий престиж, какой уже почти 70 лет имеют Нобелевские премии. Мы договорились, что Пер Хегге выяснит в Шведском посольстве все эти вопросы, и 20 ноября А. И., Пер Хегге и я встретимся для обсуждения предложений Шведского посольства.

20 ноября вечером я представил А. И. Солженицына и Пер Эгил Хегге друг другу для переговоров о ситуации, которая вряд ли когда-либо возникала у лауреатов Нобелевской премии. Была уже зима, но мороз был несильный. С первых минут разговора было очевидно, что А. И. сразу почувствовал к Пер Хегге искреннее доверие и симпатию. Беседа носила непринужденный и откровенный характер. Однако новости, которые сообщил Пер Хегге, были весьма грустными и неожиданными. Посольство Швеции отвергло идею о какой-то процедуре, а тем более о приглашении в посольство друзей лауреата. (Список для приглашений от имени посольства был у А. И. в кармане, но так и не понадобился.) В посольстве отказывались принять от лауреата и материалы для передачи

Шведской академии и предлагали отправить их по почте.

Хотя визит А. И. в посольство, при столь сдержанном отношении шведских дипломатов к Нобелевской премии, терял всякий смысл, он все же пришел в посольство Швеции 27 ноября. Посол и другие сотрудники посольства приняли лауреата вежливо, но официально. Ярринг сказал, что он готов содействовать получению диплома и медали, но никакого приема или церемонии по этому поводу посольство устраивать не будет.

10 декабря, когда в Стокгольме происходила церемония вручения королем Швеции Нобелевских премий, я слушал передачи из Швеции по радио. Несколько радиостанций передавали ход церемонии непосредственно с места событий. Хотя лауреата по литературе в Стокгольме не было, но подготовленная по церемониалу речь о заслугах Солженицына, обосновывающих присуждение ему Нобелевской премии, была произнесена секретарем Шведской академии Карлом Рагнером Гировым. Я записал некоторые места этой речи:

«... Литературные произведения принадлежат своему времени, а создатели этих произведений — это продукт социальной и политической обстановки, их окружающей. Это особенно относится к лауреату данного года. Мы подчеркиваем это, так как есть тенденция, и не только на Западе, рассматривать лауреата данного года как какое-то исключение... Александр Солженицын родился в 1918 г. в Кисловодске, и он принадлежит к тому поколению советских писателей, которое росло и формировалось вместе с ростом Советского государства... Он сам заявлял, что не представляет возможной свою жизнь нигде, кроме своей родины... Книги его живут во всем мире, но их главная сила в том, что они отражают дух страны и ее судьбу. Солженицын продолжает несравнимые традиции русской литературы... У основания этих традиций мы видим фигуры гигантов, которые из страданий своего

народа черпали силы для выражения любви к людям, пронизывающей их творчество... В их произведениях мало идиллий или рецептов на будущее. Но они были готовы страдать за правду, жизнь страны давала им темы, но главной этической фигурой в них творчестве была мать-Россия. Она была в различных образах и носила разные имена. И мы узнаем ее в Матрене, имени, которое стало известно нам из рассказа Солженицына... иногда нужно время, чтобы оценить теплоту и глубину чувств писателя... Но для признания творчества Солженицына не требовалось много времени. Когда была опубликована его повесть «Один день Ивана Денисовича», это было восемь лет назад, люди узнали сразу, что в их стране и во всем мире заговорил писатель великой силы. «Повесть Солженицына напоминает толстовскую художественную силу... «В нашу литературу пришел писатель, наделенный редким талантом», — так писала в то время газета «Правда». И вряд ли кто-либо лучше, чем эта газета, смог объяснить силу писателя: «Почему не только горе сжимает сердце при чтении этой замечательной повести, но и свет проникает в душу? Это от глубокой человечности, оттого, что люди оставались людьми и в обстановке глумления»...»

После торжественного вручения Нобелевских премий король Швеции по традиции дает банкет в честь лауреатов. На этом банкете каждый лауреат (в 1970 г. их было 7 или 8, так как премии по науке разделили между собой по 2 или 3 ученых) произносит короткую речь, не больше 2—3 минут. А. И. Солженицын решил не нарушать этой традиции, и его речь была зачитана на банкете кем-то из присутствующих. Полученный в Швеции текст был следующим:

«Ваше Величество! Дамы и господа!

Я надеюсь, мое невольное отсутствие не омрачит полноты сегодняшнего церемониала. В черед коротких приветственных слов ожидается и мое. Еще менее я хотел бы, чтобы мое слово омрачило

торжество. Однако не могу пройти мимо той знаменательной случайности, что день вручения Нобелевских премий совпадает с Днем прав человека. Нобелевским лауреатам нельзя не ощутить ответственности перед этим совпадением. Всем собравшимся в Стокгольмской ратуше нельзя не увидеть здесь символа. Так за этим пиршественным столом не забудем, что сегодня политзаключенные держат голодовку в отстаивании своих умаленных или вовсе растоптанных прав».

Эта короткая речь была оглашена, но без последней фразы о голодовке политзаключенных. Организаторы банкета, по-видимому, сочли неуместным, чтобы образ голодающих и лишенных прав помешал торжественной радости роскошного королевского пиршества.

23. ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ДРУЗЕЙ И НОВАЯ ВОЛНА КРИТИКИ

Можно было надеяться, что после 10 декабря бурная реакция нашей печати на Нобелевскую премию Солженицыну начнет стихать. Текущее творчество писателя было посвящено исторической теме, и официальные «круги» могли отнести к нему спокойнее, чем к другим произведениям этого автора. Однако инерцию преследований уже нельзя было преодолеть. Возможно также, что был создан особый межведомственный «комитет», который занимался делами Солженицына. Членам этого «комитета» нужно было работать. Одной из форм такой работы была попытка создания вокруг писателя определенного человеческого вакуума путем преследования людей, проявляющих дружеские чувства к А. И. или положительно относящихся к его произведениям. Официальные «круги» хотели лишить Солженицына даже ограниченной общественной поддержки. Формы этой политики были разнообразны. Члену КПСС, открыто выражавшему одобрение творчеству Солженицына, можно было рассчитывать на возможность быстрого исключения из партии, причем без рассмотрения «личного дела» на партийном собрании. Так был, в частности, исключен из партии близкий друг А. И. Лев Копелев. Так исключили вскоре из партии мать второй жены А. И. Вторую жену А. И. уволили с работы в одном из московских институтов, причем это было сделано почти сразу после рождения сына, хотя по закону увольнения в период декретного отпуска запрещены. Стал объектом преследований и Мстислав Леопольдович Ростропович, предоставивший Солженицыну квартиру на своей даче. В ноябре 1970 г. М. Л. Ростропович написал в ЦК КПСС взволнованное письмо с просьбой прекратить несправедливое отношение к Солженицы-

ну, разрешить ему получение Нобелевской премии и положить конец травле в печати.

«... Я не касаюсь ни политических, ни экономических вопросов нашей страны, — писал Ростропович, — есть люди, которые разбираются в этом лучше меня. Но объясните мне, пожалуйста, почему именно в нашей литературе и искусстве так часто решающее слово принадлежит людям, абсолютно не компетентным в этом? Почему дается им право дискредитировать наше искусство в глазах нашего народа?!... Таланты, которые составляют нашу гордость, не должны подвергаться предварительному избиению. Я знаю многие произвенения Солженицына, люблю их, считаю, что он выстрадал право писать правду, как ее видит, и не вижу причин скрывать свое отношение к нему, когда против него развернута кампания».

Письмо Ростроповича быстро распространилось в самиздате и было опубликовано за границей. В связи с этим Министерство культуры СССР сразу отменило гастрольные поездки Мстислава Ростроповича в Финляндию и во Францию. Его, уже ранее объявленные в этих странах, концерты не состоялись. В дальнейшем были отменены и другие заграничные поездки М. Ростроповича.

Непосредственное сообщение об этих мерах исходило от министра культуры Е. Фурцевой, однако подобное отношение к М. Ростроповичу могло быть только результатом решения на более высоком уровне. Мстислав Ростропович, хотя он и выдающийся музыкант, не планирует зарубежные гастроли по собственному желанию. Они оформляются по тем же принципам, по которым организуются поездки театральных коллективов или ансамблей, и финансовые поступления от концертов в той или иной валюте получает государство. Сам артист получает какие-то проценты с этих поступлений, но основной доход идет в государственный фонд. Следовательно, отмена зарубежных гастролей М. Ростроповича, который неумоимо вы-

ступает в переполненных аудиториях, означает определенные потери в поступлениях иностранной валюты. Более того, отмена концертов, объявленных заранее, требует выплаты неустойки. Поскольку и в этом случае выплаты производятся в иностранной валюте, то контроль за такого рода операциями осуществляется не Министерством культуры, а Министерством финансов СССР. Все, что касается платежей в иностранной валюте, осуществляется только с ведома и согласия Валютного Управления Министерства финансов СССР. Министерство финансов СССР никогда не дает своего согласия на действия, связанные с потерями иностранной валюты, если эти действия не были одобрены вышестоящей инстанцией (Совет Министров СССР) или директивной инстанцией (ЦК КПСС).

Отмена гастролей М. Л. Ростроповича вызвала обширные комментарии зарубежной прессы, подчеркивавшей бессмысленность этой акции. Ростропович является настолько крупной фигурой в современном музыкальном мире, что его влияние распространяется на музыкальную жизнь всех цивилизованных стран. Концерты такого музыкального гения создают у слушателей не только чувства радости и благодарности по отношению к исполнителю, но и чувство благодарности стране, которая вырастила и *подарила миру* замечательного артиста. Но если правительство этой страны неожиданно решает прекратить зарубежные выступления такого музыканта, то от этого страдает лишь престиж правительства и престиж страны. Отмену зарубежных гастролей М. Ростропович использовал для более интенсивных гастрольных концертов в СССР. И всюду его встречали с удвоенной теплотой. Неожиданно приехал он с концертом и в Обнинск, где ему была устроена восторженная встреча. После концерта мы с женой навестили его в артистической комнате Дома культуры, где он отдыхал перед отъездом в Москву на небольшом автобусе. Он был очень возбужден бурным проявлением восторга и симпатий большой аудитории, которые, конечно, были связаны целиком с необыкновенным мастерством и талантом артиста. Но что-то, как чувствовал его тонкий слух, было вызвано и гражданской позицией. «Я теперь как

бы делю свою музыкальную деятельность на два периода, — в шутку сказал Ростропович, — *до письма в защиту Солженицына и после письма*». Вскоре, однако, распространились слухи о том, что и гастрольные поездки Ростроповича по Советскому Союзу будут ограничены.

Резко усилилось наблюдение за всеми личными контактами Солженицына, особенно за людьми, помогавшими ему в сборе материалов для литературной работы, и за теми, кого навещал А. И. для бесед о событиях Первой мировой войны. Хотя этим людям было уже по 75—80 лет, и их не оставляли в покое. Делалось все, чтобы общение с Солженицыным стало «опасным», чтобы все меньше и меньше людей были готовы на открытую поддержку и защиту писателя. Одновременно с этим критика А. И. в печати приобрела особенно резкий и грубый характер. 17 декабря 1970 г. в газете «Правда» появилась большая статья «Ницета антикоммунизма», автором которой был И. Александров. «И. Александров» — это псевдоним, который в последние годы появлялся в «Правде» несколько раз под статьями директивного характера. Например, именно «И. Александров» был автором статьи, критиковавшей политику руководства Чехословакии как раз накануне вступления союзных армий в эту страну. Новая статья «И. Александрова» содержала особенно острые характеристики творчества и деятельности Солженицына, перемешанные со стандартным набором угрожающих обвинений.

«... господа империалисты и их прислужники не гнушаются никакими приемами... до самых наглых и циничных подрывных действий, в клубке которых смешались агенты империалистических разведок, маститые профессора дезинформации и продажные писаки из буржуазной прессы... Активизация антикоммунистической, и, в первую очередь, антисоветской пропаганды явно нацелена на то, чтобы помрачить и отуманить сознание встревоженной общественности стран Запада, попытаться оттолкнуть ее от притягательных сил прогресса и свободы... Таковы

цели наших идейных врагов. Каковы же их средства? . . . Один из боссов американской пропаганды как-то поведал . . . в идеологической борьбе с коммунизмом нам нужна не правда, а подрывные действия: в такой войне потребуются все головорезы и гангстеры, которых мы можем заполучить тем или иным способом . . . Как видно дела у противников коммунизма оказались в столь плачевном состоянии, что им для выискивания антисоветчины приходится прибегать к услугам преступных элементов, разного рода отщепенцев, тунеядцев, проходимцев и жуликов и даже лиц, представляющих интерес только для психиатров . . . Терпя фиаско с подобного рода проходимцами и шизофрениками, глашатаи антикоммунизма решили прибегнуть к провокации масштабом покрупней и поднять шумиху вокруг имени А. Солженицына, с его молчаливого согласия. Пасквили Солженицына на советский народ — «Пир победителей», «В круге первом», «Раковый корпус», — очерняющие подвиги и достижения нашей Родины, достоинства советских людей, оказались подходящим материалом для раздуваемой на Западе очередной антисоветской кампании . . . Духовный внутренний эмигрант, чуждый и враждебный всей жизни советского народа, Солженицын был возведен империалистической пропагандой в сан «великого» русского писателя, а недавно он награжден Нобелевской премией. Нобелевский комитет пошел на поводу у антисоциалистических спекулянтов, которые подняли Солженицына не за «талант», а только за то, что он чернил советскую действительность . . . Такова грязная яма, в которую скатился Солженицын, исключенный из рядов Союза писателей СССР и осужденный советской общественностью . . .»

26 декабря резкая статья против Солженицына была опубликована газетой «Красная звезда», органом Вооруженных сил СССР. «А. Солженицын — это отщепенец, автор пасквилей на советский народ . . .» и т. д.

В январе 1971 г. журнал «Коммунист Вооруженных сил СССР» (№ 2) опубликовал статью полковника В. Сапунова «Литература и искусство — фронт идеологической борьбы». В этой статье было сказано, что Нобелевская премия присуждена Солженицыну «как Каинова печать за предательство своего народа». 12 февраля 1971 г. в «Правде» против Солженицына выступил Секретарь Союза писателей СССР Георгий Марков.

Пер Эгил Хегге, продолжавший выяснять через посольство Швеции возможности вручения Нобелевской премии в Москве, также стал объектом специальных мер. Либо по содержанию его статей в скандинавских газетах, либо по жалобе шведских дипломатов о его вмешательстве в дела Солженицына официальным органам стало что-то известно о его роли. В Норвегии посол СССР сделал Норвежскому МИД устный протест по поводу «антисоветских» публикаций Хегге. В Москве за Пер Хегге была установлена плотная слежка. За его машиной постоянно следовала оперативная «Волга» с одним и тем же номером, и оторваться от нее Пер Хегге не мог. (Оперативные машины такого рода имеют сдвоенный мотор и могут развивать бóльшую скорость, чем обычные «Волги». Кроме того, оперативная машина может не соблюдать правил движения, не останавливаться на красный свет и т. д. На машине лица, за которым следят, устанавливается незаметный транзисторный передатчик, по сигналам которого эта машина может быть быстро найдена, если ей удалось на время оторваться от преследования.) После нескольких дней жизни под непрерывной слежкой Пер Хегге опубликовал в западных газетах специальное заявление с протестом против помех, чинимых в его работе аккредитованного корреспондента. Это заявление передавалось по радио на русском языке. Пер Хегге указал и номер машины, которая непрерывно следовала за ним в Москве.

Публикация такого заявления была неосторожным шагом. В конце концов, слежка за иностранным корреспондентом не является чем-то новым или незаконным. Значительная часть иностранцев, имеющих в СССР дипломатический статус, предполагают наличие

за ними той или иной формы наблюдения и подслушивания. В таком же положении могут оказаться и советские представители в некоторых странах. Слежка, которой удостоился Пер Хегге, была особой, «грубой», или явной слежкой, организованной именно для того, чтобы вызвать протест с его стороны. Это был чисто психологический прием. При серьезной слежке не только в детективных романах, но и на практике принимаются специальные меры, чтобы сделать слежку незаметной. В этом случае по сигналам скрытого в машине транзисторного передатчика расположение машины может быть локализовано в любой точке города с помощью пеленгаторных станций, имеющихся в большинстве столиц мира в распоряжении полиции и служб безопасности. Оперативная машина не будет следовать за наблюдаемой в непосредственной близости и с одним и тем же номером. В багажнике у оперативных машин всегда есть серия запасных номеров.

Я решил предупредить Пер Хегге от дальнейших протестов и посоветовать ему не вступать в открытый конфликт с отделом печати МИД СССР, контролирующим работу иностранных корреспондентов. Я знал, что Пер Хегге удовлетворен работой в СССР и не собирался просить у своих газет другого назначения. Он, очевидно, думал, что нет никаких законных оснований для применения к нему столь крайней меры, как высылка из страны, тем более, что ответной мерой могла быть высылка из Норвегии и Дании аккредитованных там советских корреспондентов. По существующим соглашениям корреспондента могут выслать из страны не за содержание его статей и не за контакты с «нежелательными» гражданами, а лишь за деятельность, относящуюся к категории противозаконной (например, сбор сведений о секретных объектах, выезд в районы, закрытые для иностранцев, валютные операции и т. д.) Пер Хегге знал, что никаких правонарушений за ним не числится, и поэтому решил выступить с протестом, надеясь вынудить таким образом советские органы к прекращению раздражающей слежки. Это были наивные надежды.

В один из дней в феврале 1971 г. у меня была заранее назначена встреча с Пер Хегге. Он должен был

рассказать о результатах усилий Шведской академии по организации определенной церемонии вручения Нобелевской премии в Москве.

Я был уверен, что Пер Хегге придет на свидание без сопровождающих лиц. Оторваться от наблюдения не слишком сложно, если пользоваться не собственной машиной, а городским транспортом, особенно метро. Для этого есть несколько простых способов, и изобретательный человек всегда может придумать десяток новых, основанных на знании города. Среди русских революционеров, начиная от народовольцев в середине прошлого века и кончая большевиками, было строгое правило — приходить на свидания без «хвоста». Если такой возможности не было, свидание не происходило. Но в Норвегии уже столетия не было нелегальных революционных организаций и граждане этой страны, по-видимому, не знали таких традиций. Они слишком привыкли ездить в собственных автомобилях. Хотя от Кутузовского проспекта, где в иностранном «гетто» жил Пер Хегге, до места нашей предполагаемой встречи в одном из кафе было совсем недалеко, Пер Хегге приехал на своей машине. Он появился в кафе с небольшим опозданием и был сильно взволнован. «Меня уже «выдворили», — сказал он сразу, как только сел за столик. — Вчера я был вызван в отдел печати МИД, и мне предложили покинуть СССР к концу недели. За мной все время следят, я поэтому опоздал, но мне не удалось оторваться от слежки. Вон там у входа сел мужчина, он из той машины, которая следовала за мной».

Я стал спрашивать Пер Хегге о причинах высылки, они должны были основываться на каких-то реальных обвинениях. Пер Хегге рассказал, что ему были предъявлены два «случая» противозаконной деятельности, но оба были ложными. Один советский журналист, хороший знакомый Пер Хегге, заявил о том, что Пер Хегге продал ему шведский проигрыватель по спекулятивной цене (обвинение в спекуляции или валютной операции). Это была ложь. Советский журналист, неоднократно бывавший дома у Пер Хегге, стал упрашивать его продать проигрыватель. Пер Хегге неудобно было отказать знакомому, но он про-

дал этот проигрыватель строго по номинальной цене, что было намного дешевле комиссионной стоимости такого проигрывателя в СССР. Второе заявление поступило от старика-отца арестованного за что-то еврея. Отец писал, что Пер Хегге оказал на его сына плохое влияние. Это также была ложь, старику, очевидно, обещали смягчение участи сына. В этот период, в начале 1971 г., евреи, выразившие желание уехать в Израиль, подвергались гонениям. В результате этого они по собственной инициативе стремились к встречам с иностранными корреспондентами в Москве, и такие встречи были почти у каждого аккредитованного в Москве корреспондента. Пер Хегге был гораздо меньше других корреспондентов вовлечен в т. н. «еврейский вопрос», так как он был представителем сравнительно малоизвестных скандинавских газет. Но даже и в случае правдоподобности предъявленные обвинения были слишком слабыми для применения столь ответственной меры, как высылка. В таких случаях по отношению к другим корреспондентам, например, при продаже подержанного автомобиля, применяется «предупреждение». Даже выступления в советских газетах групп граждан, протестовавших против статей некоторых иностранных журналистов по «еврейскому вопросу» и требовавших их высылки из СССР, не приводили к применению реальных репрессивных мер. И мне, и самому Пер Хегге было очевидно, что примененные санкции были связаны с его вмешательством в решение проблем Нобелевской премии. Я просил Пер Хегге не настаивать на ответных мерах норвежского МИД и не требовать высылки из Норвегии советского корреспондента, чтобы не раздражать еще больше противников Солженицына. Пер Хегге обещал передать своим газетам этот совет. Но он сказал, что к осени он обязательно напишет большую статью или книгу о всех аспектах его участия в истории с попыткой организации вручения Нобелевской премии и о позиции в этом деле шведских дипломатов. «Шведские дипломаты, — сказал Пер Хегге, — просили меня не писать ничего об этом, но я обещал им, что эти сведения не будут оглашены до тех пор пока мне не представится возможность писать воспоминания. Несправедливо об-

виненный и высланный журналист по нашим традициям имеет право на публикацию воспоминаний. Так что советский МИД сделал шведскому посольству очень плохую услугу». В достоверности этих слов я имел возможность убедиться через несколько месяцев. По вопросам, поднятым в книге Пер Хегге, опубликованной осенью 1971 г., были бурные прения в шведском парламенте, и объяснения давал премьер-министр Швеции г-н Пальме. Объяснения эти, кстати, никого не удовлетворили.

Пер Эгил Хегге стал прощаться со мной, может быть, и навсегда. «Выдворенный» из СССР корреспондент уже не мог рассчитывать на получение когда бы ни было даже туристической визы. Между тем, я думал о другом. Пер Эгил Хегге сейчас уедет на своей машине, а меня, может быть, задержат «для выяснения личности». Поскольку Пер Хегге предъявлены какие-то обвинения, есть юридические основания и для допроса тех, кто с ним общается, особенно в последние дни. А мне совсем не хотелось оказаться «задержанным». Я объяснил это Пер Хегге, и мы решили, что я тоже поеду вместе с ним и выйду из машины где-нибудь по дороге, после того как он постарается оторваться от оперативной «Волги». Мы поехали через центр к улице Горького, затем свернули на бульвар, а потом в темные переулки. Пер Хегге, прекрасно управлявший машиной, быстро петлял из переулка в переулок. Машина опер-группы все время следовала за нами. Но на одном из перекрестков, где не было светофора, она затормозила, чтобы избежать столкновения с грузовиком, который проехал сзади нас в другом направлении. Пер Хегге сразу свернул в другой переулок и затем выехал на Садовое кольцо. Сзади никого не было. В этом месте мы проезжали мимо станции метро «Маяковская». Я попрощался с Хегге, быстро вышел из машины и вошел в метро, смешавшись с толпой. После нескольких рейсов в метро было очевидно, что за мной нет наблюдения.

А. И. Солженицын и Ж. А. Медведев, октябрь 1968 г.

24. НОВЫЙ РОМАН — «АВГУСТ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО»

Среди бурных и сложных событий 1968—70 гг. главное было в том, что А. И. смог, отвлекаясь от всех неприятностей жизни, написать новый большой роман, начав им широкое эпическое историческое повествование, которое уже с юности он считал главной целью своего литературного творчества. Вторую редакцию романа А. И. закончил осенью 1970 г., еще до Нобелевской премии. При этом он принял специальные меры для того, чтобы новый роман не стал достоянием самиздата и не был захвачен для пиратского издания за рубежом.

Затем А. И. направил специальные письма в 7 советских литературных журналов и издательств, в которых сообщал об окончании им романа «Август Четырнадцатого». У А. И. был в это время только один, «первый» машинописный экземпляр и несколько копий. Издательства принимают от авторов обязательно «первый» экз. и копию, и А. И. был готов сразу послать два экземпляра в то издательство или в тот журнал, которые согласятся только лишь попросить рукопись для предварительного рассмотрения, не обещая обязательного издания. Однако все семь писем автора остались без ответа. Мне рассказывали, что в ленинградском журнале «Звезда» хотели ответить на письмо А. И., хотя бы просто для того, чтобы прочитать новый роман в стенах редакции. Но, в конечном итоге, редактор журнала не получил разрешения даже на простую переписку с Солженицыным.

После этого у А. И. было три возможности. Во-первых, он мог спрятать роман, в надежде, что в будущем настанут лучшие времена. Во-вторых, можно было раздать копии рукописи для бесконтрольного чтения, и они были бы подхвачены самиздатом и опубликованы затем где-нибудь в «Гранях» или в

«Посеве». В-третьих, можно было заключить через адвоката обычный договор с серьезным издательством и обеспечить авторские права «копирайтом», а переводы на другие языки серьезными и хорошими переводчиками, стремящимися не к торопливому изданию, а к адекватной передаче авторского текста.

Первый вариант был неприемлем. Писателю нужен читатель, в этом весь смысл творчества. Тем более, что лучшие времена могли оказаться и за пределами жизни нашего поколения. Второй вариант также был неприемлем для «Августа Четырнадцатого». Отдавать этот роман торопливым, безответственным переводчикам было бы неправильно. Зарубежное издание на русском языке, принадлежащее какому-то независимому издательству, могло иметь определенное распространение и в СССР, издание же в «Гранях» или в «Посеве» могло быть опасным для тех, кто смог бы достать эти журналы. Книгу с грифом «Посев» никто не поставит открыто на книжную полку. Оставался, следовательно, третий вариант, который и был выбран А. И.

Фриц Хееб заключил договор на немецкое издание романа с издательством «Люхтерханд» и на русское зарубежное издание с небольшим независимым издательством «ИМКА-Пресс», находящимся во Франции. Право на издание романа на английском языке было предоставлено издательству «Бодли Хед Лимитед». Переводы романа могли увидеть свет не раньше 1972 г., а русское издание ИМКА-Пресс вышло тиражом в 20.000 экземпляров уже в июне 1971 года. Книга разошлась очень быстро, и в конце 1971 г. было готово и второе издание.

За рубежом живет около 6—7 миллионов русских, а кроме того, книгу иногда привозили в СССР туристы и советские граждане, командированные по тем или иным делам за границу. А. И. дал мне один экземпляр рукописи в июне, уже после известия о выходе русского издания во Франции. В начале июня я достал и вариант ИМКА-Пресс. С конца июня «Август Четырнадцатого» стал распространяться и в самиздате, но наличие у автора «копирайта» на русское издание

и на переводы создавало преграду для «пиратских» изданий за границей.

Издание «Августа» за рубежом имело для автора и серьезный творческий смысл. Эта книга была только началом серии романов о Первой мировой войне. Сбор материалов о России того периода представлял большие трудности. В русской эмиграции 1917—1922 гг. было много людей, чьи архивы и воспоминания могли иметь большую ценность для работы А. И. Этот материал автор и надеялся привлечь публикацией за рубежом первой книги, или «Узла первого». Обращение о присылке в издательство для автора этих материалов с указанием географических пунктов, входивших в замысел последующих «Узлов», содержалось в авторском «Послесловии» к первому узлу.

Чтение «Августа» произвело на меня очень большое впечатление, несравнимое, однако, с особым эмоциональным возбуждающим чувством, производимым на читателя прежними произведениями Солженицына. Все другие работы А. И. были посвящены событиям, которые еще очень ярко и непосредственно воспринимаются читателями среднего и старшего поколений. Они оживляют неугасшие воспоминания, вызывают острую и сложную гамму чувств и переживаний, у одних воскрешают события собственной жизни, других заставляют вспомнить о судьбе отцов, братьев, сестер, мужей, жен и друзей. Такова наша история, что я не знаю никого, кто бы не ассоциировал судьбу героев Солженицына с судьбой близких ему людей. Поэтому многие читали книги Солженицына по несколько раз, вчитываясь в одни и те же события, забывая и не замечая от остроты внутренних переживаний ни тонкой шлифовки стиля, ни новаторства в языке, ни выпуклости образов. Ощущение жизненной правды поглощало все, а литературная критика объясняла нам потом в специальных статьях то, что не было замечено при таком эмоциональном восприятии.

«Август Четырнадцатого» рождал живые воспоминания лишь у тех, кому сейчас 77—80 лет. Люди более молодого возраста могли читать этот роман как исто-

рический, медленнее и спокойнее. Да и сам широкий размах романа, его спокойная обстоятельность, множество действующих лиц, художественная выразительность, новизна языка, богатство литературных открытий способствовали восприятию этой книги, прежде всего, как произведения искусства, написанного автором безусловно классического уровня.

Поскольку я сам не литературный критик даже в любительском смысле, то квалифицированный разбор подобного произведения мне не под силу. Я могу говорить лишь о личном впечатлении, и мои оценки не имеют серьезного значения для профессиональных критиков. Но обсуждая роман с друзьями, часто намного более компетентными в проблемах литературного искусства, я записал вкратце несколько мнений, которые привожу здесь хоть и отрывочно, но объективно, не скрывая и ряда критических замечаний. Эти мнения принадлежат разным людям.

А.: «... Испытываешь, ощущение радости от общения с настоящей русской литературой. Мы ведь отвыкли от литературы, питаемся суррогатами... Какое богатство языка, десятилетия будут изучать филологи, сколько открыто новых возможностей в русском языке, и сколько забытого вновь оживет... Другие писатели, когда сочиняют, то как бы кладут кирпичи, собирают по деталям. Солженицын же лепит фразы и образы из горячего пластичного материала, слепил фразу или выражение, и чувствуется, что лучше и не скажешь...»

Б.: «... Удивительно добросовестное изучение военной стратегии сражений в Восточной Пруссии... Но слишком много героев, особенно генералов, трудно следить за всеми... Неожиданно тепло пишет о немцах и о Восточной Пруссии... Слишком отрицателен образ социал-демократа-пораженца... Воротынцев, напротив, имеет слишком много положительных качеств... Наиболее удачен образ Самсонова. По описаниям видишь, ощущает выпукло все: природу, обстановку, людей...»

В.: «... Прочитал 100 страниц и застрял, все время спотыкаешься о какие-то новые, никому не нужные слова, анахронизмы. Какие-то значки, на которые нужно обращать внимание, а о них забываешь сразу. Зачем-то киносцены и почему-то «широким экраном», зачем этот гибриды прозы и сценария? ... Слишком выражено стремление обратить внимание на форму, а читатель должен быть поглощен действием, содержанием романа ...»

Г.: «... Как будто побывал в Русском музее. Нужно пройти снова и теперь рассмотреть все более внимательно ...»

Д.: «... Самое лучшее в романе — его язык, необычайно яркий, сжатый, полный неожиданных открытий, новых словообразований, обогащающих литературу, создающих неповторимый солженицынский стиль. Некоторые новые слова заставляют остановиться, обдумать их. Есть, видимо, и неудачные, но их мало. Что бы ни говорили о романе, но он продвигает русский язык дальше, чем это удавалось сделать любому из писателей двадцатого века. Присуждение Нобелевской премии Солженицыну безусловно не случайность ... Роман требует не только отзывов и рецензий, но глубокого изучения с разных сторон, в нем проявился литературный талант огромной силы ...»

Е.: «... Солженицын дает в романе разрез русского общества в 1914 году. Он с любовью изображает крестьян, солдат, интеллигенцию. Положительны образы русских офицеров, даже предпринимателей, например, Томчака. Но в романе нет рабочих, рабочего класса. Образы революционеров отрицательные. С особым негодованием показаны образы большинства генералов, особенно членов царской семьи, правительственной верхушки, бездарной, глупой, ничтожной ...»

Ж.: «... Ленартович в романе — социал-демократ и пораженец. Но пораженцами были в ту

войну только большевики. Ленартович — единственный трус среди офицеров. Но ведь поражение в лозунгах большевиков не означало трусости на фронте. Директива для большевиков-фронтовиков была другая, нужно было завоевывать симпатии солдат смелостью и умением воевать, чтобы руководить превращением войны империалистической в войну гражданскую. Одно дело — общий тезис о поражении, выдвинутый Лениным, другое дело — конкретная обстановка на фронте. В разговоре Ленартовича с врачом этот «социал-демократ» без всякого сочувствия относится к страданиям солдат. Но настоящий социал-демократ не может иметь такой черствости к судьбе простых людей».

З.: «... Выразителей идей и мыслей самого автора в книге, очевидно, несколько... Это видно по той симпатии, с которой они обрисованы. Но у них в диалогах нет достойных оппонентов, они спорят с мальчишками, либо с дураками... А вот если противопоставить им ветеранов революционного движения, настоящих теоретиков или публицистов, людей ярких, типа Плеханова, Мартова, Красина, Луначарского. Тогда диалог был бы интересней... Революционеры сначала воздействовали на массы словом, ораторским искусством. Террор вошел в употребление значительно позднее...»

И.: «... Военные сцены показаны превосходно, грандиозно, с абсолютным доверием к точности изображаемого действительным событиям. Лучшего описания стратегической и тактической обстановки трудно ожидать даже от профессора военного искусства...»

К.: «... Солженицын, может быть, и не одобряет разрушительной тенденции революции. Он видит силу общества в сохранении традиций, преемственности, культурного наследия прошлого. Но как великий художник Солженицын показал неизбежность революции в России и полное разложение монархии и всей верхушки общест-

ва . . . Он показал огромную потенциальную силу народа, хотя и темного, неграмотного, угнетаемого, религиозного. Тот слой, которому автор, по-видимому, сочувствует, — инженеры, грамотное офицерство, учительство, даже предприниматели, использующие технические достижения, — этот слой слишком тонкий, слабый, неорганизованный. Этим носителям культуры и экономического развития явно не удержать народ и солдат, когда они в гневе двинутся против прогнившей монархии . . .»

Л.: « . . . Русскую историю многие годы фальсифицировали и тенденциозно изменяли не только историки, но и писатели. И хотя автор написал роман о далеком прошлом, его будут критиковать хотя бы за то, что он решился на правдивое и реалистическое изображение истории. Ведь о скольких жестоких и беспощадных насилиях прошлого нам сказано забыть . . .»

М.: « . . . Сравнение с «Войной и миром» Толстого возникает неизбежно. В эпическом плане эти романы, с учетом того, что Солженицын напишет продолжение «Августа», можно будет сопоставлять как своеобразные, но равные произведения . . . , конечно, принимая во внимание различие эпох, в которые работали авторы . . . Толстой, по-видимому, был более субъективным в освещении событий, легче относился к исторической достоверности. Образы Кутузова и, особенно, Наполеона совершенно не соответствуют историческому облику этих людей . . . Нельзя забывать и того, что Толстой работал в собственном обширном имении или в большом особняке в Москве, а Солженицын писал, прячась в чужих квартирах и перед закрытыми архивами . . .»

Цитирование таких высказываний о романе Солженицына можно было бы продолжить на много страниц.

«Август Четырнадцатого» безусловно признавали выдающимся произведением, свидетельством дальнейшего развития и совершенствования таланта писателя.

По странной иронии судьбы именно *четырнадцатого августа*, но уже 1971 г., отдыхая на Балтийском море, совсем недалеко от тех, мест, которые когда-то были Восточной Пруссией и описаны в романе, я услышал в передачах по радио из-за границы о резком протесте Солженицына по поводу налета группы работников не то милиции, не то других органов на дачный домик писателя и избиения там друга Солженицына Горлова, приехавшего на дачу по просьбе неожиданно заболевшего писателя. Протест был направлен Председателю КГБ тов. Андропову.

25. КОНЧИНА АЛЕКСАНДРА ТРИФОНОВИЧА ТВАРДОВСКОГО

Состояние Александра Трифоновича Твардовского врачи признали безнадежным осенью 1970 г. Но он продержался больше года. Весной и летом 1971 г. Солженицын несколько раз навещал Александра Трифоновича и оставил ему для прочтения полный текст «Августа». В ноябре 1971 г. состояние Твардовского ухудшилось, и его вновь поместили в Кремлевскую больницу. В ночь на 18 декабря Александра Трифоновича не стало. Об этом сначала сообщили зарубежные радиостанции, а затем и советские. И хоть печальная эта весть не была для друзей Твардовского неожиданной, чувство внезапной потери было очень острым. Смерть Твардовского была поворотным пунктом целого периода культурной жизни страны. Его искренно и горячо любили все, кто разделял его идеи и намерения, его уважали те, кто стоял в литературе на других позициях, с ним считались и те, кто был против него. Твардовский был замечательным поэтом, но сила его была не только в этом. Он был бескомпромиссным защитником настоящей литературы и выдвинул и поддержал очень много новых талантов. Солженицын был среди них хоть и наиболее яркой, но далеко не единственной звездой. Твардовский глубоко верил, что настоящий коммунизм может сочетаться со свободой творчества, с разнообразием направлений, что нужные народу и партии литературные направления должны развиваться в соревновании, в сравнении, под влиянием литературной критики и дискуссий, а не под воздействием безликой и секретной цензуры. «Нам не нужна та свобода печати, какая есть на Западе, — сказал он как-то в одной из бесед, — нам хотя бы ту свободу творчества, какая была у нас в собственной стране в двадцатые годы». У Твардовского было редкое, уникальное чувство ответственности не только

перед живыми, окружавшими его людьми, *перед народом*, как принято выражать это понятие, противоположное эгоизму, личному, групповому или даже партийному, но и перед мертвыми, погибшими, замученными, отдавшими свою жизнь за идеалы, которые еще не были осуществлены. Это особое чувство с наибольшей силой выражено в его последней поэме «По праву памяти», в том введении, которым начал автор свою исповедь.

Смыкая возраста уроки,
Сама собой приходит мысль —
Ко всем, с кем было по дороге,
К живым и павшим отнестись.
Она приходит не впервые.
Чтоб слову был двойной контроль:
Где, может быть, смолчат живые,
Прервут ушедшие: — Позволь!
Перед лицом минувших былей
Не вправе ты кривить душой, —
Ведь эти были оплатили
Мы платой самую большой.

.
.
А я — не те уже годочки —
не вправе я себе отсрочки
Предоставлять.

Гора бы с плеч —
Еще успеть без проволоочки
Немую боль в слова облечь.

И вот не успел Твардовский выполнить эту задачу. Только начал этой, запрещенной цензурой поэмой он новый этап своей поэтической жизни, и тут настигла его тяжелая болезнь и смерть.

Опубликованный в газетах некролог был подписан всеми членами Политбюро ЦК КПСС, членами Правления ССП и руководителями других творческих союзов. Некролог отдавал должное Твардовскому и как поэту, и как общественному деятелю, и как главному редактору «Нового мира». В других статьях, которые были опубликованы в газетах в память о поэте, даже

в «Литературной газете» и в «Литературной России», об общественной деятельности Твардовского не говорилось, и не упоминалась его деятельность на посту редактора «Нового мира». Даже Чингиз Айтматов, талантливый писатель, очень многим обязанный Твардовскому именно как редактору, несколько лет работавший вместе с ним в редакционной коллегии «Нового мира», в своей статье «Склоняю голову» говорил только о поэте. Это не могло быть случайностью. Цензура не имела возможности изменить официальный некролог, но она ставила ограничения проявлению чувств отдельных авторов. Никто не упомянул и поэму «Теркин на том свете», хотя вообще о «Теркине» говорили все. И ни в одной газете, ни в одном из траурных объявлений не сообщалось о том, где будут происходить панихида, прощальный митинг и похороны. Было решено, по-видимому, избежать слишком большого стечения народа.

От общих друзей я узнал, что панихида и прощание состоятся в Центральном доме литераторов (ЦДЛ) на улице Герцена. Мне сказали, что траурная церемония начнется в 12 часов дня 21 декабря, но, что лучше приехать раньше, так как к 12 часам в зале уже не будет свободных мест. В 11 часов жена и я приехали в ЦДЛ. Доступ для прощания был открытым, но присутствие на панихиде и на траурном митинге разрешалось только членам Союза советских писателей. Гардероб ЦДЛ обслуживал входящих по предъявлению удостоверения ССП, а в зале у каждого ряда стульев дежурили дружинники, не разрешавшие людям, одетым в пальто, оставаться в зале. Можно было лишь в общем потоке проходить мимо гроба. Этот порядок был, конечно, правильным, поток людей был многотысячным, а мест в зале, где должен был состояться и митинг, было не больше 600. Пройдя два раза в общем потоке людей мимо гроба, усыпанного цветами, мы нашли друзей, которые помогли нам раздеться. Среди пришедших раньше всех были члены бывшей редколлегии «Нового мира» и бывшие сотрудники редакции. Они стояли группой недалеко от выхода из зала, и поток людей, прощаясь с Твардовским, проходил и мимо них.

Солженицын также пришел в ЦДЛ намного раньше других, когда зал был почти пустым. Друзья отвели его в одну из комнат ЦДЛ и там оставили его шубу. В зале жена и дочери Твардовского пригласили А. И. сесть рядом с ними в первом ряду.

Два часа мимо гроба шел поток людей под звуки траурной музыки. Затем двери переполненного зала были закрыты и начался траурный митинг, который открыл Секретарь Московского отделения ССП С. С. Наровчатов. Среди выступавших на коротком митинге не было ни одного действительно близкого покойному литератора. Все речи были подготовлены заранее, они прошли сквозь фильтр цензуры, так, чтобы не упоминать о последних 10 годах жизни и деятельности поэта, о его журнале, о его публицистике, о его гражданском мужестве, о «Теркине на том свете». Ораторы признавали лишь Твардовского-поэта и при этом автора строго определенного списка произведений. Когда Наровчатов объявил о закрытии траурного митинга и попросил покинуть зал всех, кроме родных и близких покойного, в центре зала вдруг встала молодая женщина.

«Почему вы закрываете митинг так быстро, — воскликнула она так, что всем было слышно, — неужели никто не скажет, что мы хороним здесь нашу гражданскую совесть! — Что Твардовский был насильно отстранен от любимого дела, что его вынудили уйти из «Нового мира», что его последняя поэма не была напечатана! — Что ему закрыли рот раньше, чем он закрыл его сам!» После этой короткой речи начался шум и крики дружинников, пытавшихся заглушить возможное продолжение. Но женщина уже проталкивалась к выходу, набросив на голову платок. Вскоре она смешалась с толпой, выходящей из зала. Никто ее не остановил. Очевидно, она ушла из ЦДЛ без помех. В последующем близкие Твардовского так и не узнали имени этой женщины.

Когда все ушли из зала, А. И. остался у гроба вместе с семьей Твардовского, а затем вместе с группой родных покойного поехал на Новодевичье кладбище. Для членов ССП, пожелавших поехать на кладбище, к ЦДЛ подавались автобусы. Была сырая морозная

погода, и я уговорил свою простуженную жену вернуться домой, а сам сел на троллейбус, который имел остановку недалеко от Новодевичьего кладбища. Когда троллейбус стал приближаться к этой остановке, со своих мест встали очень многие. По-видимому, они также направлялись на похороны поэта. Но троллейбус почему-то проехал мимо остановки, даже не затормозив. Пассажиры начали громко требовать остановки, но водитель объявил в громкоговоритель... «Не волнуйтесь, товарищи! Остановка возле кладбища сегодня временно отменена, здесь какие-то похороны». «Но мы едем на похороны, — возмутились пассажиры, — остановите троллейбус хотя бы недалеко от монастыря». Но троллейбус двигался без остановки, и двери открылись только тогда, когда мы приехали на стадион в Лужниках. Отсюда до кладбища было около 15 минут пешком. Но у всех подходов к Новодевичьему монастырю и кладбищу были переносные заборчики и стояли многочисленные наряды милиции. На противоположной стороне улицы подходы к кладбищу от станции метро перекрывала цепь солдат, наверное, не меньше роты. Я попытался подойти к одному из заборчиков, в котором был сделан узкий проход, охранявшийся нарядом милиции. Меня сразу остановили, попросив удостоверение Союза писателей. Я показал милиционеру паспорт. «Это нам не нужно, — ответил лейтенант милиции, — у нас есть инструкция пропускать только по билетам Союза писателей и Союза журналистов». «Что за ерунда, — возмутился я, — похороны поэта должны быть открытыми, Твардовский мой друг, и я знаю его уже почти десять лет». Но все протесты были бесполезными. Тогда я, разозлившись, прошел мимо лейтенанта, направляясь к воротам кладбища и не оборачиваясь на крик или распоряжение. Ко мне подбежали, схватили за руки и вернули за барьер с угрозами. А за барьером была уже толпа, человек 50, и все пришли на похороны. Молодые люди кричали, что они с филологического факультета, что Твардовский — «народный поэт».

Какой-то пожилой мужчина упрашивал лейтенанта пропустить его, уверяя, что он знал Твардовского еще в Отечественную войну.

— Такого безобразия не было даже на похоронах Пушкина! — закричал кто-то. — А вы что, там присутствовали? — спокойно ответил милиционер.

Убедившись, что мне здесь не пройти, я перешел на противоположную улицу, не доходя до цепи солдат. В ворота кладбища пропускали только организованные группы, подъехавшие на автобусах. Неожиданно к воротам стала подходить группа школьников с учителем, человек тридцать. Поэзию Твардовского изучают в курсе советской литературы в старших классах, и поэтому организаторы похорон предусмотрели, чтобы на кладбище прибыл какой-нибудь школьный класс. Я быстро перебежал улицу и смешался с этими подростками. Милиционеры у входа меня не остановили. Когда я подошел к месту погребения, короткий прощальный митинг был уже закончен и гроб заколачивали. Вокруг вырытой могилы было около 200—250 человек. Подойти к вырытой могиле, чтобы по русскому обычаю бросить горсть земли собственной рукой, было невозможно. Незнакомый мужчина с землей в полиэтиленовом пакете уговаривал стоящих впереди пропустить его к могиле. И перед ним расступались. Я спросил, что он несет. — Это земля с родины Твардовского, смоленская земля, с холма над братской могилой павших за освобождение Смоленска. Его называют «холмом героев». — И он стал проталкиваться дальше, чтобы посыпать гроб и этой землей родины.

По русскому обычаю поминки устраиваются после похорон и на девятый день после смерти. На сороковой день после смерти также родные и близкие приходят на могилу и вспоминают покойного. А. И. Солженицын к *девятому дню* написал короткое «Поминание», которое быстро распространилось в списках и было опубликовано во многих зарубежных газетах и журналах.

«Есть много способов убить поэта.

Для Твардовского было избрано: отнять его детище, его страсть — его журнал.

Мало было шестнадцатилетних унижений, смиренно сносимых этим богатырем, — только бы продержался журнал, только бы не прервалась

литература, только бы печатались люди и читали люди. Мало! — и добавили жжение от разгона, от разгрома, от несправедливости. Это жжение прожгло его в полгода, через полгода он уже был смертельно болен и только по привычной выносливости жил до сих пор — до последнего часа в сознании. В страдании.

Третий день. Над гробом портрет, где покойному близ сорока, и желанно-горькими тяготами журнала еще не борожден лоб, и во все сиянье — та детски озаренная доверчивость, которую пронес он через всю жизнь, и даже к обреченному, она возвращалась к нему.

Под лучшую музыку несут венки, несут венки... «От советских войнов»... Достоинно. Помню, как на фронте солдаты все сплошь отличали чудо чистозвонного «Теркина» от прочих военных книг. Но помним и: как армейским библиотекам запретили подписываться на «Новый мир». И совсем недавно за голубенькую книжку в казарме тягали на допрос.

А вот и вся нечетная дюжина СЕКРЕТАРИАТА вывалила на сцену. В почетном карауле те самые мертво-обрызгшие, кто с улюлюканьем травили его. Это давно у нас так, это — с Пушкина: именно в руки недругов попадает умерший поэт. И расторопно распоряжаются телом, вывертываются в бойких речах.

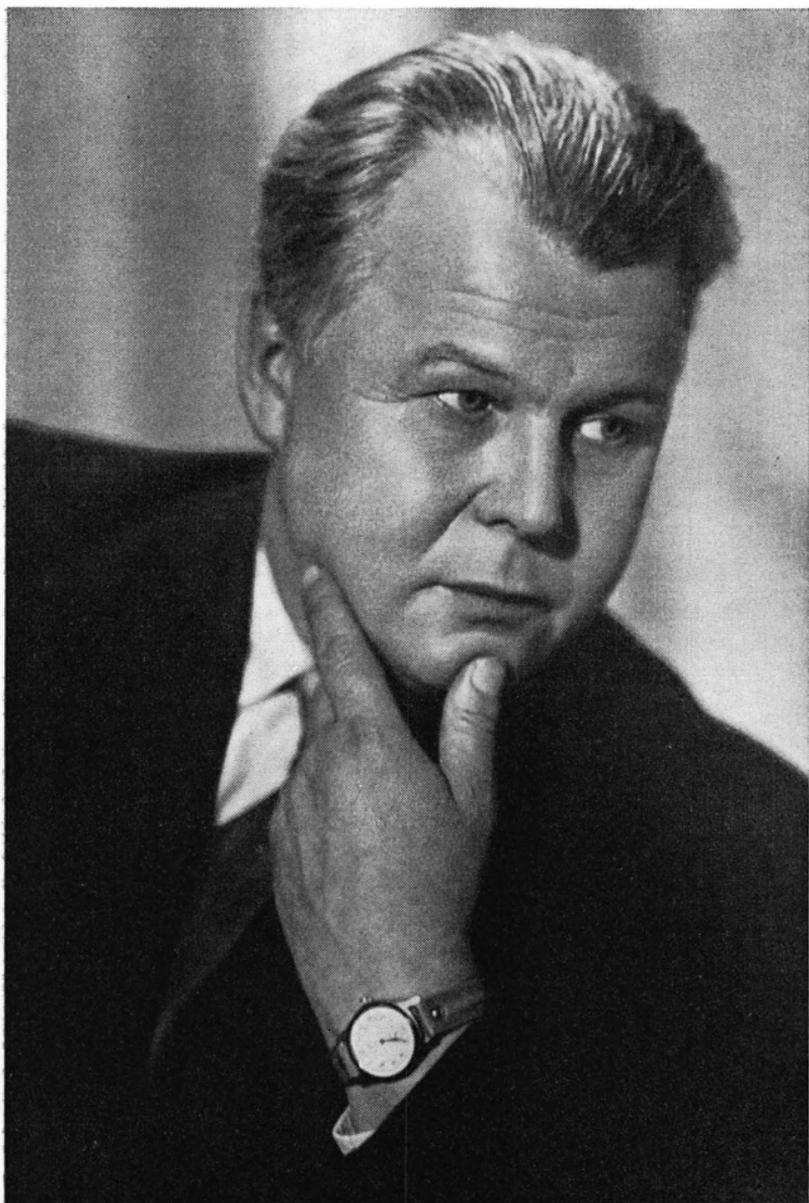
Обстали гроб каменной группой и думают — отгородили. Разогнали наш единственный журнал и думают — победили.

Надо совсем не знать, не понимать последнего века русской истории, чтобы видеть в этом свою победу, а не просчет непоправимый.

Безумные! Когда раздадутся голоса молодые, резкие — вы еще как пожалеете, что с вами нет этого терпеливого критика, чей мягкий увещательный голос слушали все. Вам впору будет землю руками разгребать, чтобы Трифоныча вернуть. Да поздно».

На сороковой день после смерти Твардовского, в конце января 1972 г., довелось мне быть в Москве, и я решил навестить могилу поэта. Возле монастыря купил букет цветов и прошел в дальний угол Новодевичьего кладбища, где был похоронен Александр Трифонович. Недалеко от его могилы была тоже свежая, еще без памятника, могила Н. С. Хрущева. Где-то здесь похоронен и бывший помощник Хрущева В. С. Лебедев, когда-то читавший ему вслух «Один день Ивана Денисовича». Умер Лебедев совсем не старым человеком, недолго прожив после отставки Хрущева. Могила Твардовского была на два человеческих роста большим холмом покрыта венками из цветов. Были возле портрета и свежие букеты, замерзшие на морозе. Очевидно, родные приходили утром. Постоял я минут десять возле могилы, вспоминая незабываемые, хоть и редкие, наши беседы, и повернулся уходить. И увидел приближающихся знакомых сотрудников «Нового мира», вернее старого «Нового мира». Подошли трое, положили цветы, поздоровались со мной без слов. Через несколько минут подошли еще несколько человек — и все бывшие «новомирцы». Затем появились с цветами пять или шесть человек, которых я не знал, переговариваясь шепотом. Уходя с кладбища, мы познакомились, — это были хорошо известные авторы «Нового мира», прекрасные писатели, которых Твардовский привлек в журнал. Один из бывших сотрудников журнала, самый старший из всех, пригласил нас в гости на поминки и по Твардовскому, и по его журналу. В небольшой комнате, за наскоро собранным столом оказалось человек 15. Я был единственным, не имеющим отношения к художественной литературе. Поэтому и не берусь описывать то, что было сказано за этим столом о покойном поэте. Кто-нибудь сделает это лучше меня.

Когда-то, совсем недавно, Твардовский объединял всех этих талантливых людей вокруг журнала, который был гордостью русской литературы. Теперь журналом заправляли Косолапов и Таурин, а славная плеяда друзей Твардовского была разбросана по разным редакциям и учреждениям. Двое из собравшихся были на пенсии. Уже к концу грустной беседы встал

Александр Трифонович Твардовский, 1965 г.

Похороны А. Т. Твардовского
Первый ряд: В. Я. Лажин, вдова Твардовского, А. И. Солженицын
Второй ряд: дочь Твардовского с мужем

один, любимый всеми литератор. «А ведь как глубоко предвидел все Александр Трифонович... Помните, на заседании редакции, когда уж ясно было, что сгущаются тучи, сказал он: «Хотят погасить наш костер. Но он такой яркий, что не задуть его и не залить водой. Чтобы погасить его, придется им, наверное, разбросать все горящие головешки в разные стороны. Тогда и погаснет»».

26. «ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА» НАЧИНАЕТ МЕЖДУНАРОДНУЮ КАМПАНИЮ

Роман «Август Четырнадцатого», опубликованный вскоре после присуждения Солженицыну Нобелевской премии, сильно укреплял литературные позиции писателя. Поэтому где-то «наверху» было решено усилить критику, «разоблачить» любыми средствами его новое произведение. Кроме того, на различных собраниях пропагандистов и на закрытых лекциях стали обвинять Солженицына в аморальном поведении, в искаженной форме рассказывая детали разрыва А. И. с первой женой Н. А. Решетовской. (В осуществлении развода А. И. встретил несомненно организованные трудности. Опять-таки где-то «наверху» всячески препятствовали оформлению нового брака, несмотря на реальное возникновение у А. И. новой семьи и рождение сына. По-видимому, этим хотели предотвратить переезд А. И. в Москву, где жила его вторая жена Н. Д. Светлова.) На этих же собраниях снова зачитывались отрывки из «Пира победителей». В конце 1971 — начале 1972 г. КГБ проводило серию обысков на квартирах у ряда представителей интеллигенции в Москве, Ленинграде, Киеве. При этом среди прочих материалов все обнаруживаемые рукописные копии произведений А. И. Солженицына конфисковывались. Во время обыска у моего давнего знакомого С. Мюге были конфискованы два экземпляра «Августа». В октябре 1971 г. был произведен юридически не обоснованный обыск на квартире моего брата Р. Медведева. Был конфискован его личный архив и ряд рукописей. Среди них была конфискована рукопись пьесы Солженицына «Олень и шалашовка». В 1963 г. эту пьесу уже репетировал один московский театр, но потом она была снята. Конфискация произведений А. И. при обысках не могла быть случайной. Это говорило о том, что КГБ или органы Прокуратуры ищут возможности

присоединения писателя к какому-нибудь политическому «уголовному» процессу. В январе 1972 г. на процессе по делу А. Буковского прокурор объявил Солженицына «вдохновителем» антисоветской активности.

В декабре 1971 г. стало известно, что западногерманский журнал «Штерн» опубликовал большую статью о романе «Август Четырнадцатого», одновременно с этим рассказывая о семейной хронике Солженицына, о его отце, матери, тетке, дедах и т. д.¹ Эти данные о родных Солженицына были якобы получены корреспондентом «Штерна» в беседе с престарелой теткой писателя, которую он встретил во время поездки в г. Георгиевск на Северном Кавказе. А. И. был очень возмущен этой статьей, и когда я встретил его накануне Нового года, он с уверенностью сказал, что эту статью напечатали в ФРГ только для того, чтобы впоследствии перепечатать в «Литературной газете» со ссылкой на западную прессу. В этом случае любые искажения и выдумки можно было отнести за счет немецкого журнала. Кроме того, в статью, перепечатываемую из иностранного издания, можно было включить и такие детали, которые обычно не принято публиковать в статьях советских авторов.

Предчувствие А. И. оказалось правильным. 12 января 1972 г. в «ЛГ» на 13-ой странице появилась большая статья с крупным заголовком «ЖУРНАЛ «ШТЕРН» О СЕМЬЕ СОЛЖЕНИЦЫНЫХ»:

«Это была семья грубиянов», — говорит Ирина, тетка лауреата Нобелевской премии Солженицына, о его родных, некогда богатейших землевладельцах . . .»

Так начинается «перевод» статьи из «Штерна». (Я ставлю слово «перевод» в кавычки, так как немецкий оригинал начинался совсем не так, — словами одного из героев романа, возмущавшегося глупостью самодержавия. «Россией должны править дураки, — восклицал он, — Россия не может иначе». Все положительные замечания о романе, которые неизбежно публи-

¹ См. «Stern» от 21 ноября 1971 г.

ковал «Штерн», так как роман этот был к этому времени уже издан на немецком языке,¹ были «сокращения» в русском варианте статьи.)

Как следовало из статьи в «Штерн» и из «примечаний» «ЛГ», московский корреспондент «Штерн» Дитер Штейнер разыскал жену брата матери А. И. Солженицына Ирину Ивановну Щербак, старую 82-летнюю полуслепую женщину, проживающую в г. Георгиевске на Северном Кавказе. Штейнер приехал к этой женщине и взял у нее «интервью». И. И. Щербак отдала Д. Штейнеру также рукопись своих «мемуаров» о семье А. И., фотографии родственников, и на основании всего этого Штейнер составил пространную статью, отождествляя родных Солженицына с некоторыми героями романа «Август Четырнадцатого». Главная задача этой статьи заключалась в том, чтобы показать, что дед А. И. по матери был богатым землевладельцем в Ростовской области. Но для «ЛГ» и этого было мало. К статье из «Штерна» «ЛГ» поместила дополнение, в котором сообщалось, что специальный корреспондент «ЛГ» был командирован на Северный Кавказ, чтобы собрать сведения о родственниках Солженицына по линии его отца. Этот корреспондент «выяснил», что дед А. И. Семен Ефимович Солженицын проживал в селе Сабля и тоже был очень богатым человеком, имел много овец, два хутора, счет в банке и т. д. «ЛГ» даже напечатала фотографию двухэтажного дома, в котором якобы жил дед А. И. При всем этом намекалось, что, может быть, потому А. И. недоволен существующей системой, что она лишила его предков фамильной собственности.

В публикациях «ЛГ» было множество искажений, неточностей и выдумок, но формальную ответственность за эти искажения можно было взвалить на немецкого корреспондента. Но и Штейнер мог все сва-

¹ Имеется в виду немецкий перевод романа, сделанный Александром Кемпфе и изданный издательством «Лянген-Мюллер» без разрешения автора. Издательство «Люхтерханд», имевшее законное право на перевод романа, добилось впоследствии запрещения продажи пиратского издания.

лить на престарелую Ирину Щербак, которая в свои 82 года могла все перепутать. Кроме того, по сравнению с ее маленькой комнаткой и государственной пенсией в 10 рублей в месяц («ЛГ» «сократила» упоминание о такой «пенсии») любые условия, которые она имела в старые времена, должны были вспоминаться как сказочное богатство. Возникал, однако, естественный вопрос: как иностранец Штейнер узнал о существовании Ирины Щербак и о ее местожительстве? Кто разрешил ему поехать в Георгиевск, куда, как и во все маленькие провинциальные городки, закрыт доступ иностранным корреспондентам? Кто сопровождал его в этой поездке?

Репутация журнала «Штерн», издающегося в Гамбурге, является весьма невысокой, и существуют данные об особых связях этого издания с полуофициальными источниками информации в СССР. Именно в «Штерне» стали печататься «Мемуары» дочери Сталина Светланы Аллилуевой, вывезенные за границу в 1967 г. Виктором Луи.

Статья в «ЛГ» о предках Солженицына вызвала в литературных кругах Москвы много разных шуток, так как и предки некоторых ведущих деятелей Секретариата ССП не были пролетариями. Это относилось, в частности, и к основным противникам Солженицына: редактору «ЛГ» А. Чаковскому, редактору «Огонька» А. Софронову и Председателю СП РСФСР Сергею Михалкову. Один очень старый член ССП рассказывал, что среди дедушек этих писателей были и жандарм, и владелец мукомольной фабрики, и помещик, именем которого и до сих пор называется принадлежавшая ему деревня «Михалково». К тому же известный всем дом семьи В. И. Ленина в Ульяновске был значительно больше дома деда Солженицына в Сабле, а мать В. И. Ленина М. А. Бланк находилась в родственной связи с весьма богатым родом Бланков.

Однако статья в «ЛГ», послужившая поводом для множества разговоров, не вызвала открытых протестов ни в СССР, ни за границей. Это позволило газете продолжить свою работу по ознакомлению советской общественности с откликами зарубежной прессы о но-

вом романе А. И. Солженицына. 23 февраля 1972 г. опять на 13-ой странице появились сразу две статьи об «Августе Четырнадцатого», перепечатанные из иностранных газет. В предисловии от редакции «ЛГ» к этим статьям говорилось следующее:

«... выход в свет на Западе романа А. Солженицына «Август Четырнадцатого», рукопись которого была передана за границу самим автором, послужил сигналом к началу крикливой антисоветской кампании. Буржуазная печать продолжает восхвалять новое сочинение Солженицына.

Чем же вызвана эта рекламная шумиха? Что представляет собой «Август Четырнадцатого» в действительности? Ответ на эти вопросы дают перепечатываемые нами с небольшими сокращениями статья известного финского писателя Мартти Ларни, опубликованная в шведской газете «Норшенсфламман» и заметки литературного критика Марины Штюц, появившиеся в западногерманской газете «Дейче фольксцайтунг»».

Статья Ларни была озаглавлена «Когда историю ставят в угол», статья Штюц имела не менее определенное название «В кривом зеркале», однако оба автора проявляли крайне плохое знание истории России и еще худшее знание романа, ими обсуждаемого.

О газете «Норшенсфламман» (Norrskens Flamman) мы уже упоминали в связи с ее выступлением по поводу присуждения Солженицыну Нобелевской премии. Это небольшая коммунистическая газета, издаваемая в шведском городе Люлеа консервативной фракцией шведской компартии. «Дейче фольксцайтунг» является газетой немецких коммунистов, но поскольку КПГ является запрещенной в ФРГ партией, то маловероятно, что эту газету печатают в Западной Германии.

Особенно развязной и непристойной по стилю была статья Мартти Ларни, причем он столь поверхностно и в общих выражениях говорил о самом романе, что создавалось впечатление, что самого-то романа Ларни не читал, а судит о нем с чьих-то слов. Главной нелепостью в статьях обоих критиков было то, что они пы-

тались обвинить Солженицына в антисоветских тенденциях, в антипатриотизме, в отрицательном отношении к Октябрьской Революции, несмотря на то, что роман очень строго ограничивал свое действие рамками августа 1914 г. и в нем даже намеков никаких не было на последующие события. Критикуя роман, Мартти Ларни не забывает в самой невежливой форме отзываться и об авторе. По его мнению, это «... человек эгоцентричный, желчный и асоциальный, который в припадке самолюбования не видит дальше собственного пупа...»¹

Цель начатой «ЛГ» «международной» кампании была очевидна. Опубликовав несколько статей зарубежных авторов, редакция «ЛГ», управляемая в этом деле кем-то «сверху», несомненно готовила серию резких откликов советских читателей. Ходили слухи о том, что в редакции уже сверстана подборка таких откликов, в которых представители советской литературы и общественности требуют принять решительные меры по пресечению антисоветской деятельности Солженицына.

Неожиданно я получил письмо из Норвегии от Пер Эгил Хегге. Он считал, что А. И. и его друзьям будет полезно знать об интервью, которое Мартти Ларни дал корреспонденту финской газеты «Ууси Суоми» (Uusi Suomi) и которое было опубликовано в Хельсинки 26 февраля, через три дня после публикации в «ЛГ» перевода статьи Ларни в шведской газете «Норшенсфламман». Это интервью было напечатано вместе с сообщением московского корреспондента финской газеты о публикации статьи Ларни в «ЛГ». Интервью было

¹ Мартти Ларни известен советскому читателю как автор сатирического романа «Четвертый позвонок, или мошенник поневоле» (издавался в 1959 и в 1960 гг.). В 1964 г. Ларни был Председателем Союза писателей Финляндии. По сведениям «Краткой литературной энциклопедии» (т. 4, Москва) для Ларни «характерны приемы гиперболы и карикатуры». Этими литературными терминами энциклопедия вежливо старается прикрыть склонность Ларни к фантастическим преувеличениям и фальсификациям, а также к демагогии.

дано под заголовком «Ларни имеет другой взгляд». В своем заявлении для «Ууси Суоми» Ларни сообщил следующее: он не знает газеты «Норшенсфламман» и никогда не писал статьи для этой газеты. Советский еженедельник «Литературная газета» попросил Ларни прокомментировать рецензию корреспондента «Вашингтон Пост» Анатоля Шуба на роман Солженицына. Это было несколько месяцев назад, и Ларни полагал, что его ответ Шубу может быть опубликован в конце 1971 года. Ларни подчеркивал, что он только комментировал статью Шуба, а не сам роман, так как непосредственно «Август Четырнадцатого» он не читал ни тогда, когда писал статью, ни в настоящее время.

Пер Эгил Хегге добавлял от себя, что Ларни, по-видимому, говорит правду о том, что он не писал статью для шведской газеты, так как он не может ни писать, ни читать по-шведски.

27. НЕСОСТОЯВШАЯСЯ НОБЕЛЕВСКАЯ ЦЕРЕМОНИЯ В МОСКВЕ

В конце 1971 г. между Секретарем Королевской Шведской Академии Карлом Рагнером Гировым и А. И. Солженицыным возобновилась переписка относительно возможностей вручения диплома Нобелевской премии и золотой медали. (Денежная часть премии была положена на имя А. И. в банке и могла использоваться лауреатом через его швейцарского адвоката.) Эта переписка была вызвана публикацией книги Пер Эгил Хегге. Шведская Академия была заинтересована решить возникшую проблему возможно скорее. Между тем дипломатические представители Швеции в Москве по-прежнему соглашались на вручение символа Нобелевской премии в Москве без всякой достойной этого события церемонии. 4 декабря 1971 г. А. И. Солженицын направил К. Р. Гирову письмо с новым предложением, которое было принято Академией. Это письмо не было конфиденциальным, и К. Гиров сообщил его содержание корреспондентам. Поэтому я также считаю возможным привести выдержку из этого письма. После повторного выражения своей точки зрения на позицию шведского посольства А. И. в этом письме писал:

«... не зная в Москве такой общественной или кооперативной организации, которая согласилась бы предоставить нам помещение для искомой цели, я осмелюсь предложить Вам иной вариант — совершить всю церемонию в Москве на частной квартире, а именно по адресу, по которому Вы посылаете мне письма. Квартира эта, правда, никак не просторнее шведского посольства, но 40—50 человек разместятся, по русским понятиям, вполне свободно. Церемония может несколько потерять в официальности, зато выиграть в домашней теплоте...»

Это предложение было принято Гировым, и вскоре он сообщил, что по ряду личных причин он сможет приехать в Москву для вручения премии только в апреле 1972 года. Поскольку А. И. не торопился, то вскоре была согласована и дата церемонии. Она была назначена на 9 апреля. А. И. наметил церемонию на дневное время и выбрал воскресенье с тем, чтобы открыто приглашенные им гости без помех могли придти по указанному в приглашении адресу. Церемония должна была состояться на квартире второй жены А. И. Наталии Светловой. А. И. действительно предполагал пригласить около 50 друзей и знакомых, а также несколько иностранных и советских корреспондентов.

Он наметил послать эти приглашения в две газеты: «Сельскую жизнь» и «Труд». Эти газеты никогда не публиковали статей, направленных против Солженицына.

А. И. понимал, что будет сделано все возможное, чтобы помешать церемонии, на которой предполагалось присутствие группы достаточно известных деятелей советской литературы, музыки, театра, науки. В середине марта стало достоверно известно, что «Литературная газета» действительно подготовила серию статей против Солженицына, в которых он обвинялся в антисоветской деятельности. Вслед за этим должны были появиться статьи, в которых некоторые граждане потребовали бы привлечения Солженицына к ответственности, либо высылки его из СССР. На различных пропагандных совещаниях возможность высылки А. И. из страны обсуждалась уже с 1971 года.

В связи с этими планами А. И. решил дать ответ критикам. Он решил облечь этот ответ в форму интервью. Для этого интервью были приглашены корреспонденты двух наиболее известных американских газет, «Нью-Йорк Таймс» и «Вашингтон Пост», Хедрик Смит и Роберт Кайзер. Представители этих газет, как и многие другие иностранные корреспонденты в Москве, много раз через друзей и знакомых А. И. высказывали желание о возможной встрече с Солженицыным. Но он ранее всегда отказывался от интервью.

Беседа А. И. Солженицына с Хедриком Смитом и Робертом Кайзером состоялась в квартире Н. Светло-

вой 30 марта 1972 г. и продолжалась несколько часов. Текст интервью с рядом сокращений был опубликован в этих газетах 3 апреля. Сокращенные версии интервью были опубликованы в этот же день во многих других европейских и американских газетах, а также передавались по радио из-за границы на русском языке.

В этом интервью А. И. рассказал о работе над следующим романом из серии о Первой мировой войне — «Октябрь Шестнадцатого» — и о трудностях, которые он встречается в сборе материалов к этой книге. А. И. также рассказал о различных преследованиях и клевете, которая распространяется на закрытых собраниях и в печати. А. И., в частности, дал ответ «Штерну» и «ЛГ» по поводу публикаций истории семьи Солженицыных. В русском варианте интервью, который впоследствии распространялся в самиздате (он был восстановлен группой друзей частично по магнитофонной записи беседы, частично по предварительным заметкам А. И. и по переводам текстов интервью из американских газет), этот раздел беседы содержал следующее заявление:

«... Что же касается моих предков, о которых пишут «Литературная газета» и «Штерн», то все это смехотворный вздор, а есть и очень направленная продуманная ложь... Главный редактор «Штерна» настаивает, что именно его корреспондент-немец Штейнер был у моей тетки в сентябре. Но все это не так. Приехали в августе, а не в сентябре трое советских граждан, прекрасно говоривших по-русски, а Штейнер, кажется, и не говорит, и были у тетушки пять раз, не торопились. Очень восхищались ее биографией, попросили у нее записки почитать на несколько часов — и больше не вернулись, украли. ... «ЛГ» и «Штерн» утверждают, что оба моих деда были помещиками на Северном Кавказе. «Литературной газете» все-таки неудобно до такой степени не знать отечественной истории. Кроме нескольких всем известных казачьих генералов, никаких помещиков, то есть дворян-землевладельцев, на

Северном Кавказе вообще никогда не было. Все земли принадлежали Терскому и Кубанскому линейным казачьим войскам. Эти земли до самого XX века многие пустовали . . . , но казачье войско охотно сдавало в аренду сколько угодно по баснословно низкой цене. Мои деды, и тот и другой, не были казаками — они мужики.

Совершенно случайно мужицкий род Солженицыных зафиксирован даже документами 1698 года, когда предок мой Филипп пострадал от гнева Петра I. (Эта история была напечатана в газете «Воронежская Коммуна» от 9 марта 1969 г., статья о городе Бобровке.) А прапрадеда за бунт сослали из Воронежской губернии на земли Кавказского войска . . . Были Солженицыны обыкновенные ставропольские крестьяне: в Ставрополье до революции несколько пар быков и лошадей, десяток коров да двести овец никак не считались богатством. Большая семья и работали все своими руками. И на хуторе стояла простая глинобитная землянка, помню ее. Но для «классовой» линии, чтобы оправдалась «передовая теория», нужно было приврать в статьях о моих предках какой-то банк, приписать ноли к имуществу, придумать 50 батраков, а под кисловодским дачным домом Щербаков, где я родился, приписать, что это — «деревенское поместье» Солженицыных. И дураку видно, что не станичный дом . . .»

Корреспонденты спросили Солженицына, не считает ли он возможным, что Карлу Гирову откажут в визе на въезд в СССР, чтобы помешать таким образом церемонии вручения Нобелевской премии. А. И. ответил:

«. . . Теоретически это не исключено, практически это тоже очень легко сделать, не требуется ни много сил, ни много ума. Но я этого не предполагаю, это была бы постыдная дикость».

В самом начале апреля я получил от А. И. приглашительный билет. На складном листке плотной бумаги была вычерчена схема расположения подъезда и квартиры (дом, в котором предполагалась церемония, имел

несколько дворов и около 20 подъездов), а справа от схемы был текст: «Дорогой Жорес! Приглашаю Вас присутствовать на Нобелевской церемонии 9 апреля 1972 г. Начало в 12 часов дня. Сбор гостей с 11.30 до 11.50. А. Солженицын». Такие же приглашения были отправлены примерно 50 знакомым, и почти все согласились присутствовать на церемонии. Были и отдельные отказы со ссылкой на какую-либо уважительную причину. Намерение большой группы весьма известных в СССР и за границей представителей интеллигенции быть гостями Солженицына и Гирова, по-видимому, больше всего и беспокоило некоторые органы власти. Ведь на церемонии обязательно должны были присутствовать иностранные корреспонденты, и подробный отчет обо всем происходившем стал бы широко известен за границей. За квартирой, в которой должна была состояться церемония, была установлена плотная слежка, хотя А. И. там в начале апреля не было. В один из этих дней я зашел в эту квартиру, чтобы поговорить о ряде дел с женой А. И. Когда я вышел, то за мной сразу образовался «хвост». Два человека в штатском следовали за мной, а невдалеке медленно ехала машина, мигая левым огоньком, хотя в этом месте был вблизи только правый поворот. Это сидящие в машине давали кому-то световой сигнал о том, что они берут меня под наблюдение. Один из следовавших за мной был молодым парнем в заметной кепке. Я пошел пешком к Ленинской библиотеке, к входу в научные залы. Делать там этому парню было нечего. Но когда я через некоторое время вышел из библиотеки, он поджидал меня, прячась за колонну. Его помощник был невдалеке. Пришлось покататься с полчаса в метро, чтобы домой ехать без сопровождения.

Карл Рагнер Гиров запросил в советском посольстве в Швеции визу на въезд в СССР примерно за месяц до намеченной процедуры. Швеция — дружественная страна, строго соблюдающая нейтралитет. Случаев, когда шведскому официальному представителю, намеревавшемуся приехать в Москву, отказали бы в визе, никто в шведском МИД не помнил, и шведские дипломаты в Москве получили указание встретить Гирова в аэро-

порту и забронировать ему номер в гостинице «Россия». Для сопровождения Гирова были выделены корреспонденты, начавшие согласовывать с лауреатом некоторые детали процедуры. Было очевидно, что шведское посольство в Москве считает приезд Гирова делом решенным и поэтому не хочет полностью игнорировать предстоящую процедуру.

Однако 4 апреля в вечерней передаче последних известий из Лондона и по другим радиостанциям было сообщено, что МИД СССР отказал Карлу Гирову в визе. Это решение вызвало в Швеции недоумение и возмущение.

Всех, кому было ранее направлено приглашение, А. И. известил об отмене церемонии. Не были извещены об этом лишь газеты «Труд» и «Сельская жизнь», так как направленные в эти газеты приглашения не были именными. 9 апреля в квартиру жены А. И. позвонил у двери ровно в 11.50 только один человек. Когда ему открыли, он показал приглашительный билет с подписью Солженицына и удостоверение корреспондента газеты «Сельская жизнь». Корреспондент газеты «Труд» не явился. Это было и понятно, так как в газете «Труд» только накануне, 7 апреля, была опубликована большая на две полосы статья с критикой Солженицына и его романа «Август Четырнадцатого». (На этот раз статья была представлена как перевод с польского оригинала, напечатанного в католическом еженедельнике с таинственным названием «ВТК».)

Корреспондент газеты «Сельская жизнь» был приглашен женой А. И. в квартиру и на вопрос о том, как его зовут, назвался Вале́й Сухановым. По его словам, приглашительный билет ему передал главный редактор «Сельской жизни». Н. Д. Светлова сообщила гостю о том, что церемонии не будет, но что Солженицын будет рад с ним поговорить. Корреспондент начал пятиться назад, извиняясь, что у него нет времени. «Но вы ведь пришли на церемонию, — сказала Н. Д., — значит, вы рассчитывали пробыть у нас достаточно долго». Но Суханов был уже за дверью. Он, по-види-

мому, не согласовал с теми, от кого получил пригла-
сительный билет, личной беседы с Солженицыным. На
следующий день Н. Д. Светлова позвонила в газету
«Сельская жизнь», чтобы узнать телефон Суханова. В
отделе справок редакции ей сказали, что сотрудников
с фамилией «Суханов» в редакции нет.

28. КТО ЗАКАЗЫВАЕТ И КТО ИСПОЛНЯЕТ МУЗЫКУ

По примечанию редакции газеты «Труд» католический польский еженедельник «ВТК» опубликовал статью «Август Четырнадцатого» Александра Солженицына, или правда о книге и мифе» 26 марта 1972 года. Перевод этой статьи с польского языка появился 7 апреля не только в «Труде», но и в еженедельнике «Литературная Россия», причем оба перевода были одинаковыми. Были, за одним исключением, и все примечания «от редакции», хотя редакции были весьма разными. Это говорило о том, что в деле публикации статьи у двух редакций был один общий начальник. Автором статьи был некто Ежи Романовский, имя в польской литературе совершенно не известное. (В каталоге польских книг в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина это имя не значилось.) Статья Ежи Романовского была очень недобросовестной рецензией на роман «Август Четырнадцатого». Она была определенно рассчитана только на тех читателей, которые не видели и не могли видеть сами роман. Поэтому мне, дважды прочитавшему книгу Солженицына, неудобно даже спорить со статьей Ежи Романовского. Романовский, например, пишет:

«Если у каждого славянина, симпатизирующего России, эти тяжелые страницы истории вызывают глубокую печаль и гнев, то у Солженицына они являются поводом для издевательства над всем русским...» «...Русские солдаты и офицеры представлены в книге бандой мародеров...» «...Книга изобилует многочисленными рассчитанно оскорбительными сентенциями в адрес России и славян...» и т. д.

Для того чтобы читатель, не знакомый с романом, мог оценить полную вздорность этих утверждений Ро-

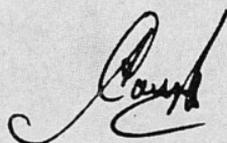
На 1 листе

Доктору

Жаресу Медведеву
Дорогой Жарес!

Приглашаю Вас присутствовать
на Нобелевской церемонии
9 апреля 1972 г.

Начало в 12 часов дня.
Сбор гостей с 11.30 до 11.50
/ ул. Горького, 12, кв. 169 /

А. Солженицын

мановского, я процитирую здесь вполне доступные источники. Например, Мартти Ларни в «ЛГ» от 23 февраля, обсуждая не читанный им роман, упрекал автора за показ того, что «... царская Россия была просто идеальным государством». Марина Штюц в той же «ЛГ» утверждает, что Солженицын русский народ «... изображает отсталым, но наделенным скрытой энергией и здравым умом, которые он черпает в глубоким религиозном чувстве».

Статья Ежи Романовского, перепечатанная двумя советскими газетами из польского католического еженедельника «ВТК», содержала также кропотливую попытку спорить с Солженицыным о деталях сражения в Восточной Пруссии в 1914 году. При этом Ежи Романовский цитировал весьма редкие издания книг русских военных историков. Кроме того, в статье Романовского имелось столь много типичных для советских газетных статей выражений и оборотов, что было сразу видно, что статья эта несомненно в оригинале написана по-русски, а не по-польски. Поэтому было интересно узнать, что представляет собой польский текст в еженедельнике «ВТК» и что это за католический журнал, обсуждающий столь далекую от католической религии тему, о которой, кроме того, польский читатель никак не мог судить из-за отсутствия польского издания разбираемого в статье Романовского романа. Когда я был в Москве, то в Библиотеке им. В. И. Ленина найти католический журнал «ВТК» не удалось, главная библиотека СССР не выписывала религиозные периодические издания из других стран. Естественно, что я решил зайти в редакцию газеты «Труд», полагая, что у них должен быть польский оригинал. Секретарь отдела литературы и искусства редакции «Труд» на мой вопрос ответила сразу и с каким-то испугом.

- У нас этой польской газеты нет. Мы получили только русский текст в директивном порядке.
- Но ведь должны были хотя бы проверить цитаты из приводимых источников, — возразил я, — это ведь правило для любой ста-

тьи, публикуемой в центральной прессе. К тому же в статье есть примечания от вашей редакции.

Секретарша поняла, что сказала что-то лишнее. «Вы, пожалуйста, подойдите к заведующему отделом, — она рукой показала на другой конец комнаты, — он Вам, наверное, все объяснит».

Заведующий отделом Ю. И. Скворцов выслушал мою просьбу (я хотел знать точное название католического еженедельника и хотя бы город, где он издается, так как я будто бы намеревался написать письмо в редакцию этого журнала). Скворцов сказал, что в отделе у него журнала «ВТК» нет, но если я подожду, то он выяснит. Через двадцать минут Скворцов вернулся. «Знаете, сейчас архив редакции закрыт. Я запишу ваш телефон, и когда работник архива придет, я узнаю и вам позвоню. Скажите, пожалуйста, вашу фамилию». И он вынул ручку, чтобы записать мои координаты, по-видимому, для той инстанции, которая прислала в «Труд» статью «в директивном порядке». Я сообщил Скворцову свой адрес, телефон и фамилию. (Несмотря на два письменных напоминания, он впоследствии так ничего и не написал мне о польском католическом еженедельнике «ВТК». Через полтора месяца я сам сообщил Скворцову все данные и об этом журнале, и о его редакторе.)

Через 5 дней после статьи в газете «Труд» «Литературная газета» опубликовала давно подготовленную страницу (опять, конечно, тринадцатую) с откликами читателей на статьи Мартти Ларни и Марины Штюц. Представляя эти материалы, «ЛГ» сообщала:

«... в редакцию „Литературной газеты“ поступило множество откликов на выступления М. Ларни и М. Штюц, в которых читатели дают достойную отповедь клеветническим вымыслам, содержащимся в «историческом» сочинении А. Солженицына. Сегодня мы публикуем лишь небольшую часть читательских откликов».

Этот намек на «небольшую часть» говорил о том, что в последующих номерах газеты кампания против

Солженицына может быть продолжена. Главное место 13-ой страницы «ЛГ» занимала статья белорусского писателя Леонида Прокши «По какой России плачет Солженицын». Это была обычная демагогическая статья, в которой Прокша пытался как-то связать Солженицына с антисоветскими эмигрантскими организациями, опубликовавшими в 1968 г. «Раковый корпус». Для большей колоритности Прокша сообщал детали биографий некоторых руководителей «Посева», сотрудничавших во время войны с гитлеровцами. Обсуждая «Август Четырнадцатого» (но не читая роман, а со слов Мартти Ларни, который тоже, как мы видели, не читал, а судил со слов Анатоля Шуба, корреспондента «Вашингтон Пост»), Прокша договаривался до полного абсурда, начинал путать Первую мировую войну со Второй, говорить о каких-то кощунственных намеках автора, из которых можно заключить, что «... автор был бы непрочь видеть немцев победителями». (Между прочим, позиция романа, отражающая основной дух начала войны, отчетливо патриотическая. Пораженцем в романе показан лишь социл-демократ, и это соответствует тактике социал-демократов в этот период. В. И. Ленин в статье «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне», написанной в сентябре 1914 г. (см. Соч., изд. 5-е, т. 26, стр. 6), писал:

«... С точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее войск...»

Этот тезис В. И. Ленин еще более ясно сформулировал в специальной статье «О поражении своего правительства в империалистической войне» (там же, стр. 286—291) и во многих других документах этого периода.

Леонида Прокшу дополняли: статья азербайджанского писателя Д. Мамедова «Истоки озлобления», статья армянского литературоведа М. Мкряна «Достойная отповедь», статья киргизского писателя Н. Жаркамбаева и отрывки из гневных писем трудящихся, инженеров, рабочих, диспетчера, учителя, директора школы и машиниста паровоза, Героя Социалистичес-

кого труда. Последний абзац этой со вкусом подобранной коллекции запрограммированных человеческих автоматов принадлежал инженеру Якшину, который восклицал об авторе «Августа»:

«... Но какой же он советский автор, если он копается в помойных ямах и клеветает на свою страну?»

Следующий номер «Литературной газеты» от 19 апреля я сразу открыл на 13-ой странице. Слева была статья «В одной упряжке с недругами», подписанная группой из пяти белорусских писателей (Максим Танк, Иван Мележ и другие), но это опять был отклик на «рецензии» Ларни и Штюц, столь же вздорный, как и все другие. Справа была напечатана большая статья Эусебио Феррари «Кто заказывает музыку», представленная «ЛГ» как перевод из апрельского номера итальянского журнала «Календарио дель пополо». Эусебио Феррари уже не обсуждал новый роман Солженицына. Он почему-то изложил содержание пьесы «Пир победителей», один экземпляр которой был конфискован КГБ в 1965 году. Где же итальянский автор смог узнать ее содержание? По словам Феррари, он беседовал с людьми, читавшими «Пир победителей». Эусебио Феррари в своей статье подходил к делу более практично, чем все его предшественники. Он четко, по пунктам сформулировал предъявляемые Солженицыну обвинения.

«В Москве, — писал Феррари, — против Солженицына выдвигаются конкретные обвинения, которые сводятся примерно к следующему: попытка подорвать общественные и политические основы советского строя с целью заменить принципы, на которых зиждется этот строй, ... другими принципами; пропаганда такой позиции посредством литературных трудов, обращений, воззваний и т. д.; использование для этой цели зарубежных средств массовой информации (газеты, издательства, радиостанции), о которых заведомо известно, что они выступают против советского общества».

И далее Феррари попытался доказать, что эти «конкретные обвинения» правильны и «отвечают логике борьбы пролетариата за торжество коммунизма».

Эусебио Феррари, представленный читателю «ЛГ» итальянцем, по существу излагал Уголовный Кодекс РСФСР, а именно статью 70: «Антисоветская агитация и пропаганда». В этой статье говорится:

«Агитация или пропаганда, проводимая в целях подрыва или ослабления Советской власти . . . распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно распространение либо изготовление или хранение в тех же целях литературы такого же содержания — наказывается лишением свободы на срок от шести месяцев до семи лет и со ссылкой на срок от двух до пяти лет . . .»

«Изготовление» в юридическом языке включает и сочинение. Именно по этой статье были осуждены в 1966 г. А. Синявский и Ю. Даниэль.

Дискуссию, начатую «ЛГ» в январе, о произведениях Солженицына можно было считать почти законченной. После Эусебио Феррари газета должна была, по-видимому, публиковать статьи представителей пролетариата, требующих суда над писателем. Итальянский журнал обосновал обвинение по статье УК РСФСР, а расправы должны были требовать соотечественники. Однако май 1972 г., когда логически можно было перевести «дискуссию» на юридические рельсы, был не очень удобным месяцем для подобной расправы. В мае в Москву должен был приехать президент США Ричард Никсон. Среди многих намеченных соглашений ожидалось и соглашение о культурном и научном сотрудничестве, и расправа с Солженицыным была для этого слишком плохим фоном. Однако Агентство печати «Новости» начало подготовительную работу, чтобы иностранные гости были готовы и к подобной расправе. В начале мая АПН в срочном порядке осуществило перевод на английский и французский языки всех критических статей, появлявшихся в советской прессе о Солженицыне (начиная от статьи в «ЛГ» в

июне 1968 г. и кончая статьей Эусебио Феррари), и издало в начале мая сборники, озаглавленные «Комментарии прессы о Солженицыне». Эти сборники распространялись в пресс-центре для американской делегации в Москве, а также за границей.

Тем временем я написал некоторым литераторам в Польше, а также в Варшавский институт литературы, попросив прислать мне экземпляр католического еженедельника «ВТК» за 26 марта. Итальянский журнал «Календарио дель пополо» имелся в открытом доступе Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, но в начале мая апрельский номер еще не был получен из Италии. По другим номерам можно было легко установить, что этот журнал является небольшим иллюстрированным коммунистическим журналом, издаваемым в Милане. В Милане у меня есть хороший знакомый, к которому я обратился с просьбой прислать мне апрельский номер и по возможности узнать в литературных кругах — кто такой Эусебио Феррари?

В конце мая я получил из Милана заказной пакет с апрельским номером «Календарио дель пополо» и письмо от своего знакомого. Статья Эусебио Феррари была напечатана под заголовком «Вопросы к Солженицыну» (а не «Кто заказывает музыку»), но содержание статьи было примерно тем же, что и в русском варианте в «ЛГ». Однако в примечании от редакции указывалось, что Эусебио Феррари живет в Москве. Более подробно его адрес не указывался. Мой знакомый в своем письме сообщил мне об Эусебио Феррари весьма немного. «... Об авторе статьи я не могу сказать много, — писал он, — по той причине, что его никто не знает. Но он несомненно не писатель и не критик...»

В библиотеках Москвы апрельский номер «Календарио дель пополо» появился лишь 20—21 мая. Это показывало, что «ЛГ», опубликовав «перевод» статьи 19 апреля, безусловно имела текст статьи до выхода журнала в Милане.

В начале июня я получил из Польши и два экземпляра «ВТК» от 26 марта 1972 года. Это был еженедельник газетного формата. Полное название еженедельника

было «Вроцлавски Тыгодник Католиков (Варшава)». ¹ На полный разворот газеты (стр. 4—5) была статья Ежи Романовского о романе «Август Четырнадцатого». Самое простое сравнение русского и польского варианта показывало, что именно русский вариант является настоящим оригиналом. В статье очень много цитат из самых редких источников. В русском варианте статьи во всех случаях даны номерные сноски, в которых указаны библиографические данные источников, а также страницы всех цитат. В польском варианте никаких библиографических сносков нет.

Но главное доказательство первичности русского текста сообщили польские литераторы. В статье много раз цитируется книга Б. Такман «Августовские пушки». Б. Такман — американский автор, и в английской литературе ее имя пишется Tuchman. Поскольку польский язык использует латинский алфавит, то поляки не меняют транскрипцию английских имен. Кроме того, книга Б. Такман издана в польском переводе с сохранением оригинальной транскрипции. Ержи (или Ежи) Романовский в польском варианте статьи всюду писал латинскими буквами Такман, то есть использовал русскую транскрипцию имени. Эта ошибка могла возникнуть лишь при переводе с русского, причем поляком, не знакомым с книгой цитируемого автора. Более того, в русском варианте статьи все цитаты из книги Б. Такман даны из английского издания как *перевод с английского на русский*. В польском варианте статьи эти цитаты не являются цитатами из польского издания книги и не являются цитатами из английского издания. Они являются переводом с русского перевода английского текста.

Польские друзья сообщали также некоторые сведения о самом еженедельнике «ВТК» и о его редакторе. «ВТК» издается особой организацией направленной против католической церкви. Это т. н. «независимые» католики. Польская церковь не признает этой организации. Ее руководителем является Пясецкий, хорошо известный в Польше реакционер. До 1939 г.

¹ Wroclawski Tygodnik Katolikow, (Warszawa).

он возглавлял фашистскую партию в Польше. В 1945 г. он был арестован НКВД а после этого стал организатором союза «независимых» католиков ПАКС. «ВТК» издается ПАКСом сначала во Вроцлаве (бывший Бреслау), а затем в Варшаве. Е. Романовский как журналист и писатель в Польше неизвестен, по-видимому, это псевдоним. Загадка появления статьи Романовского в «ВТК» становилась объяснимой.

29. НОБЕЛЕВСКАЯ ЛЕКЦИЯ

По традиции лауреаты Нобелевских премий в один из дней своего пребывания в Швеции могут прочитать открытую публичную Нобелевскую лекцию, текст которой затем публикуется в ежегодном сборнике Нобелевского фонда. После этого он может перепечатываться и в других изданиях и на других языках (в Нобелевском сборнике лекции публикуются на языке оригинала). Лекции ученых чаще всего впоследствии публикуются в международных научных журналах «Нейчур» или «Сайенс». Подготовка лекции, однако, — дело добровольное, и лауреат может отказаться от этой миссии. Например, когда в 1965 г. Нобелевскую премию по литературе получал в Стокгольме Михаил Шолохов, то он не выступал с лекцией. Он заменил лекцию пресс-конференцией, которая произвела в Швеции очень плохое впечатление.

А. И. Солженицын еще осенью 1970 г. серьезно отнеся к предложению Шведской академии о подготовке лекции, но последующий отказ от попыток добиться поездки в Швецию сделал вопрос о лекции не столь актуальным. Нобелевский фонд, однако, выразил большую заинтересованность в лекции Солженицына, а А. И. всерьез стал обдумывать вопрос о лекции, когда начались обсуждения процедуры вручения премии в Москве. Предполагалось, что эту лекцию он прочитает на церемонии вручения ему медали и диплома Нобелевской премии. Публикация лекции планировалась в сборнике Нобелевского фонда с материалами о премиях за 1971 г., то есть с годичным опозданием. Этот сборник должен был появиться в свет летом 1972 г., и поэтому во время несостоявшейся церемонии вручения премии на квартире жены А. И. в Москве приглашенные гости услышали бы эту лекцию впервые из уст лауреата. Текст лекции тогда не был известен ни мне, ни кому-либо из знакомых мне друзей писателя,

и мы ждали выступления А. И. на церемонии с огромным интересом. Но ни церемонии, ни выступления не состоялось.

Сборник Нобелевского фонда вышел в свет в конце августа 1972 г., и опубликованная в нем лекция Солженицына сразу стала событием международного значения и привлекла внимание мировой печати, за исключением, конечно, печати СССР, Китая, Кореи и некоторых других стран. В ведущих газетах и журналах были опубликованы обширные выдержки из этой лекции и комментарии к ним, в которых отмечалось большое достоинство автора, его гуманизм, важность сформулированных им идей о задачах литературы и искусства вообще и концентрированная яркость формы лекции. Несколько раз русский текст лекции передавался по радио из западных стран и, прослушав дважды такие передачи, я был очень рад убедиться в том, что лекция действительно производила сильное впечатление, и она столь ясно формулировала общечеловеческую, «надпартийную» роль литературы и приоритет нравственных и моральных идеалов над потребительскими и материальными тенденциями, что это неизбежно делало лекцию важным документом современной истории. Вскоре я получил из Швеции фотокопию опубликованного текста лекции. Текст лекции занимал 12 страниц сборника Нобелевского фонда (LEX PRIS NOBEL EN 1971. Stockholm. Imprimerie Royale, Norstedt a. Sönef, pp. 129—140), но эти двенадцать страниц удвоили тираж этого сборника по сравнению с тем, который был в прошлые годы. Я не могу приводить здесь полного текста этой лекции, через самиздат она будет известна широкому кругу советских читателей и без моей помощи. Но я все же приведу несколько цитат, которые резонируют с фактами, изложенными в настоящем очерке.

«На эту кафедру, с которой прочитывается Нобелевская лекция, кафедру, предоставляемую далеко не всякому писателю и только раз в жизни, я поднялся не по трем-четырем примощенным ступенькам, но по сотням или даже тысячам их — неуступным, обрывистым, обмерзлым из

тьмы и холода, где было мне суждено уцелеть, а другие, может быть, с большим даром, сильнее меня — погибли. Из них лишь некоторых встречал я сам на Архипелаге ГУЛаге, рассыпанном на дробное множество островов, да под жерновом слежки и недоверия не со всяким разговорился, об иных только слышал, о третьих только догадывался. Те, кто канул в ту пропасть уже с литературным именем, хотя бы известны — но сколько неузнанных, ни разу публично не названных! И почти-почти никому не удалось вернуться. Целая национальная литература осталась там, погребенная не только без гроба, но даже без нижнего белья, голая, с биркой на пальце ноги. Ни на миг не прерывалась русская литература! — а со стороны казалась пустынею. Где бы мог расти дружный лес, осталось после всех лесоповалов два-три случайно обойденных дерева.

И мне сегодня, сопровождаемому тенями павших и со склоненной головой, пропуская вперед себя на это место других, достойных ранее, мне сегодня — как угадать и выразить, что хотели бы сказать они?»

«... Кто же создаст человечеству единую систему отсчета — для злодеяний и благодеяний, для нетерпимого и терпимого, как они разграничиваются сегодня? Кто прояснит человечеству, что действительно тяжело и невыносимо, а что только по близости натирает нам кожу, — и направит гнев к тому, что страшней, а не к тому, что ближе? Кто сумел бы перенести такое понимание через рубеж собственного человеческого опыта? Кто сумел бы косному, упрямому человеческому существу внушить чужие дальние горе и радость, понимание масштабов и заблуждений, никогда не пережитых им самим? Бессильны тут и пропаганда, и принуждение, и научные доказательства. Но, к счастью, средство такое в мире есть! Это — искусство. Это — литература.

Доступно им такое чудо: преодолеть ущербную особенность человека учиться только на собственном опыте, так что втуне проходит ему

опыт других. От человека к человеку, восполняя его кучное земное время, искусство переносит целиком груз чужого долгого жизненного опыта со всеми его тяготами, красками, соками, во плоти воссоздает опыт, пережитый другими, — и дает усвоить как собственный.

И даже больше, гораздо больше того: и страны, и целые континенты повторяют ошибки друг друга с опозданием, бывает и на века, когда кажется, так все наглядно видно! а нет: то, что одними народами уже пережито, обдуманно и отвергнуто, вдруг обнаруживается другими как самое новейшее слово. И здесь тоже: единственный заместитель не пережитого нами опыта — искусство, литература. Дана им чудесная способность: через различие языков, обычаев, общественного уклада переносить жизненный опыт от целой нации к целой нации — никогда не пережитый этой второю трудный многодесятилетний национальный опыт, в счастливом случае оберегая целую нацию от избыточного, или ошибочного, или даже губительного пути, тем сокращая извилины человеческой истории».

«И еще в одном бесценном направлении переносит литература неопровержимый сгущенный опыт: от поколения к поколению. Так она становится живой памятью нации. Так она теплит в себе и хранит ее утраченную историю — в виде, не поддающемся искажению и оболганию. Тем самым литература вместе с языком сберегает национальную душу».

«Но горе той нации, у которой литература прерывается вмешательством силы: это не просто нарушение «свободы печати», это — замкнутие национального сердца, иссечение национальной памяти. Нация не помнит сама себя, нация лишается духовного единства — и при общем как будто языке соотечественники вдруг перестают понимать друг друга. Отживают и умирают немые поколения, не рассказавшие о себе ни самим себе, ни потомкам. Если такие мастера, как Ахматова или Замятин, на всю жизнь замурованы

заживо, осуждены до гроба творить молча, не слыша отзвука своему написанному, это не только их личная беда, но горе всей нации. но опасность для всей нации.

А в иных случаях — и для всего человечества: когда от такого молчания перестает пониматься и вся целиком ИСТОРИЯ».

«Скажут нам: что ж может литература против безжалостного натиска открытого насилия? А: не забудем, что насилие не живет одно и не способно жить одно: оно непременно сплетено с ЛОЖЬЮ. Между ними самая родственная, самая природная глубокая связь: насилию нечем прикрыться, кроме лжи, а лжи нечем удержаться, кроме как насилием. Всякий, кто однажды провозгласил насилие своим МЕТОДОМ, неумолимо должен избрать ложь своим ПРИНЦИПОМ. Рождаясь, насилие действует открыто и даже гордится собой. Но едва оно укрепится, утвердится, оно ощущает разрежение воздуха вокруг себя и не может существовать дальше иначе, как затуманиваясь в ложь, прикрываясь ее сладкоречием. Оно уже не всегда, не обязательно прямо душит глотку, чаще оно требует от подданных только присяги лжи, только соучастия во лжи.

И простой шаг простого мужественного человека: не участвовать во лжи, не поддерживать ложных действий! Пусть это приходит в мир и даже царит в мире — но не через меня. Писателям же и художникам доступно большее: ПОБЕДИТЬ ЛОЖЬ! Уж в борьбе-то с ложью искусство всегда побеждало, всегда побеждает! — зримо, неопровержимо для всех! Против многого в мире может выстоять ложь — но только не против искусства . . .

Вот почему я думаю, друзья, что мы способны помочь миру в его раскаленный час».

30. ДЕСЯТЬ ЛЕТ

Перед нами прошли десять лет после публикации в «Новом мире» «Одного дня Ивана Денисовича». За эти десять лет я много раз возвращался к чтению повести, и Иван Денисович и все, что происходило с ним в этот день, навсегда отразилось в моей памяти, пожалуй, ярче и подробнее, чем любой день из собственной жизни. Такова сила искусства. У Ивана Денисовича в его сроке тоже было десять лет, три тысячи шестьсот пятьдесят три дня, похожих друг на друга. Те десять лет, которые прошли перед нашими глазами в этом очерке, не были, однако, похожими друг на друга. Но изменения, которые мы проследили, не были изменениями только в жизни героев нашего очерка, это были изменения всего общества, всего мира. Автор повести десять лет назад начал с неожиданного триумфа, и это был триумф правды. Энтузиазм, с которым был встречен десять лет назад новый писатель, не был вызван одной лишь радостью общения с настоящим искусством. Люди радовались прежде всего тому, что вот настало время, когда можно говорить всю правду, когда страшные, но столь памятные, столь горькие события недавнего прошлого, омрачавшего, несмотря на победы, жизнь большинства, были открыты для беспощадного анализа. Люди радовались тому, что искусство может побеждать ложь и насилие. Солженицын нарисовал картину ада, но все видели, что это сделано для того, чтобы подобный ад не мог повториться. В «Одном дне» был показан еще не самый страшный круг ада. Это был Казахстан, а не Колыма, строительство, а не медные рудники, в нем люди жили по многу лет, а не погибали в один-два года от авитаминозов и истощения, как в тех страшных лагерях за Полярным кругом, в которых погибли муж Лидии Чуковской, и мой отец, и отцы ряда моих друзей, и многие миллионы наших сограждан.

Из всех произведений Солженицына, которые мы знаем, «Один день» был наиболее потрясающим. В «Круге первом» герои романа живут более легкой жизнью, они не думают о пайке хлеба, ведут научную работу и могут даже любить. У них нет только свободы. В «Раковом корпусе» автор выводит читателя за пределы ада. Обычная жизнь, полная новых надежд, постепенно проявляющейся справедливости. В «Августе» Солженицын вышел за рамки волнующей нас современности, показав тот мир, за события в котором почти никто из ныне живущих не несет прямой ответственности. За эти десять лет Солженицын показал, что талант его не только не ослабел, но приобрел новую силу, новую зрелость. Почему же «Один день» был напечатан в нашей стране в миллионах экземпляров и был встречен поддержкой большинства читателей, критики и руководства, а «Август», не напечатанный, даже не рассмотренный ни в одном издательстве, не вынесенный на суд читателей, был встречен ножами продажных критиков, скрывающихся часто под темной маской фальшивого псевдонима? Неужели мы снова идем к господству насилия и произвола? Неужели искусство, которое на короткий миг сверкнуло перед нами несколькими (но далеко не всеми) цветами радуги, должно теперь быть опять окрашено в один только цвет?

Мой хороший знакомый, самый старший из всех бывших сотрудников «Нового мира», человек, помнящий Революцию и гражданскую войну, в которой он участвовал в рядах легендарной дивизии Щорса, ответил как-то на этот вопрос очень просто: «Многие думают, — сказал он, — что при Хрущеве была демократия. Это чепуха, никакой демократии не было. Был иногда либерализм — это в наших условиях ненадежно. Это гуманная форма произвола. И это, во всяком случае, явление, как мы видим, временное. Устойчивая справедливость может быть лишь в условиях устойчивой, настоящей демократии».

Ноябрь 1971 — ноябрь 1972

